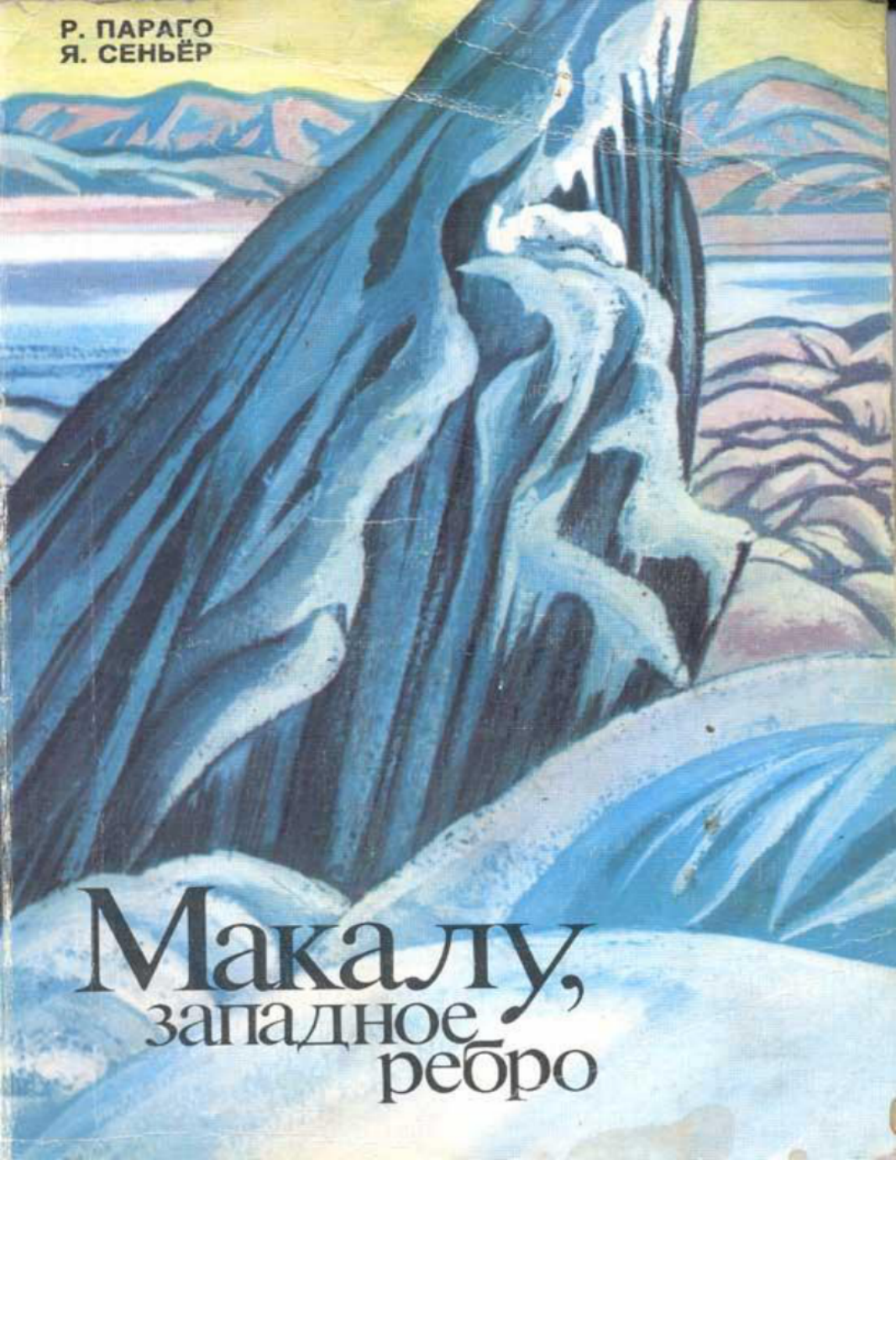

A stylized, painterly illustration of a mountain landscape. A large, dark blue mountain peak dominates the center, with a white waterfall cascading down its side. A small, light-colored figure is visible near the top of the waterfall. The background features rolling hills in shades of blue, purple, and pink, under a yellow sky. The overall style is reminiscent of mid-20th-century Soviet-era book cover art.

Р. ПАРАГО
Я. СЕНЬЁР

Макалу, западное ребро

Annotation

Книга посвящена экспедиции Французского альпинистского клуба, цель которой была — восхождение на одну из высочайших гор земли — Макалу, причем восхождение было совершено по чрезвычайно сложному маршруту — Западному ребру.

В книге читатель найдет не только описание повседневной жизни горовосходителей, в ней дается суровая картина высокогорья, образы жизни и обычай местных жителей. Поскольку высокогорные районы довольно редко посещаются учеными, то каждая экспедиция в такие районы обязательно дает что-то новое для высокогорной географии. Несомненно, такой вклад внесла и экспедиция на Макалу.

- Робер Параго. Яник Сеньер — Макалу. Западное ребро.

- Предисловие

- Робер Параго

- ПРЯМОЕ КАК СТРУНА

- ПРОШЛИ ГОДЫ

- ПРЕЛЮДИЯ

- ГЛАВНОЕ — НИЧЕГО НЕ ЗАБЫТЬ

- ОТЪЕЗД

- ДОЛГИЙ ПУТЬ

- СНЕЖНОЕ НАВАЖДЕНИЕ

- ОТЕЛЬ МАКАЛУ-БИС

- ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ПРОБЛЕМОЙ

- РАЗДУМЬЯ У РЕБРА

- Яник Сеньёр

- ПОСЛЕ ПЯТИ ДНЕЙ БУРИ...

- НАКОНЕЦ СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

- ОДИН НА ГРЕБНЕ

- БЕРНАР, МОЙ ТОВАРИЩ

- НЕВЕСЕЛАЯ ПРОЗА

- НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- ШАБАШ ВЫСОТЫ

- ПЛЯСКА ВЕТРА

- ДЕНЬ ЗА ДНЕМ, НЕУСТАННО.

- ПОРА БЫ УЖЕ КОНЧАТЬ!

- БЕЗГРАНИЧНЫЙ ЭНТУЗИАЗМ

- Робер Параго, Ярик Сеньёр

- 23 мая 1971 г.

- В ОБЪЯТИЯХ РАДОСТИ И ГОРДОСТИ, В ТИСКАХ ТРЕВОГИ

- МИФ О ПРОМЕТЕЕ
- ЧИСТЫЕ СТРАНИЦЫ
- ПРИЛОЖЕНИЕ
 - Оборудование, снаряжение, акклиматизация и снабжение
 - Индивидуальное высотное снаряжение
 - Оборудование высотных лагерей
 - Альпинистское снаряжение и кислород
 - Акклиматизация
 - Питание и снабжение
- ПОСЛЕСЛОВИЕ
- Фотографии
- Участники экспедиции
- notes
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6
 - 7
 - 8
 - 9
 - 10
 - 11
 - 12
 - 13
 - 14
 - 15

**Робер Параго. Яник Сеньер —
Макалу. Западное ребро.**

Предисловие

История восхождений в Гималаях или попыток таковых делится на два резко отличающихся друг от друга периода.

Первый, оканчивающийся в 1950 г., весьма длителен. Он начался в конце XIX в. За это время было организовано более 100 экспедиций, были сделаны смелые попытки восхождений, некоторые из них, к сожалению, окончились трагически. Восходители превзошли уровень 8000 м, достигнув даже 8600 м, но ни один восьмитысячник они не смогли покорить; им сдались лишь несколько семитысячников.

Особенно это заметно при сравнении с Альпами, где благодаря фантазии, дерзости и высокой технике альпинизма успехи сменялись триумфами; накануне второй мировой войны были последовательно побеждены наиболее сложные стены.

Но все изменилось после блестящего покорения Аннапурны. Альпинисты вдруг стали необычайно активными, и победы следовали друг за другом с невероятной быстротой. Были сделаны восхождения на все восьмитысячники и на большинство семитысячников, причем на некоторые даже неоднократно. Теперь у восходителей появилось стремление покорить высочайшие горы по сложным путям.

Итак, за последние двадцать лет альпинисты смогли добиться успеха. Прежде всего потому, что они сумели правильно оценить специфику гималайских условий, начиная с высоты вершин над уровнем моря. Проникновение в самую сущность высотного альпинизма, создание новой тактики заложили фундамент успеха, развитого впоследствии упорными тренировками, усовершенствованием техники, снаряжения.

Однако не следует впадать в ошибку. Гималаи есть Гималаи. Трудности и опасности остаются. Большое число неудач, аварий и даже крупных катастроф, происшедших за последнее время, напоминают нам об этом самым недвусмысленным образом.

В разработке теории успеха французские альпинисты наравне с английскими играли, по-видимому, главную роль, хотя и другие восходители прославились выдающимися индивидуальными подвигами.

Для нас было важно не число экспедиций, а то чувство нового, которое вносилось в каждую национальную экспедицию, организованную федерацией, и отмечало каждый раз новый шаг вперед в преодолении комбинации высота-техническая сложность, та объективность, с которой обсуждалось изменение стратегии, тактики и технических средств.

Один из высочайших и почти неисследованный семитысячник, другой семитысячник величайшей сложности, первый восьмитысячник, второй восьмитысячник. ...После всех этих успехов разве не настало время для нового рывка вперед, для предельно трудного пути на одну из высочайших гор?

Начиная с 1934 г., когда аэрофотосъемка открыла несравненную элегантность Западного ребра Макалу, об этом маршруте альпинисты грезили как о чем-то несбыточном. Это было, без сомнения, прекраснейшее творение природы, и настал день, когда мы окрестили его гималайским Валькером^[1]. Затем мы не раз возвращались к навязчивой идее, а некоторые из нас даже ставили вопрос всерьез, тщательно взвешивая все данные, в том числе и финансовые. В 1969 г. наконец жребий был брошен.

Подобные же переживания были и у англичан, собиравшихся штурмовать южную стену Аннапурны. Весной 1970 г. после тяжелой борьбы они добились успеха, открыв тем самым эру предельно сложных восхождений в Гималаях.

Но наш замысел был, я думаю, еще более честолюбивым. Препятствия обещали быть еще труднее: большая высота, вертикальные или нависающие скальные участки на протяжении нескольких сот метров, вблизи 8000 м, отсутствие защиты от бешеного ветра с Тибетского нагорья.

Вызов был принят.

Первый же штурм принес победу, и можно было подумать, что задача не была столь трудной, как это представлялось. Но так думать было бы грубой ошибкой. В действительности успех был достигнут на пределе, и лишь одна связка поднялась на вершину, в то время как ранее на том же Макалу, на Башне Мустаг, на Жанну вся команда добилась успеха (рекорд, который и до настоящего времени остается за Францией).

Кроме чисто технической сложности восхождения, уровень которой никогда в Гималаях не встречался и потребовал применения сложнейших приемов скалолазания, следует упомянуть и об исключительно плохой погоде, по-видимому худшей в этих горах за 70 лет. Буря, полярный холод, вынужденное пребывание в палатках предельно усложнили восхождение.

Команда, вероятно сильнейшая из всех когда-либо созданных федерацией, работала действительно на износ, однако, мобилизовав свою волю, сумела найти в себе силы для решающего броска, увенчавшегося победой. Был преодолен Большой взлет ребра-сложнейший участок альпийского маршрута, перенесенного в Гималаи.

Замечательный руководитель экспедиции, великолепно

справившийся со своими обязанностями, Робер Параго и альпинист высочайшего класса Яник Сеньёр, один из двух победителей вершины, который в качестве ведущего в связке прошел 80 процентов Большого взлета, ведут в этой книге рассказ об уникальном восхождении.

Каждый из них писал различные главы, следуя своей точке зрения, но не уходя от общего замысла, согласованного с Феликсом Жерменом, который оказал им существенную помощь на различных этапах создания книги, за что от имени всех я выношу ему горячую благодарность.

Авторы пытались прибегнуть к нововведениям. В книге можно заметить стремление показать экспедицию под всеми углами зрения, реально и даже резко. Ничто не сглажено, не смягчено, и это сделано с умыслом. События и психология альпинистов приведены такими, какими они были в данный момент, во всей их наготе. Да, вы можете таким образом, принять участие в самой жизни экспедиции.

По степени сложности это восхождение, бесспорно, самое трудное, из всего того, что когда-либо сделано в Гималаях, по непревзойденной красоте маршрута; победа над Западным ребром Макалу была блестящей в истории покорения вершин.

Робер Параго, Люсьен Берардини, Франсуа Гийо, Робер Жакоб, Клод Жаже, Жак Маршаль, Бернар Мелле, Жан-Клод Моска, Жан-Поль Пари, Жорж Пайо, Яник Сеньёр и шерпы, дошедшие до высотных лагерей, могут гордиться этим великолепным достижением, которое не потускнеет от времени.

Они проявили блестящее мужество и решительность. Это итог, и это начало. Меняется представление о возможностях человека. Отныне все будет иным. Таково честолюбие человека, разрушающее и созидающее.

Люсьен ДЕВИ. президент Гималайского комитета и Горной федерации Франции.

Робер Параго

ПРЯМОЕ КАК СТРУНА

Прямое как струна... прямое как струна... Сто раз повторяемая формула Жана Франко^[2] не выходит у меня из головы. Прямое, как струна... Без единого отступления... Невероятная конструкция... Невозможная, добавляли Купэ и Виалат, товарищи Жана в экспедиции 1955 г. Без всяких слабых мест это Западное ребро Макалу? Это еще надо посмотреть! А что касается невозможного, разве опыт не показал, особенно в альпинизме, что завтра оно становится возможным?

Лежа в палатке в Базовом лагере, я уже долгие часы безуспешно пытаюсь отдохнуть. Беспокойство? Немного, наверное. Но в основном это ужасающая головная боль, не прекращающаяся ни на минуту и изредка затихающая лишь для того, чтобы с новой силой сверлить мне мозги. Мелькают беспорядочные образы, воспоминания переплетаются, налезает друг на друга.

Образы? Все то, что я видел сегодня утром при облете Ребра на вертолете с Бернаром Сеги. Последний привез нам почту, фрукты, мясо, пиво, и я попросил его показать мне вблизи эту потрясающую крепость, великую незнакомку, мысль о которой терзает нас днем и ночью. Бериар выжал из машины все, что возможно, и, применив все тонкости своего мастерства, поднял ее более чем на 7000 м. 7000, без кислорода... Ничего удивительного, что теперь мой череп трещит по всем швам! Но я видел. В непосредственной близости к Ребру я смотрел на него во все глаза, я фотографировал, снимал на киноплёнку. И фантастический взлет, если так можно сказать, смягчился. При тщательном осмотре скалы структура, на первый взгляд абсолютно монолитная, открыла свои слабые места: изломы, трещины, желоба, карнизы. Круто, конечно, очень круто; лазание исключительно трудное, но оно уже не кажется невозможным. Остается проблема, которой мы боялись и к которой стремились именно потому, что с такими проблемами никогда никому еще не приходилось иметь дело.

Воспоминания? В моей раскалывающейся голове они играют в чехарду и восстанавливают историю нашей экспедиции с зарождения идеи и до последнего участка подходов, который привел нас вчера к самому подножию Макалу, на эту лужайку с выгоревшей травой, где мы установили наш Базовый лагерь. Я лежу в пуховом мешке, и до меня доносятся близкие, но приглушенные звуки лагерной жизни: визг пилы, вгрызающейся в доску, - используя фанеру от упаковочных ящиков, Жакоб и Мелле

мастерят подобие стола; глухой стук камней — Сеньёр без конца ворочает громадные глыбы, возводя стенку вокруг своей палатки; металлический звон — это кухня, приводимая в порядок нашим поваром Анг Намгиалом; бессвязные отрывки разговора, порой более громкое слово, короткое восклицание; голоса шерпов, неразборчивые, одновременно грубоватые и певучие, то близкие, то далекие. На звуковом фоне, как яркая нитка на темной ткани, выделяется острая музыкальная фраза, рождаемая без конца какой-то дудкой, сделанной шерпом из палаточного колышка. На три ноты: Макалу, Макалу, Макалу... Западное ребро, Западное ребро, Западное ребро... Базовый лагерь, Базовый лагерь... С каких пор? До каких пор? Годы или дни?

ПРОШЛИ ГОДЫ

Да, годы. Фактически этой экспедиции, на Западное ребро Макалу уже двенадцать лет.

1959... Вот уже несколько дней, как мы покинули Дхаранбазар. Под предводительством Жана Франко французская экспедиция на Жанну направляется к Базовому лагерю. Среди участников ветераны Макалу-55 и несколько молодых, впервые попавших в непальские Гималаи. Я шагаю с самого утра со своим другом Жаном Бувье.

Добираемся до последнего гребня предгорий Гималаев, высоких холмов Сивалик, и перед нами, закрывая весь горизонт от Канченджанги до Эвереста, внезапно открывается великий Гималайский барьер-гигантское белое пламя, сверкающее на голубом фоне неба, чарующая легенда восьмитысячников. Здесь обиталище богов, вечно царящих в этом высочайшем уголке Земли. Отдельно, впереди своих братьев, великан, «спящий шесть месяцев в году», колоссальная пирамида чистейшей архитектуры — Макалу.

Жан Бувье рассказывает, как в 1965 г. на высоте 8481 м на этом маленьком снежном клочке он пережил со своими товарищами несколько волнующих минут. Я жадно слушаю и переживаю вместе с ним этапы восхождения, часы страдания, когда жизнь из-за адского ветра становилась невозможной, и наконец бурную радость победы.

Однако надо спускаться к концу ущелья Тамар-Кхола. Я встаю рывком, забрасываю рюкзак на плечи и перед уходом кидаю взгляд на Жана.

«Ну что же. Если мне придется когда-нибудь лезть на этот пуп, я выберу Западное ребро, там, слева, которое вы считаете «невозможным».

Жан в свою очередь смотрит на меня и молча улыбается. Я тоже не могу удержаться от смеха. Просто шутка, конечно. Дружеская подначка. Однако идея родилась и пошла своей дорогой.

Можно ли мечтать о лучшей цели, чем это Ребро, эта структура необыкновенной чистоты, без единого изъяна? «Прямое как струна», — говорил Франко; Ребро с таким монолитным, вертикальным, совершенно лишенным снега взлетом, что с трудом можно было представить, что кто-нибудь попытается когда-либо его преодолеть.

Идеальный путь на идеальную вершину! Мы продолжали еще считать его невозможным, но не могли удержаться от грез. Затем

мало-помалу мечта стала реальностью. Развитие альпинизма в Гималаях шло тем же путем, что и — освоение Альп. Логичный и необходимый путь. Каждая успешная экспедиция отмечала новый шаг в завоевании максимальных трудностей. Аннапурна, Макалу, Башня Мустаг, Жанну... Каждая победа представляла собой этап французской инициативы, этап развития альпинизма, страстно стремящегося к новому, небывалому.

В 1962 г. покорение Жанну высотой 7710 м было справедливо расценено как замечательное достижение, как наиболее сложное восхождение, совершенное к тому времени. Меньше чем через 10 лет (в Альпах потребовалось около века) погоня за не взятыми вершинами уступила место поиску путей высочайшей трудности.

Нашим британским друзьям, пионерам освоения Гималаев, предстояло первым осуществить это на одном из восьмитысячников. Весной 1970 г. связка Дугала Хэстона и Дона Уилланса — членов сильной команды под руководством Криса Бонингтона — поднялись на вершину Аннапурны (8091 м) по грозной южной стене.

Началась новая эра применения современной техники для восхождений предельной трудности по наиболее крутым стенам наиболее высоких гор Земли.

Альпинисты всего мира мечтали совершить что-нибудь еще более выдающееся. Разве французы в свою очередь не вступят в соревнование? Итак, Гималайский комитет, применив свою исполнительную власть для реализации проекта, набросок которого был составлен уже осенью 1969 г., принимает четкое решение послать команду для попытки восхождения на Макалу по Западному ребру. Жребий брошен.

ПРЕЛЮДИЯ

Когда я был назначен руководителем экспедиции, мое начальство по работе в Парижской центральной страховой кассе, в очередной раз идущее мне навстречу, освободило меня от работы на пять месяцев. Первой моей заботой было собрать «остов» команды. Поскольку экспедиция должна была состояться весной 1971 г., надлежало, не теряя времени, начать материальную подготовку во всех ее аспектах.

Учитывая характер и размах цели, мне хотелось, чтобы некоторые важные решения были результатом коллективного обсуждения, в частности выбор состава команды. Вот почему уже с начала 1971 г. Демезон, Пари, Берардини, Сеньёр и я образовали «бюро» французской экспедиции на Западное ребро Макалу. Лично я принимал участие в пяти крупных экспедициях в Анды и Гималаи. Последняя, которой я руководил, была в Перу, для восхождения на Уаскаран по Северной стене. Я понимал, таким образом, что меня ожидает. Наше Ребро намного сложнее! Подготовка, заказы, а главное — заботы увеличивались в Гималайских масштабах!

Признаюсь, участие в Гималайской экспедиции доставляет несравненное удовольствие, но для того, кто отвечает за подобное мероприятие (даже если друзья время от времени ему помогают), беспокойство и заботы всех сортов, предшествующие отъезду, быстро заставляют забыть о таком удовольствии. Порой даже угрожает отчаяние, и ты готов все послать к черту.

Все руководители экспедиции испытывали в свое время те же смены надежд и отчаяния, то же тоскливое ожидание разрешения, которое никак не приходит, те же тысячу раз повторяемые материальные проблемы. Громадные расходы (около семисот тысяч франков) относились, к счастью, к ведению более высоких инстанций. Но мне вполне хватало моих личных разнообразных и ежедневных вопросов: хватит ли пяти пар носков на восходителя? Будет ли достаточно эффективен этот защитный крем и понравится ли он всем? Среди трех тысяч тщательно выбранных предметов (начиная от общей палатки до шила для сапожника и куриного супа) не забуду ли я именно то, что нам там, на Ребре, будет отчаянно не хватать? Не ошибся ли я, рассчитывая с точностью до грамма высотные пайки? В метро, на работе, порой даже во время скальной тренировки в Фонтенбло не было ни одной минуты, свободной от навязчивых идей. А это разрешение непальского правительства, когда же оно прибудет? Я должен все же знать на что мне рассчитывать, прежде чем дать заказы на

специальное снаряжение, в частности на дорожную кислородную аппаратуру. Без одобрения президента Люсьена Деви, чуткой помощи секретариата федерации и терпеливой г-жи Морган я, вероятно, махнул бы на все рукой. Но все улаживается в свое время.

В конце летнего сезона 1970 г. нам предстояло отобрать состав команды, и это был, бесспорно, наиболее важный вопрос. В одну из суббот сентября, в помещении федерации на улице Ля Бэти собралось бюро экспедиции. Обсуждение длилось долгие часы. Наконец был составлен список из десяти альпинистов и пятерых, в порядке очередности, запасных. Эти десять, лучшие в то время, выбирались не только по своим спортивным достижениям, но и по некоторым другим весьма важным критериям, как, например, общительность.

Созданная таким образом команда, на мой взгляд, хорошо уравновешена с точки зрения возраста. Самому молодому 27 лет, пять человек не старше 32 лет, остальные пять — «старые бойцы» между 33 и 40 годами. В последних гималайских экспедициях намечалась тенденция подбора восходителей зрелого возраста, способных переносить на высоте длительные нагрузки. Однако я подумал, что нам придется преодолеть 300 — 400-метровый взлет исключительной трудности, на высоте более 7000 м, и для этого было бы предпочтительнее иметь нескольких виртуозов, обладающих энтузиазмом и вдохновением молодости.

Один «молодой» на одного «старика» — это, по-моему, идеальная комбинация.

Гималайский комитет утвердил наш выбор, и осталось подобрать врача. Я прошу моего старого «сообщника» Гюи де Эпен, участника экспедиции на Жанну и совсем недавно на Уаскаран. Служебные обязанности не позволяют ему уехать с нами. Наконец почти по газетным объявлениям мы находим врача. В одной из статей в «Фигаро» упоминалось о наших затруднениях, и доктор Жак Маршаль предлагает свои услуги. Хирург, квалифицированный альпинист. Предложение принято.

Итак, команда составлена: Люсьен Берардини, 40 лет, парижанин, чертежник-конструктор; Франсуа Гийо, 27 лет, марселец, ассистент в институте и альпинистский гид; Робер Жакоб, 40 лет, парижанин, техник; Клод Жаже, 30 лет, из Шамони, преподаватель и гид; Бернар Мелле, 32 года, парижанин, мастер-обойщик; Жан-Клод Моска (по прозвищу Галка), 27 лет, из Шамони, гид (взамен Рене Демезона, которому придется отказаться за месяц до отъезда); Жан-Поль Пари, 32 года, житель Лиона, инженер, известный также под кличкой Панама; Жорж Пайо, 33 года, из Шамони, гид и тренер по горным

лыжам; Яник Сеньёр, 29 лет, из Шамони, технический советник и гид; Жак Маршаль, 32 года, парижанин, хирург, и ваш покорный слуга — Робер Параго, 43 года, парижанин, кадровый сотрудник социального страхования, «шеф» экспедиции.

На мой взгляд, это идеальная команда, надежная, рвущаяся в бой, но хорошо сознающая, что ее ожидает. Если бы только удача захотела нам сопутствовать...

В ноябре Жан Франко, руководитель национальной школы лыж и альпинизма в Шамони, соглашается нас принять. Впервые команда собирается в целом составе на длительный уикэнд: сорок восемь часов дискуссий, тщательного, до мельчайших деталей, изучения плана.

На кадрах фильма первой экспедиции 1955 г. появляется иногда Ребро. Наиболее оживленные обсуждения вызывают фотоснимки, присланные Эрвином Шнейдером, известным австрийским альпинистом, специалистом по топографии и картографии Гималаев.

Правильная пирамида Макалу вздымается из двух громадных цирков, сераки которых спускаются ледопадами в верхнюю часть ледника Барун. Пирамида имеет два склона, ориентированных на юго-юго-запад и на северо-запад. Щиты из плит перемежаются глубокими желобами и крутыми контрфорсами с колоссальными навесами. Исключительная крутизна этих стен подчеркивается несколькими редкими фирновыми пятнами, повисшими или притаившимися в глубине ниш. От вершинного снежного конуса, затерявшегося в небе, падают два острых гребня: северо-северо-западный, приведший в 1955 г. к вершине экспедицию Жана Франко, и юго-восточный, преодоленный с большими трудностями в 1970 г. японцами.

Между двумя стенами третий гребень-Западное ребро. Оно рождается в треугольном цоколе, испещренном кулуарами высотой порядка тысячи метров, и постепенно уходит вверх. Сперва снежное, между двумя пересеченными ледниками, оно проходит на высоте более 6000 м через два колоссальных горба (Близнецы^[3]), становится все круче и вдруг вздымается вертикально в фантастическом скальном взлете высотой более 300 м. Монолитное, гладкое со всех сторон, неумолимое. Затем крутизна смягчается. Бывшее чисто скальным, Ребро украшается белыми пятнами, скальные ступени перемежаются острыми как нож снежными гребешками, и наконец на высоте примерно 8150 м Ребро сливается с юго-восточным гребнем менее чем в 400 м от высшей точки.

Прямое как струна... без единого, изъяна... Рассуждения и комментарии продолжаются.

Действительно, этот взлет-главная загадка Западного ребра Макалу. По сравнению с ним Западная стена Пти-Дрю, хорошо известная, кажется нам значительно более расчлененной. А препятствие, не забудьте, затаилось между 7300 и 7800 м! Каждый из нас хорошо представляет себе, какие трудности надо будет преодолеть. И в мыслях уже забиваются крючья, навешиваются веревки. Маршрут? Но он известен! Никаких проблем, прямо вверх! Не может быть и речи о том, чтобы трудности, как бы велики они ни были, могли устоять против упорства и мастерства нашей команды!

И все же в процессе дискуссии вырисовывается одна проблема-это размещение лагерей. Если первые, ниже 6000 м, можно, по-видимому, организовать без особых осложнений, то выше это будет не так просто. Никакого разрыва в крутизне, никаких изъёмов в лезвии ребра, нет никакой уверенности в наличии площадок, необходимых для установки высотных палаток. Преодолеть ребро без лагерей? Немыслимо! Лагеря для штурмовых связок-вопрос жизни и смерти. Ну так что же! Мы изготовим искусственные платформы для двухместной палатки и будем вешать их на скале. Будем надеяться, что найдем необходимые трещины для крючьев. Что, между прочим, тоже не гарантировано, если только верить аббату Бордэ.

Аббат Бордэ-геолог экспедиции 1955 г., автор интересной работы по району Макалу. Он составил прекрасные карты, изготовил ценные рабочие пособия. Я посетил его в бюро на улице Асса. Он без всякого стеснения сказал мне свое мнение. Подняться по Западному ребру Макалу? Большая смелость... если не сказать больше. Тем не менее я выпросил у него техническое, по возможности детальное, описание Ребра и до нашего собрания в Шамони вручил копию каждому члену команды. Я даже посоветовал, кажется, тем, чей оптимизм может сдать, не слишком часто его перечитывать! И вот сегодня дискуссия разворачивается вокруг этого описания.

Начиная с Близнецов и до самой вершины Макалу сложен из белого и турмалинового гранита. Это гомогенная скала без стратификации, очень твердая, сравнимая с иглами (иглы — острые скалы, или вершины. — Прим. пер.) массива Монблана. Она, по-видимому, неприступна для обработки молотком. Снаряжение должно быть снабжено наконечниками из спецстали. В скале могут быть вертикальные трещины, заполненные очень твердым льдом.

«...До высоты 7300 м должны встречаться остатки очень твердых слоистых гнейсов. Наклон их поверхности порядка 15° на запад. Нечто аналогичное, но наклоненное под меньшим углом

находится на последних 600 метрах. Что касается большого взлета между 7300 и 7600 м, то он из чистого гранита, правда, поверхность его изборозжена трещинами, образовавшимися в результате действия низких температур. Если мне не изменяет память, скалы с обеих сторон Ребра нависают над пропастью».

«Я думаю, что вашей главной задачей будет организация лагерей; считаю, что они должны быть установлены на искусственных платформах. Закрепление последних будет, несомненно, трудным из-за восходящих воздушных потоков, образующихся вдоль больших поверхностей, обогреваемых солнцем. В случае плохой погоды, горизонтальные скорости ветра могут достигать от 120 до 150 км/час».

Неприступно для молотка... 150 км/час... ну и ну! Эрвин Шнейдер, с которым я веду довольно регулярную переписку, прислал мне из Непала свои соображения, касающиеся нашего восхождения по Ребру:

«От Базового лагеря до второго Близнеца, то есть до конца снежного гребня на высоте 6500 м, серьезных трудностей не предвидится. На 6440 м-последнее место, удобное для лагеря. Это снежная голова на гребне, где достаточно места для установки палаток.

Следующий участок, безусловно, неприятен, а начиная с 7350 м и до 7500 тянется наиболее крутая часть.

Эта часть, совершенно свободная осенью и зимой от снега, бесспорно, самая сложная, насколько можно судить издали. Начиная с 7800 м и до главного гребня не должно быть чрезмерных трудностей, и здесь снова можно будет установить более удобные лагеря.

Выше, примерно на 8150 м, ребро соединяется с юго-восточным гребнем, затем около 8300 м находится взлет, последнее препятствие перед вершиной».

В каких сдержанных выражениях, дорогой Эрвин, высказаны эти данные!

Ветер скоростью 150 км/час вызывает новые заботы о лагерьном снаряжении. Чтобы противостоять такому ветру, необходим, по-видимому, новый тип палатки. Англичане применили на южной стене Аннапурны довольно оригинальную палатку-усовершенствованное издание «коробки», разработанной Доном Уиллансом, для защиты от свирепых ветров Патагонии; параллелепипедная палатка представляет собой жесткий каркас из дюралевых труб, на который надевается цельная оболочка с внутренней шнуровкой. Плоская крыша может выдержать значительную снежную нагрузку, и, что является несомненным достоинством, снег, тающий на крыше в течение дня, дает запас

воды.

С согласия Дона Уилланса мы возьмем за основу эту модель и усовершенствуем ее, учитывая результаты нашего обсуждения.

Будем надеяться, что наш поставщик согласится изготовить дюжину таких «хижин» (как мы уже их окрестили) сверх стандартных палаток.

А теперь — альпинистское снаряжение. Все фабриканты выставили в зале собраний школы щиты с самой разнообразной продукцией. Я доверяю наиболее придирчивым техникам нашей команды сделать выбор. Крючья, механические устройства всех видов, ледорубы наиболее хитрого типа взвешиваются, прощупываются, кошки выбираются по вкусу каждого. Я уверен, что только наилучшее снаряжение сможет решить проблему ребра, и мне хотелось бы, чтобы в распоряжении каждого было все необходимое, если не сказать излишнее.

Нескончаемый спор между Я пиком Сеньёром и Франсуа Гийо по некоторым видам крючьев. Одиннадцать тысяч метров веревки от 6 до 11 мм в диаметре, 350 карабинов, более 500 крючьев, лестницы из электрона, спасательная лебедка, которую можно использовать для подъема грузов... Все это снаряжение выбирается тщательно, с любовью.

Конечно, снаряжение, изготовленное для последних французских экспедиций в Гималаи (на Макалу в 1955-м, на Жанну в 1959 и 1962 гг.), показало хорошее соответствие большим высотам и было вполне удовлетворительным. Однако Западное ребро Макалу ставит задачу по-новому.

Так, например, обувь, как известно, важнейшая часть снаряжения восходителя. Мне кажется невозможным преодолеть Ребро в сапогах из оленьего меха, так великолепно защищавших нас от холода во время восхождений. Теперь нам нужна обувь, которая не только спасет восходителя от предельно низких температур, но и позволит лазать если не с элегантностью, то по крайней мере с надежностью. Модели ботинок зимнего типа вполне пригодны в Альпах. Но на Макалу? Взяв за основу одну из таких моделей, мы попросили еще утеплить ее, а главное, так изменить модель, чтобы можно было надеть дополнительные гетры, оставляя в то же время резиновую подошву свободной, так как это необходимо для преодоления скальных участков большой сложности.

То же самое и в отношении одежды. Изучаются фасон и материал белья. Цельные пуховые комбинезоны заменены комплектом куртка-брюки, что более практично и позволяет в случае теплой погоды (это, к счастью, иногда бывает) снимать куртку. Перчатки выбираются особенно тщательно, так как ими

придется пользоваться часто. В своих списках я предусмотрел до 20 пар разнообразных перчаток и рукавиц на человека!

Что касается питания, то, как мы все знаем, оно еще больше, чем снаряжение, должно соответствовать вкусам и потребностям каждого. Опыт показывает, что при восхождении человек быстро теряет аппетит, а жажда очень скоро становится угрожающей из-за повышенного обезвоживания организма. Поэтому мы берем продукты в зависимости от этих соображений. Ничто не забыто, даже любимая марка сигарет, которую тот или иной надеется обнаружить в пайках. В конце концов после скрупулезного выбора по качеству и разнообразию, после подсчета веса оказывается, что общее количество питания, закупленного во Франции, приближается к 4 тоннам!

Последняя проблема, хотя и одна из важнейших, — кислород. Аппаратура есть. Она использовалась в последних гималайских экспедициях, на вершинах, близких к 8000 м или превышающих их. Хотя и далеко не идеальная, она все же неплохо послужила. Поэтому ее применение на сравнительно легком маршруте не ставило особых задач. Объем маски, габариты и вес баллонов не являлись слишком большими дополнительными трудностями. Но в нашем случае условия иные. У нас есть свои соображения, в частности по форме маски. Сейчас, как мы знаем, проводятся испытания доводы необычные, основанные, в частности, на использовании снаряжения космонавтов, но, к сожалению, их результаты еще неприменимы к альпинизму. Мы же вынуждены пользоваться традиционной аппаратурой. Учитывая календарный план и возможную длительность пребывания на высоте, нам, по-видимому, будет достаточно 150 баллонов с длительностью работы 3-4 часа при расходе 3 литра в минуту.

Последний просмотр, последний взгляд на вопросник... Нет, мы ничего не упустили, по крайней мере кажется так. В воскресенье вечером кончается этот длинный уикэнд, все уточнено, и теперь можно давать заказы. До свидания, друг Франко, я не забыл драматические часы в лагере VI на Жанну, маленькую палатку на снежном седле на 7300 м. На пороге школы я уношу с собой твою доверчивую улыбку. Ты будешь с нами на Ребре.

ГЛАВНОЕ — НИЧЕГО НЕ ЗАБЫТЬ

Невдалеке от Булонского леса, в помещениях полярных экспедиций, любезно предоставленных в наше распоряжение Поль-Эмилем Виктором (Известный французский полярник.), Люсьен Берардини будет царствовать в течение января 1971 г. Его дворец-бывший блокгауз немецкой армии, использованный некогда для допросов участников Сопротивления. Камера пыток ныне оборудована полками, на которых громоздятся макароны, сосиски, гетры, пуховые костюмы, веревки, ножовка по металлу и тысячи других вещей... Умопомрачительно! Люсьен отвечает за нормирование и должен точно следовать заданию: одинаковые грузы по 30 килограммов; комплекты оборудования для высотных лагерей, причем разных, идет ли речь о лагере II или о лагере VI.

Ничего нельзя забыть, иначе последствия могут быть драматическими. Все, что предполагается брать, абсолютно необходимо. Даже запасная коробка спичек. Помню, как Морис Ленуар и его шерп, застрявшие на два долгих дня на склоне Жанну, страдали от жажды из-за отсутствия спичек (оба некурящие) — они не могли натопить воды из снега.

Осторожно, Люсьен! Не пихай всю обувь в один тюк. Старайся разместить всего понемногу в разные места. Может случится и так: какой-нибудь носильщик потеряет свой тюк во время подходов, а в этом тюке будут все экземпляры одного вида снаряжения!

Два человека — один день... четыре человека — один день. Эти высотные пайки влезли тебе в печенку? Конечно, это долго, скучно, но это необходимо. Надо приготовить более 350 пайков; выбрать говядину или курицу для основного блюда, чай, нескафе, а то даже и шоколад для завтрака... Судить о достоинствах продуктов в зависимости от места их потребления (Базовый лагерь или высотные лагеря), учитывать предварительные исследования энергетической ценности продуктов, научно подсчитанную калорийность, состав военных пайков типа... конечно! Но попробуйте уговорить альпиниста съесть на высоте 7500 м калорийное блюдо, если оно ему не нравится, если он хочет совсем другое! То самое другое, что возбуждает его аппетит и которое он хочет иметь в своей тарелке.

Между тем подготовка экспедиции идет своим чередом. Приходит наконец из Непала столь долго ожидаемое разрешение. Переписка с французским посольством в Катманду; переписка с моим другом Бонингтоном, руководителем британской экспедиции на южную стену Аннапурны, для получения

дополнительной информации по шерпам, носильщикам, норме оплаты. Капитан Кент, бывший завхоз этой экспедиции, присылает нам весьма подробную документацию по всем административным вопросам. Переписка с японцами, успешно прошедшими юго-восточный гребень Макалу.

В каком состоянии мост через Арун, возле Нума, знаменитый «мост из лиан»? Учитывая трудности снабжения в долине Аруна, нужно ли нам брать дополнительное питание для носильщиков? Письма, еще письма, телефон, снова телефон... Да простит меня мое начальство, но все мои сослуживцы знают теперь, что такое ледоруб, лепестковый крюк и сколько газа содержится в кислородном баллоне.

И все же иногда в воскресенье я ухитряюсь потренироваться на скалах Сосуа, на берегу Полны: шестидесятиметровые стенки — это как бы прелюдия к покорению гиганта высотой 8481 м по наиболее трудному пути. Иногда я удовлетворяюсь более скромными песчаниками в Фонтенбло. Здесь я как-то встретился с Андрэ Виалатом, одним из победителей Макалу в 1955 г., и разговоры без конца, пока мы стараемся в повторных попытках добраться до вершины «булыжника» в 4 метра высотой. Близнецы, Ребро, ветер, кислород... Он знает гребень Близнецов, так как прошел его с Гвидо Маньоном. Он находился вплотную к Ребру и видел его грозные навесы. Он боролся против безумного ветра, непрерывно свирепствующего на гребне. В его глазах это мероприятие выходит за пределы понимания, и, по его мнению, мне следовало бы обратиться в психиатрическую клинику.

Если мы все слегка свихнулись, здоровы ли мы по крайней мере физически? Доктор Ризолье, врач федерации, снова собирает всех членов экспедиции для медосмотра. Анализы, тесты, стоя-сидя, сидя-стоя, дышите, не дышите и в завершение пребывания на высоте... в Париже.

Наше путешествие начинается возле Порт-де-Версай, в подвалах Управления военно-воздушных сил. Маленькими группами мы входим в давящую на психику камеру, снабженную иллюминаторами, через которые глаза врача будут наблюдать за влиянием недостатка кислорода и изменением атмосферного давления.

Занятная штука, любопытные эффекты! После быстрого подъема, прерываемого площадками на 4000, 5000, 6000 м, в ушах немного звенит. 8500 м — вершина Макалу. Два врача в кислородных масках вручают каждому из нас листок бумаги, карандаш и просят написать в нисходящем порядке числа от ста до единицы. Я начинаю. При 97 возникает беспокойство, мне кажется, что я ошибся, начинаю снова, пишу, считая это детской

забавой. Как будто цифры слишком крупные. Наконец добираюсь до конца без особых затруднений, однако самочувствие... того! Спускаемся на Землю. Какая катастрофа! Ни конца, ни начала. С 97 я перешел на 69, с чего бы это? Затем три раза по 48. Заглядываю в листки моих товарищей. Результаты немногим лучше. Поистине необходимость акклиматизации — отнюдь не миф, и для меня было очень важно, чтобы все в этом убедились.

Короткая поездка в район Гренобля с Жан-Полем Пари (Панамой), чтобы навестить наших поставщиков, изготавливающих специальное снаряжение. Последнее совещание, последние советы, последние модификации. Они понимают наши требования, лезут из кожи вон, чтобы нас удовлетворить. Что же касается гурманов, они будут довольны. Фирма Нестле просит нас опробовать новые, не выпущенные еще в широкую продажу продукты, шестьсот килограммов которых передает в наше распоряжение.

Здесь все, начиная от обжаренных в сухарях даров моря до лангуст по-индейски. Многообещающие названия позволяют лакомкам надеяться на приятные кутежи в высотных лагерях.

Январь подходит к концу, когда Берардини и его команда кончают общую упаковку.

Итак, все на месте, вплоть до последней пуговицы! Более 450 тюков всех видов и размеров, около четырнадцати тонн! Это впечатляет. Все это хозяйство призвано обеспечить жизнь и потребности экспедиции в течение ста дней, проводимых вне цивилизации. Сто дней, которые, как мы надеемся, доведут нас до победы, а не до Ватерлоо.

С 16 января Жан-Поль Пари и Яник Сеньёр находятся в Катманду, чтобы подготовить прием колоссального груза. Одновременно они должны завербовать шерпов и носильщиков и войти в контакт с непальскими властями для согласования административных и таможенных вопросов. Я решил отказаться от классического морского транспорта, чтобы избежать индийских таможен, куда более сложных, чем непальские. Прямой транспорт Париж — Катманду будет обеспечен специальным рейсом самолета, зафрахтованного в последний момент после длительных хлопот моим приятелем Жаном Пететеном. 5 февраля наши четырнадцать тонн поднимаются в воздух в аэропорту Бурже и направляются в Непал. Наконец-то!

Остающиеся вопросы уже не столь жизненно важны. Пресса, радио и телевидение заинтересовались нашим мероприятием. Нужно лишь уточнить характер их участия. В процессе экспедиции мы с помощью «Эр-Франс» будем направлять информацию и статейки в «Фигаро», киноленты и магнитофонные

записи в Управление радио и телевидения Франции. А в заключение, если позволит судьба, Жан Крейзе из «Фигаро» и Патрик Клеман из радиоуправления будут переживать в Базовом лагере, на 4900 м, последние часы штурма Западного ребра Макалу. Кстати, они будут не единственными представителями прессы. Два журналиста «Лайфа», Хаберт Лекампион и Мак-Мок, обратились ко мне в самую последнюю минуту с просьбой разрешить им сопровождать нас во время подходов. Они собираются сделать, репортаж о носильщиках и шерпах экспедиции. Напрасно я их, отговаривал, рассказывая о трудностях продвижения в горах и многочисленных препятствиях, которые их ожидают. Они так настаивали, что мне пришлось уступить. Однако я убежден, что они не раз пожалеют об этой сумасбродной затее.

Из Катманду Пари и Сеньёр регулярно сообщают о своих хлопотах. Набрать шерпов очень трудно. Лучшие из них уже завербованы другими гималайскими экспедициями этого года, в том числе японской. Таких экспедиций в различных массивах не менее восьми. Но зато подтверждается возможность приземления самолета ДС-3 в Тумлингтаре, на берегу Аруна. Мы сэкономим таким образом пять дней караванного пути.

Наконец 16 февраля-великий отъезд. Родные и друзья пришли нас провожать в Орли. Это прощание почти торжественно. Рубикон перейден, и каждый понимает значение ставки. Еще раз я обнимаю мою жену Франсуазу, прощаясь надолго. Когда на пороге международного зала я расстаюсь с президентом федерации Люсьеном Деви, я вижу в его глазах беспокойство, смешанное с надеждой.

Рано утром мы приземляемся в Дели. «Эр-Франс», неплохо все организующая, окрестила наш самолет весьма многозначительно-«Замок Фонтенбло». Несколько позже Непальский королевский воздушный флот доставляет нас в Катманду, где нас ожидает Жан-Поль Пари. Наш друг Панама в полосатой рубашке уже вполне приобрел местный колорит. Сеньёр отсутствует. Вчера на борту дряхлого ДС-3 времен последней войны он полетел, сопровождая наше снаряжение, в Тумлингтар.

Для меня это третье посещение столицы Непала. Я с удовольствием снова встречаюсь с ней, несмотря на происшедшие за девять лет изменения (последний раз я был здесь в 1962 г.), несмотря на бетон, светофоры, пробки автомашин, отвратительные бетонные тумбы и хиппи. Мы останавливаемся в отеле «Шенкер», где встречаемся с международной экспедицией на южную стену Эвереста: наши старые друзья супруги Воше, Мори, Хеслон, Шломмер, Хибелер, японцы, индийцы, поляки-настоящее вавилонское столпотворение. Их снаряжение разложено, да какое там разложено! Нагромождено, свалено в кучи в саду отеля. Наши четырнадцать тонн, которых я так боялся, выглядят жалкой авоськой по сравнению с этим тяжеловесом. Встречаю здесь также Да Ноо и Мингма Тзеринг, двух прекрасных шерпов, участников экспедиции на Жанну. Жаль! Так бы хотелось, чтобы они были с нами!

Три дня уходит на организацию нашего отлета в Тумлингтар: подготовить на месте груз для самолета, закончить административные хлопоты, договориться насчет доставки почты. Вся французская колония старается сделать приятным наше пребывание в столице и помогает преодолеть последние препятствия.

Мы знакомимся с Бернаром Сеги — пилотом вертолета, только что прибывшим со своим «Супер-жаворонком», предназначенным для короля. Молодой, очень симпатичный пилот. Ему предстоит пробыть в Непале около года, чтобы подготовить себе замену. Как он будет нам полезен! Помогает нам всячески и другой француз-доктор Суля, работающий в Непале.

Наши два журналиста из «Лайфа» тут как тут. Мок уже готов для длительного перехода и снаряжен с ног до головы, как новый Тартарен: гольфы, охотничья куртка... У него сногшибательный вид! Мы договариваемся с Бернаром Сеги, что он прилетит за

ними в будущий Базовый лагерь 20 марта. Он произведет лишь одну попытку. Если по той или иной причине она будет неудачной, ну что же! Лекампин и Мок вернутся пешком.

21 февраля, рано утром, мы вылетаем в Тумлингтар на борту ДС-3, который за три дня и семь рейсов успел перевезти наши 14 тонн груза. Погода великолепная. Из кабины вертолета мы видим высокую Гималайскую цепь и отдельно стоящий Макалу, от которого мы не можем отвести глаз. Сверху Ребро производит еще более сильное впечатление и подтверждает нашу оценку: противник исключительно силен!

Вот и посадочная площадка, или, вернее, красноватое, сожженное солнцем поле, носящее это название. Оно ограничено белыми камнями и окружено высокими холмами в виде террас, настоящих лестниц для великанов, каждая ступень которых — рисовое поле. Несколько толчков — и мы приземляемся.

Тут же нас окружает шумная, жестикулирующая толпа. Это паши носильщики, прибывшие накануне из различных селений долины Аруна. Они завербованы для нас шерпом Нгати, которого Пари и Сеньёр послали с этой целью двумя неделями раньше. Здесь около пятисот человек-мужчины, женщины и даже дети. Они такие же, как я их знаю по предыдущим экспедициям, всегда улыбающиеся и недисциплинированные.

Рядом со взлетной полосой Яник с помощью нескольких шерпов подготовил лагерь. Впервые сагибы и шерпы собрались вместе. Я представляю участников на ломаном английском языке, вызывающем общее веселье. Некоторые шерпы имеют одинаковые имена. Не так легко будет разобраться. Не беда! Мы прибавим имя, два даже, если потребуется.

Я не знаю никого из этих людей, но у меня складывается впечатление, что им далеко до тех, инициативу и энтузиазм которых я мог ранее оценить. Правда, сам сирдар и офицер связи подают пример. Начиная с того, что каждый из них требует индивидуальную палатку и жалуется, что его штормовка или свитер другого цвета, нежели наши. Я начинаю немного нервничать, ссылаюсь на официальное положение, где до мельчайших деталей уточнено все, что касается снаряжения шерпов и офицера связи. Мне говорили, что японские экспедиции избаловали шерпов, но неужели до такой степени? Ну ладно, надеюсь, что наверху я вновь обрету этих доблестных товарищей, достоинством которых были всегда мужество и преданность.

Очень жарко. К полудню поднялся ветер, и тонкая пыль покрывает нас желтым, прилипающим к коже слоем. Арун, вверх по течению которого нам придется идти долгие дни, мчит свои бурные воды в двухстах метрах ниже лагеря. «Пошли купаться»,-

предлагает Сеньёр.

Мы скатываемся к реке, сопровождаемые толпой носильщиков, крайне заинтересованных каждым нашим движением. С удивлением они наблюдают за омовениями сагибов. Жаже и Яник напрасно стараются убедить их в пользе гидротерапии. Они держатся на почтительном расстоянии. Эти люди, по-видимому, никогда не моются, разве только когда, при несчастном случае, падают в реку; принимаются любые меры, поверьте, чтобы избежать такой неприятности.

Первая ночь в палатке. Едва наступает рассвет, как звон котелков, кашель, какофония всяких шумов пробуждают нас от сладкого сна в пуховых мешках. Носильщики, собравшиеся вблизи наших палаток, разжигают костры для приготовления горячей пищи. Франсуа Гийо, явно намеревавшийся вволю поспать, рассыпается в ругательствах. Единственный результат-усиление общего гама и взрывы хохота. Приходится смириться: день начался. Кстати, нас ждет большая работа-наем носильщиков для переноски 462 тюков.

Шерпы и офицер связи пытаются организовать очередь. Успех мизерный. Чтобы наверняка получить груз, все бросаются сразу, компактной и беспорядочной массой. Я их понимаю. Их здесь больше, чем грузов. Некоторые шли две недели в надежде завербоваться. Этот тридцатикилограммовый груз-послання провидением удача, зачастую жизненно важная, пара баранов, может быть, даже як.

Совместными усилиями сагибов и шерпов удастся наконец внести подобие порядка. Волнения затихают. Люди организуются, группируются по семьям, по селениям. Постепенно выявляются две группы под руководством двух наиков: люди из района Хель, в трех днях пути от нашего лагеря в Тумлингтаре, примерно сто пятьдесят человек, под командой Септэна, и люди из Седоа, последнего селения в верховьях Аруна, в количестве трехсот, подчиняющиеся Будиману. Мы быстро убеждаемся в деловитости этих наиков, которые останутся с нами практически на все время экспедиции.

Большинство носильщиков (из племени тхаман) одето весьма скромно: набедренная повязка-подобие рубахи и топи-маленькая типично непальская шапочка. Остальные принадлежат к племени ботхиа и имеют явно выраженные азиатские черты. Они пришли из высоко расположенных ущелий, из селений, находящихся на высотах 3000-4000 м. Климат там суровый. Соответственно и одежда дополнена кое-какими лохмотьями и блузой из шерсти яка, сотканной столь плотно, что, она практически непромокаема. Многие мужчины носят примитивные украшения, зато у женщин

громадные ожерелья из серебряных монет, браслеты, изящные перстни. Наиболее состоятельные носят иногда маленькие коробочки резного золота с буддистскими реликвиями.

Но конечно, все эти люди, за редким исключением, ходят босиком, тяжело же им будет при переходе через перевал Барун высотой 4200 м — единственный путь между ущельями Аруна и Баруна, приводящий к Макалу. А снег там в этом году, по словам шерпа Нгати, особенно глубок.

Пришли даже старики, которым наши шерпы беспощадно отказывают. Они все же остаются здесь, в двух шагах от лагеря, опустив руки и на что-то надеясь. А вот ребенок, которому трудно будет просто поднять груз в двадцать с лишним килограммов. Я хочу его отправить обратно, он начинает плакать. Подходит здоровенный парень и дает мне понять, что это его сын и он вполне способен нести груз. Я уступаю. Ладно, увидим. Всегда можно будет заменить его ящик какими-нибудь кухонными принадлежностями, не слишком тяжелыми.

Итак, Яник, начинай с первого тюка. Процедура началась. Она будет продолжаться два дня.

Носильщик подходит, Сеньёр дает ему тюк, стараясь выбирать наиболее тяжелые для самых крепких парней, оставляя более легкие, менее 30 кг, для женщин и детей. Носильщик получает жетон с номером, соответствующим номеру ящика или тюка, и прикрепляет его к своей одежде; это поможет нам позже, при расчете. Десять сигарет, пара очков-консервов, одеяло, пара туфель «теннис» и для завершения обмундирования белая кепка с рекламной маркой какой-то фирмы. Аванс в 10 рупий-и вот он готов к преодолению трудностей долгого пути.

Тем временем каждый занят делом. Моска и Гийо с кистью в руке нумеруют тюки. Берардини, наш «киношник», тренируется, снимая кое-какие сцены. Клод Жаже, ответственный за питание сагибов, знакомится со своими обязанностями в компании шеф-повара и его помощников. Франсуа Гийо, назначенный верховным правителем снаряжения, бегаёт с утра в поисках ящика с инструментами. Ни минуты покоя: «Франсуа, мне бы кусачки... Скажи, Франсуа, где бечевка? Мне нужна завязка для мешка...» Наконец он находит ящик и начинает объяснять шерпу применение некоторых инструментов, неизвестных в этом районе. Франсуа быстро сообразил, что он повелитель, а физическая работа хороша для подчиненных.

Жак Маршаль, наш врач, начал консультации. Район довольно густо населен, и уже восемьдесят пациентов прошли через его руки или руки произведенного в ассистенты шерпа. Маршаль доволен своим помощником и надеется поручать ему в

дальнейшем некоторые несложные хирургические операции.

Так проходит долгий день, затем второй. Вечером на вертолете Его Величества короля Непала к нам прилетают в сопровождении Тартарена Мак-Мока Жорж Пайо и Жан-Поль Пари, оставшиеся в Катманду, чтобы получить в банке деньги, которые скоро нам понадобятся.

Появление вертолета производит на носильщиков неожиданное впечатление. С самолетом они знакомы, но подобное чудовище они видят впервые. Эта бескрылая штуковина является, по-видимому, каким-то малосимпатичным демоном. Возникает внезапная паника и безудержное бегство во все стороны среди громадного облака пыли, поднятой лопастями. Но вот «демон» остановился, мотор заглох, и страх уступает место любопытству. Руки протягиваются, чтобы пощупать эту странную металлическую «стрекозу». Стоп! Нужно расставить шерпов, отогнать любопытных и установить надежную охрану вертолета. Иначе Сеги придется возвращаться пешком!

Но вот в новом вихре пыли он улетает. Мы увидим его снова, если позволят условия, через месяц, в Базовом лагере. Экспедиция скомплектована полностью. Наем носильщиков окончен. Грузы распределены. Носильщики поместили, кто свой ящик, кто свой тюк, тряпицей или каким-либо другим знаком. Деньги здесь. Завтра, 24 февраля, снимаем лагерь в Тумлингтаре. Начинается долгий марш, ведущий нас день за днем к желанной цели.

ДОЛГИЙ ПУТЬ

День за днем... Долгий марш. Монотонны дни подходов, нить которых моему хаотическому рассудку трудно уловить. Я пережил уже так много подобных этапов, ведущих такими же дорогами к таким же далеким целям, я прочел уже так много одинаковых рассказов, что мне трудно отличить, где давнишние воспоминания и где свежие впечатления. На сером фоне затуманенных дней выделяются, однако, некоторые образы, резко отличающиеся красками, звуками, запахами: новобрачная на мосту Нум, орхидеи в Секедине. Нстойчивый запах дыма, проникающий в палатку,-это погребальный костер под перевалом Барун. Гортанные голоса шерпов, голос Жоржа, нет, Франсуа... Где я? В Базовом лагере или в Седоа? Далекие шумы... Бушующие воды Аруна? Нет, это ветер на гребне морены. Господи! Как болит голова!

Настоящая армия, пятьсот мужчин и женщин, растянулась по трассе. Длинная пестрая змея с белым позвоночником: кепки! Люсьен все снимает и изрыгает проклятия, ибо белые рекламные кепки, неизменно появляющиеся в его видеоискателе... странный местный колорит!

Первый день марша приводит всех в хорошее настроение. Наконец мы двигаемся! Хватит суетиться на месте, мы идем! Каждый, как ему нравится. Сеньёр, Жакоб, Мелле — спринтеры. Жорж Пайо и я — мы предпочитаем неторопливый прогулочный шаг, сопровождаемый беседой на различные темы. Например, о его прошлогодней экспедиции на Модии пик в массиве Аннапурны. Его переживания сходны с моими. Ему нравятся, как и мне, банианы, о которых я чуть было не позабыл, буйволы, запряженные в старинную деревянную соху (где вы, многолемешные плуги родного края?), птицы с ярким оперением, крашенные дома, резные деревянные оконные рамы и дым, просачивающийся сквозь соломенную крышу. Такой знакомый и на каждом шагу вновь открываемый Непал.

Свинцовое солнце. Вдали, над перевалом Барун, тяжелые тучи закрывают горизонт. Наверху сейчас, надо думать, невесело. Жара. Под тяжестью своих тюков, переносимых на непальский манер, с помощью бамбуковой плетеной лямки, надетой на лоб, носильщики исходят потом. Сагибы, впрочем, тоже, хотя они несут по 30 кг. В рюкзаке зубная щетка, кусок мыла, полотенце часто-фотоаппарат. Вы правы, ребята! Не утомляйтесь зря, берегите себя. Еще будет время продемонстрировать вашу готовность, когда придется поднимать грузы по Ребру.

Да! Я забыл про зонтик. Зонтик? Видели когда-нибудь восходителя с таким предметом? Однако в Непале он необходим. Для защиты от дождя-естественно, от солнца-также, но главное... от пиявок, которые в пору муссона кишмя кишат в лесах на высотах от 2000 до 3000 метров. Если еще можно как-то пытаться избежать тех, которые ползают по земле, то очень трудно идти, задравши кверху нос, ожидая атаки с неба. Между тем пиявки сидят на листьях деревьев, ожидая прохода человека или какого-либо животного, и деликатно планируют на свою добычу. Отсюда — польза зонтика.

Как колесо жизни и смерти, разворачивается вереница этапов.

Кхандбари. День выборов, масса народа. Список избирателей в единственном экземпляре приколот на дереве на центральной площади. Четыре воткнутых в землю бамбука обернуты холстиной-кабина для голосования. Проход нашего каравана несколько нарушает выполнение общественного долга этими славными людьми. Пангма-Бодхебас. Высота уже 1800 м. На вершине крутого подъема предприимчивый коммерсант организовал подобие буфета, где за несколько мелких монет можно утолить жажду стаканом чая — национального напитка. Несколько монет... но, когда путник помножен на пятьсот, становится понятной довольная мина бизнесмена. Дханргаон. Начинается дождь. Люсьен крутит камеру под защитой зонтика в руках «ассистента» — маленького носильщика лет десяти, которому он и доверил рюкзак с кинокамерой. Мальчишка не покидает своего сагиба ни на шаг, останавливается вместе с ним, немедленно протягивает камеру при первом требовании. Поразительный подвиг — Люсьен ухитрился приучить его к умыванию! Еще сюрприз — ребенок, оказывается, уже женат, и его жена, лет на десять старше его, также участвует в нашем караване, бодро неся тридцатикилограммовый ящик. Тенсинг Шерпа (таково его имя) скоро станет любимцем экспедиции.

Но вот первое настоящее препятствие на нашем долгом пути. Нет, не Арун, мутные воды которого бешено мчатся прямо с гималайских ледников, а перекинутый через него мост. При первом же взгляде я хорошо понимаю почтительный страх носильщиков, молитвенные флаги, развевающиеся на каждой стороне, и то значение, которое придает во всех экспедиционных рассказах знаменитым «мостам из лиан» Жан Франко, который, повествуя об экспедиции 1955 г., привел описание моста Нум. Описание настолько точное в своей драматической краткости, что я, никогда ранее не видевший его, узнаю немедленно. Он сделан не из лиан, а из бамбуковых плетеных веревок, служащих одновременно несущими тросами и поручнями. Переплетение

ветвей, бывших когда-то гибкими, но к старости ставшими ломкими, поддерживает настил моста. Настил, пожалуй, слишком громкое название для обозначения узкой полоски из кругляков, по которой нужно двигаться шаг за шагом, раскинув руки, как эквилибрист на проволоке. Пролет — восемьдесят метров на высоте двадцать метров над бушующими водами. Для полного комплекта — оглушительный грохот, заполняющий ущелье.

Вся вторая половина дня уходит на укрепление этой хрупкой конструкции. Я посылаю нескольких шерпов за толстыми ветвями, чтобы заткнуть дыры в настиле. А главное — мы усиливаем несущие тросы альпинистскими веревками. Сто метров нейлонового каната яркого красного цвета — настоящее сокровище, на которое носильщики искоса поглядывают с таким явным вожделением, что я тут же ставлю двух шерпов на охрану. Если не принять мер предосторожности, на сцену немедленно выплывут кукри-громадные кинжалы, служащие здешним горцам как оружием, так и инструментом.

Переход начинается. Захватывающее зрелище, которое протянется два дня, так как не может быть и речи о том, чтобы пустить одновременно более трех человек по этому полусгнившему мосту. Носильщики так торопятся быстрее покончить с этим страшным испытанием, что толкаются и толпятся у входа, не снимая даже свой груз во время ожидания. Страх написан на лицах, замечен в напряжении тел, так же как у горнолыжников на соревновании, когда раздается долгожданное «пошел!..». Неясный шум повторяемых вполголоса молитв теряется в грохоте потока. «Ом мани падме хум» («Драгоценность в цветке лотоса»).

У некоторых страх столь велик, что они Отказываются переходить мост с грузом, и возникает любопытная торговля. Наиболее смелые за соответствующую мзду, естественно, переносят тюки трусливых, которые следуют «вхолостую». Так как нужно возвращаться за своим грузом, а переход вынужденно односторонний, нам приходится иногда останавливать шествие, чтобы их пропускать. К счастью, благодаря УКВ раций сагибы могут переговариваться, несмотря на грохот потока, и вносить какое-то подобие дисциплины в эти передвижения.

Между прочим, мы не одни собираемся воспользоваться мостом. На другом берегу появляется довольно значительная группа человек двадцать по крайней мере, белые одежды, яркие краски... «Свадьба!» — сообщает рация. Дежурный шерп останавливает движение. Сидя на крепких плечах, розовое облачко плывет над рекой, приближается, превращается в прелестную новобрачную. Закутанное в ярко-розовый воздушный

муслин дитя, ухватившись что есть силы за своего носильщика, закрывает глаза. Затем следует муж, тоже ребенок. Далее оркестр, трубы, цимбалы, тамбурины. Замечательное зрелище, при виде которого я забываю на минуту таящуюся во мне со вчерашнего вечера тревогу. Я искренно считал, что экспедиция, неизвестно насколько времени, будет разделена на две части неизбежным внезапным крушением этого несчастного моста. Без всякого предупреждения с ужасным треском сломалась на правом берегу одна из двух деревянных вилок, к которым прикреплялись несущие плетеные веревки. Слишком сухая, без сомнения, слишком старая. Сломавшись, она тем не менее еще держалась, будучи прикрепленной к деревьям, к большим камням с помощью целой сети лиан в виде паутины. Вступившие на мост носильщики ускорили шаг. Сагибы бросились, чтобы удержать мост руками. Так как о разборе моста для замены вилки не могло быть и речи, последнюю укрепили по мере возможности шнурами. Выдержит ли оставшаяся вилка до конца?

Она выдержала. За два дня наша армия закончила переход. Снимая по пути веревки, которые Пайо, Мелле и Сеньёр собирали на том берегу, я замыкал шествие, стараясь не смотреть на порванные веревки и сквозь дыры в настиле на стремительный бег мутных вод. Как быть при возвращении? Увидим...

Алаулинг. Идет дождь. Седоа. Последнее селение долины Аруна, последний возможный пункт снабжения. Скорее даже не селение, а просто хижины, разбросанные по полям, ступенчато поднимающимся по склонам горы. Край света, где мы покидаем (надолго ли?) землю людей. Суровая земля, суровые люди. Здесь мы оставляем некоторых носильщиков, слишком пристрастившихся к чангу (рисовой водке), а взамен их нанимаем несколько здоровенных парней.

Бунгин. Сильный дождь, начавшийся с утра, уступил место граду. Тропа превращается в трясину, и носильщики в своих несчастных туфлях скользят на каждом шагу. Выше, где-то около 2500 м, гребни под черными тучами покрыты снегом. Что же будет на перевале Барун, на 4200 метров? Не могу отделаться от тревоги. Все тот же Бунгин, день, два, три, нескончаемый дождь и проблемы стратегии, ежедневная обязанность начальника экспедиции, от которой он никогда не может быть избавлен (хорошо еще, что ему помогает Панама). Дождь, снег, носильщики, грозящие все бросить; этот тип, который втихую старается их убедить не соглашаться меньше чем за двадцать рупий в день... Десять рупий, нет, двадцать... Шантаж, бесконечные споры. Было ли это 3, 4, 5 марта? Начинаю забывать. Уже не дождь, а ливень, в ста пятидесяти метрах выше палаток

идет снег. Ничто не может удержать носильщиков, которые решили нас покинуть, даже премия, которую Пари окрестил «королевским бакшишем», и нам приходится рассчитать более двухсот пятидесяти человек.

Снова Бунгин? Нет, на этот раз Секедин. Видно, головная боль перепутала мысли. Нужно будет попозже, когда станет легче, проверить даты и селения по путевому журналу. Вот что нас теперь не покидает ни на минуту и не покинет еще долго, так это снег.

Сеньёр, Мелле, Берардини и Жаже, ушедшие на разведку, возвращаются. В течение трех часов они пробивали путь в снегу глубиной полтора метра, пыхтели, выбивались из сил, проклинали скрытую под снегом растительность, расставившую под ногами бесчисленные капканы в виде веток или кустов. Они добрались примерно до 3000 м и вынуждены были отказаться от выхода на гребень, где мы собирались установить следующий лагерь. Двое шерпов, Нгати и Дава Тхондуп, участники прошлогодней японской экспедиции, утверждают с полной ответственностью: снега в этом году гораздо больше. А между прочим, я читал отчет об этой экспедиции и знаю, какие трудности ей пришлось преодолеть при переходе через перевал Барун. При спуске пришлось навешивать перила, и в конце концов она запоздала по сравнению с графиком на восемь дней.

А мы, насколько же мы опоздаем? Я знаю, конечно, что сезон только начался. Но мы еще далеки от Базового лагеря. Мы располагаем лишь 177 носильщиками на 462 тюка. Придется реорганизовать наш транспорт, осуществлять непредусмотренные планом «челночные» операции, и пайков типа «Долина» может не хватить. Конечно, мы предвидели подобные неприятности; у нас еще довольно много продуктов, не упакованных в нормальные пайки: мясные и рыбные консервы, рис, макаронные изделия, овощи, сухари и т. д. (мы их называем «продукты навалом»). Но ведь экспедиция только начинается.

Три дня мы не снимаем лагерь на лужайке в Секедине, на границе снега. Носильщики ходят «челноками» по направлению к гребню, ведущему на перевал. Для облегчения этапа примерно в часе ходьбы от лагеря организован промежуточный склад. Погода все такая же мерзкая. Снег падает безостановочно, холодный наверху, на склонах, тающий на палатках. Мы купаемся в ледяной пронизывающей сырости. Снег, грузы, холод... Деморализованные носильщики пытаются соорудить на ночь подобие шалашей из брезентовых полотнищ, которые мы им дали. Но они столь неловки, что нам приходится им помогать, чтобы обеспечить всех какой-то защитой. Дров, к счастью, хватает, и непрерывно

горящие костры помогают всем сушиться.

Среди этой угнетающей «серости» некоторые менее серые часы немного скрашивают жизнь. На лужайке, окруженной высокими деревьями, мирно царствует як с могучими рогами. Франсуа Гийо, наш марселец, вспоминая родной Прованс, решает поиграть в тореро и неожиданно оказывается сконфуженным, лежащим на спине, запутавшись в растяжках палатки, потому что торо просто опустил голову. А товарищи смеются над его злостью. Пойдем со мной, Франсуа, за цветами, они не такие страшные.

Цветы? Да, драгоценные цветы. Под лучами солнца, выглянувшего в неожиданном просвете, они сами похожи на желтые солнца — орхидеи. Настоящие орхидеи. Роскошные кисти с тонким запахом ванили, они заполнили все кругом, забравшись иногда очень высоко на сгнившие стволы деревьев. Последние покрыты таким толстым слоем мха, что мне приходится проделывать в нем ступени, чтобы добраться до цветов. Я истинно наслаждаюсь! К сожалению, эти сказочные цветы столь же недолговечны, как и прекрасны, и собранный нами колоссальный букет лишь один вечер украшает общий стол. По крайней мере они будут жить в нашей памяти, и для нас этот лагерь навсегда останется «лагерем орхидей».

СНЕЖНОЕ НАВАЖДЕНИЕ

Сколько еще биваков до Базового лагеря? Вот уже 12 дней, как мы движемся к Макалу. Я планировал 5 дней от Седоа, но, учитывая снег, отказ носильщиков, я уже не строю никаких иллюзий и знаю, что мы выйдем далеко за намеченные сроки.

Сегодняшний участок по направлению к гребню также не способен развеять пессимистические мысли, несмотря на возвращение хорошей погоды. Глубокий, до середины бедра, снег (к счастью, в последние дни сагибы проложили трассу), тяжелый подъем с перепадом высот в 1500 м, наконец, сам гребень, по которому мы будем идти вплоть до виднеющегося вдали перевала Барун. Вчера на маленьком понижении гребня был разбит лагерь, оборудование которого мы сейчас заканчиваем; все грузы прибыли и выложены на снег. Глубина его не менее двух метров, может быть, даже три; оценить нетрудно, так как из-под плотного снежного одеяла выглядывают лишь верхушки гигантских рододендронов. Снег, снег, снег... какое наваждение!

Мы все надели горную одежду. На 3100 м ночи холодные, ртуть опускается ниже нуля. Наши носильщики, почти раздетые, стучат зубами. Ожидая рассвета, они усаживаются на свои тюки, чтобы как-то изолироваться от снега, жмутся изо всех сил друг к другу, покрываются сверху брезентовыми чехлами. Время от времени я хожу их проведать. Поднимаю угол брезента — тела переплетены невероятным образом, неопиcуемый узел ног и рук. Меня встречают громким смехом. Кашель, хрипение-необыкновенный концерт.

Большинство членов экспедиции больны. Появились заболевания горла. Порошки, пилюли от кашля, от насморка... Доктора Маршала рвут на части. Со времени нашего выхода из Тумлингтара он истратил колоссальное количество медикаментов на лечение местного населения и теперь отпускает их с великой скаредностью. Нужно сохранить минимум, необходимый для долгих недель борьбы с Ребром. А между тем запас еще порядочный- около дюжины походных аптек.

Во всех разнообразных экспедициях, в которых я принимал участие, меня всегда поражало количество груза, предназначенного для врача. На каждый мой вопрос следовал неизменно один и тот же ответ: «Дело мастера боится. Это не твоя епархия. Все, что здесь есть, может пригодиться». Фактически, конечно, все могло пригодиться. Во время экспедиции 1955 г. доктор Ляпра оперировал шерпа, больного аппендицитом, в Базовом лагере на 4900 м! Не мечтает ли Жан

Маршалль побить этот рекорд?

Час за часом, день за днем продолжается движение по гребню между 4000 и 4200 м по направлению к перевалу Барун. Бесконечный снег, в котором сагибы по очереди прокладывают путь. Шаг за шагом, порой руками вытаскивая ногу для очередного шага. Тяжелая изнурительная работа. Носильщики идут по проложенной траншее. Большинство из них сняли свои теннисные туфли, подошвы которых скользят по снегу, и предпочитают идти босиком, используя пальцы ног, чтобы надежнее цепляться за снег. Эти люди действительно отличаются невероятной выносливостью к холоду и поразительным мужеством.

Этапы короткие, так как носильщики, сняв грузы, должны возвращаться за следующими. Монотонная череда лагерей: Кумба Дара-простые отметки на карте. К счастью, со времени нашего появления на гребне царит хорошая погода. Что станет с нами на этом гребне, открытом всем ветрам, если вдруг началась бы буря? Оставшиеся носильщики тоже удрали бы, сорвав окончательно экспедицию.

И вот как раз происходит инцидент, которого я опасался уже несколько дней до такой степени, что в последнюю, ночь не сомкнул глаз. Не снег тому причиной, а некоторый недостаток координации, виной чему наши шерпы. Нгати, второй сирдар, решил установить лагерь в удобном месте, у подножия последних склонов, ведущих к перевалу. Довольно логичное решение, так как до этого места не так уж далеко. Однако носильщики (усталость, плохое настроение, чрезмерная суровость Нгати или какая-либо другая причина, которую я никогда не узнаю), не хотят об этом и слышать. Они снимают свои тюки, далеко не дойдя до намеченного места, и возвращаются на бивак. Объяснения, крики, брань — ничто не помогает. Они заявляют, что дальше не пойдут, и требуют немедленного расчета. Понадобились все дипломатические способности офицера связи Тхара, чтобы разрядить атмосферу и всех успокоить. В конце концов все улаживается, однако я должен намотать себе это на ус. В таких исключительных условиях командует не начальник экспедиции, а носильщик, которому тридцатикилограммовый тюк придает вес! Именно он решает, что длина участка достаточна, указывает идеальное место для бивака в зависимости порой от столь простых обстоятельств, как наличие или отсутствие нескольких веточек хвороста, необходимых для приготовления пищи. Нетерпение, вызываемое короткими участками и медленностью продвижения, сейчас не к месту, и даже наиболее горячие члены команды должны с этим примириться. Так, Робер

Жакоб, считающий, что выход всегда запаздывает, ругает носильщиков, а в результате лишь увеличивает свое раздражение. Лучше не настаивать. Мы рискуем вызвать забастовку, и я предпочитаю не думать о вероятных в таком случае последствиях.

Начинает сказываться недостаток риса-основного питания носильщиков. Мы потеряли много времени на прокладывание трассы, на хождения взад-вперед из лагеря в лагерь и не перевалили еще через Барун. Поэтому я посылаю за рисом в Седоа десять человек под руководством Наика Септена. Последний должен не только обеспечить доставку драгоценной пищи, ему также дается задание приложить все силы, чтобы завербовать трудоспособных жителей Седоа. В частности, он может сказать, что, начиная с первого лагеря на снегу, нормальная зарплата увеличена значительным бакшишем. Будем надеяться, что этот аргумент подействует на колеблющихся.

Вот уже пять дней как мы движемся по гребню. Окружающий пейзаж грандиозен.

Направо, очень далеко, Канченджанга, Жанну, которыми я снова люблюсь.

Где вы, мои друзья по этому великолепному восхождению? Жан Бувье погиб на вершине Эгюий Верт... Лионель Террэ, сорвавшийся в Веркоре... Я вижу вас снова в лагере VI, на следующий день после победы, в особенности тебя, Лионель, с сияющим лицом. Это была твоя экспедиция, твоя победа.

Слева, заслоняя Эверест, над первым планом вершин, близких к 7000 м, возникает Макалу. Виден весь выход с Ребра. Характеристика единодушная — «Жуть!»

Позади нас в далекой голубой дымке угадывается индийская равнина. Гребень, по которому мы идем, очень узкий. Если левый склон довольно спокойный, то правый падает отвесно к руслу Казува Кхола, протекающей тремя тысячами метров ниже. Падение на этом склоне привело бы к однозначному результату. Я невольно думаю о носильщиках. Они ловки, конечно, но порой, в некоторых сомнительных местах, груз нарушает равновесие...

За нашим караваном следует несколько коз, видимо удивляющихся, что очутились в таком несурзном месте. Они наводят ужас своей худобой, так как не получали никакой пищи, с тех пор как мы вступили на снег. Боюсь, что царские обеды с козьими бифштексами, которыми мы собирались наслаждаться в Базовом лагере, находятся в опасности. А эти десять королевских орлов, величественно планирующих над нашим караваном, кого они подкарауливают, этих несчастных коз или стаю диких-гусей, крейсирующих где-то на 6000 м высоты?

Некоторые носильщики сдаются. Хватит им этой

нескончаемой голгофы. Они получают расчет и уходят. Можно ли их винить? К счастью, остающийся после них «вакуум» заполняют человек пятнадцать, пришедшие из Седоа с ожидаемым рисом, курами и картошкой, радостно встреченной сагибами. Но как растаял наш состав! Сегодня у подножия перевала Барун лишь 154 носильщика. Так что, уходя последними из лагеря, Пари, Мелле и я вынуждены взвалить на себя три «безхозные» ноши. 30 килограммов — чувствительно! Поэтому мы через два час. с удовольствием встречаем двух шерпов, пришедших на помощь.

Наш повар и его помощники, чтобы добраться до земли, необходимой для разведения огня, вырыли в снегу яму. Какая там яма, скорее колодезь глубиной три метра, откуда можно вылезти, лишь вырубив ступени! Суп в этот вечер припахивает дымком. Жалкие сырые ветки, собранные по пути учениками повара, горят с трудом, дают мало жара и огромное количество дыма, заволакивающего яму-кухню. На вкус-это не амброзия, и все корчат гримасы. Да что уж там! Не надо слишком привередничать, будет еще похлеще!

13 марта... да, 13 марта. Эта дата с фотографической резкостью выделяется среди моих неясных воспоминаний, которые мозг, затуманенный, несмотря на аспирин, с трудом старается привести в порядок. Эта дата отмечает день, к которому мы так долго стремились и который так дорого нам достался. В этот день наши грузы пересекают наконец перевал Барун. Два седла с той и другой стороны длинного плато, где дремлют под снегом два замерзших озера.

Именно в этом районе экспедиция 1955 г. обнаружила следы ужасного снежного человека, йети. Я шучу по этому поводу с шерпами и жителями Седоа, задаю вопросы на ломаном языке, помогая себе усиленной жестикуляцией. Может быть, они меня не понимают, но отгадать их мысли невозможно: никакого признака, никакого выражения на лице. Существует ли действительно чудовище? На снегу-никаких следов, если не считать легких отпечатков ног какой-то птицы, по-видимому галки.

Мы покидаем теперь склоны Аруна, переходя к Барун Кхола, вверх по течению которой будем подниматься до питающего ее ледника. Начинается довольно крутой спуск. Один из носильщиков роняет свой груз, который скользит и останавливается значительно ниже тропы. Несчастный спускается и, погружаясь в снег до пояса, с большим трудом тащит его вверх. В конце концов он выползает на четвереньках, волоча ящик за собой. Сколько труда и за какую плату!

Справа от нас громадные кулуары со следами прошедших лавин. Некоторые шириной более двухсот метров. Задерживаться

в этих местах не стоит, тем более что кулуары еще полны снега, а солнце уже пригревает. И вновь тревога: ведь носильщикам придется четыре раза проходить этот путь, чтобы перенести все грузы.

Устанавливаем лагерь в лесу рядом с местечком, носящим название Мумбук. Лагерь, как всегда, на снегу, но здесь, среди Деревьев, снег кажется менее враждебным.

Приходят первые носильщики, спешно снимают свои тюки и торопятся нарезать веток для бивака. Нависающие скалы быстро используются как приюты, где группируются члены одной семьи или жители одной деревни. Последние носильщики добираются в темноте. Сегодня этап был исключительно длинен, но никто не ворчал. Все хотели поскорее добраться до леса. После биваков на гребне лес — это уютная гавань, это пляшущий и гудящий огонь, это вновь сносные условия.

Мы проведем в Мумбуке три дня, так как значительная часть нашего багажа еще свалена перед перевалом. Пока Жакоб и Моска спускаются к берегу Баруна, на тысячу метров ниже, чтобы проделать тропу на очень крутых склонах (японцы в прошлом году здесь навешивали перила), носильщики и свободные шерпы поднимаются на перевал для нового «челнока». Снова снег. Первая партия возвращается вскоре после полудня. Носильщики идут как всегда босые, для надежности. Снег падает все сильнее и сильнее.

К 17 часам появляются два новобранца из Седоа, замерзшие, обессиленные. Один из них — на спине носильщика. Мы направляем бедняг, дрожащих как осиновый лист, на кухню, где непрерывно пылает гигантский костер. Кок потчует их обжигающим чаем. Они довольно быстро приходят в норму (какая невероятная выносливость!) и немедленно уступают место вновь прибывшим. В наступающей темноте, рассекаемой порывами снежных вихрей, приход последних людей кажется кошмаром.

Наконец все пришли, кроме трех шерпов, замыкающих колонну. Ужин в этот вечер оканчивается быстро. В уютной палатке, установленной в стороне, на небольшой возвышенности, мы болтаем с Жоржем Пайо, наслаждаясь теплом пуховых спальных мешков. Говорим о трудностях походов, о незавидной доле носильщиков, плохо защищенных от снега, продолжающего падать большими хлопьями, об опасности неизбежных лавин, обо всем, что нас ожидает наверху, на Ребре... Начинаем философствовать. Какая страсть бросает нас на такие авантюры? Страсть-это любовь, но также и страдание. Любим ли мы страдание?

Снаружи какой-то шум, неясные шаги, заглушенные голоса.

Не все, значит, легли? Узнаю голос Пари. Тревога, всегда притаившаяся в моем сознании, заставляет меня подняться. Открываю молнию входа. Пари здесь. Нагнувшись, он сообщает, что пришли наши шерпы. Немного ниже перевала они обнаружили на тропе бесчувственное тело носильщика, без груза, по-видимому, мертвого.

Маршалль и Пари одеваются, хватают аптечку и, сопровождаемые шерпами, уходят в ночь. Может быть, он еще жив? Буря не утихает. Деревья в сплошной пелене усилившегося снегопада кажутся привидениями.

Это новое испытание меня подавляет. С тревогой ожидаю возвращения друзей. Но вот полночь. Они приходят. Носильщик умер. Маршалль объясняет: этот человек не входил в состав экспедиции. Он пришел прямо из Седоа, потратив более трех дней, чтобы догнать караван и наняться. Голодный, плохо одетый, усталый до изнеможения. Буря на перевале его прикончила. Вот новый сюжет для размышлений! Всю ночь не могу сомкнуть глаз. Разве такая драма обычна? Возможно ли в наши дни умирать полуголым в снегу за десять рупий в день? Меньше шести франков... Что мы приносим этим простым людям? Материальные блага? Новые запросы? Жизнь? Смерть?

Наступающий день не кладет конец моим вопросам и моим заботам. Нет, я за это не отвечаю. Он не принадлежал к нашему каравану, и во всяком случае в экспедиции только сагибы и шерпы застрахованы. Может быть, мы можем для компенсации вручить его семье, члены которой (кажется, сын и брат) входят в наш состав, какую-то сумму денег? Да... конечно, но ведь не деньгами оплачивается жизнь.

Около лагеря, под деревьями, мы соорудили немудреный костер и кремировали тело. Ужасное, хватающее за душу зрелище. Уже ранее, во время подходов к Жанну, я присутствовал на подобной церемонии: кремировали женщину в какой-то деревне. Но я был лишь зрителем, а не участником. Наш наик Септен, выполняя обязанности ламы, читает ритуальные молитвы, расхваливает покойного, чтобы боги подготовили перевоплощение медленно сгорающего тела. Здесь же, среди шерпов и носильщиков, стоят сын и брат. Лица серьезные, но без слез и чрезмерного проявления горя. Счастливые верующие, черпающие спокойствие в уверенности, что смерть-это лишь переход к новой жизни, к ряду новых жизней через перевоплощение. Тхара, наш офицер связи, широко улыбается: «Хорошо, обряд был великолепным, и его новая жизнь будет прекрасной».

Для нас же продолжается прежняя жизнь. Этапы следуют за

этапами, а упрямый зимний снег не хочет, прекращаться. Меня преследуют воспоминания детства, картинки учебника истории, снега России, Березина, гренадеры, которые спят, прижавшись к трупам убитых лошадей...

В Пематане мы получаем первую корреспонденцию, доставленную в форсированном темпе из Биратнагара нашими доблестными «почтовыми скороходами» Сунной и Саркиманом. Узнаем новости, трагическую эпопею Демезона на Гранд-Жорас, читаем письма близких, друзей... Добрались до Ямле. Задерживаемся на Два дня в каждом лагере, чтобы носильщики могли выполнить второй «челнок».

Рибу — последний этап перед Базовым лагерем. Палатки стоят на лужайке. Эти деревья, мы знаем, последние.

Мир, в котором нам придется теперь жить долгие недели, — это мир скал, льда и снега, враждебный черно-белый или красно-белый мир. Мы забудем зеленый цвет, травинку и листочки. Горизонт всегда будет закрыт грозными, подавляющими вершинами, обступившими нас со всех сторон: 6000, 7000, Барунгзе, Пирамида, Тутзе, пик 3, пик 4... Их столько, что даже названий не хватает, просто номера. Однако какие изумительные цели для альпинистов!

Если бы не долгие, трудоемкие подходы, какая великолепная арена для молодого поколения! Острые гребни, с которых ветер сдувает радужные флаги, вертикальные ледяные стены с желобами в виде гигантских органных труб, целая геометрия света в блеске вновь наступившей хорошей погоды.

Моска и Гийо в сопровождении двух шерпов и нескольких носильщиков уходят на разведку, захватив бивачное снаряжение. Задача их — добраться до площадки будущего Базового лагеря и начать уплотнять снег для установки палаток. Я знаю, что участок длинный, но все же прошу после прибытия на место немедленно отослать носильщиков и шерпов. Пора кончать с этими подходами, и для переноски снаряжения нужен максимум людей.

Мы комплектуем тюки по мере их прибытия. Сеньёр со своим шерпом срубают несколько деревьев попрочнее для хижины, которую мы собираемся построить в Базовом лагере. Жакоб и Гийо проводят систематические испытания УКВ раций. Все по очереди тщательно моются в ручье, протекающем через лужайку. Какое наслаждение-избавиться от грязи, накопленной за много дней! Ведь в снегах перевала Барун у нас были другие заботы. Разрядка, созерцательное настроение, блаженная лень. Я долго разглядываю в бинокль пещеру, указанную моим шерпом Анг Тембой. Она виднеется в вертикальной стене очень высоко над лагерем. У входа на деревянном древке развешается молитвенный

флаг. Какой отшельник жил наверху, на этом невероятном насесте? Пятидесятиметровая стена, отделяющая грот от подножия, не представляет, конечно, непреодолимого препятствия для хорошего альпиниста, но местные жители очень слабые скалолазы. Может быть, тогда, в незапамятные времена, когда льды Баруна доходили до верха, там жил какой-нибудь пастух? Ибо молитвенный флаг в лохмотьях, видимо, висит очень давно. Я был бы не прочь выяснить это дело на месте, но над стеной висячий ледник все время плюется ледяными глыбами. Мы никогда не раскроем тайну.

Оба журналиста, Лекампин и Мок, постепенно возвращаются к жизни. Они никак не ожидали, что подходы потребуют таких усилий. Особенно тяжело пришлось Моку, физическое состояние которого при выходе из Катманду было далеко не блестящим. Они доблестно боролись, а это было совсем нелегко для людей, впервые встречающихся с горами и высотой. Я никогда не забуду мучения Мока при подъеме на Барун. На каждом этапе он приходил последним, намного позже всех, падал в изнеможении, но всегда сохранял улыбку. Они хотели писать очерк о носильщиках и шерпах. Ну что же, материала, видимо, хватит!

Оба шерпа и носильщики Гийо и Моска возвращаются в лагерь глубокой ночью (они шли безостановочно около тринадцати часов) и ошеломляют нас неожиданной новостью: на месте Базового лагеря снега нет. Вот это приятно! Как это может быть на 4900 м, на высоте, где Монблан прячет в облаках свою вершину? По-видимому, в этом районе свой микроклимат благодаря барьеру, воздвигнутому предвершинами перевала Барун. Зимние облака ударяются об это препятствие и, не будучи в состоянии его преодолеть, «откладывают» там снег или дождь. Постоянен ли этот микроклимат или меняется по сезонам? Поощают ли бури и плохая погода высоту, где мы, проведем долгое время?

Не будем загадывать.

ОТЕЛЬ МАКАЛУ-БИС

Наконец Базовый лагерь! 19 марта после обеда мы добрались до тех мест, где должна развернуться наша настоящая деятельность.

Наши наиболее пессимистические предположения о длительности подходов намного превзойдены. На путь от Тумлингтара до Базового лагеря я предполагал затратить 1,3-14 дней. Мы потратили 23! Из осторожности (а она всегда необходима) я предусматривал возможную задержку из-за различных формальностей, в частности таможенных. К счастью и, конечно, благодаря эффективности действий Пари и Сеньёра все было урегулировано быстро и без всяких затруднений. Выигрыш во времени, которым мы располагали при отбытии из Тумлингтара, был съеден нескончаемыми этапами. Но это не так уж страшно. Мы опаздываем лишь на один день по сравнению с планом. Лишь бы не подвела погода!

Мы вновь встречаемся с Моска, установившим свою палатку лицом к Макалу. Франсуа Гийо в веселом настроении, он только что вернулся из импровизированной разведки ледника Барун, язык которого кончается в каких-нибудь двухстах метрах отсюда.

— Так что же, Франсуа, ты не мог подождать ребят? Ты хочешь немедленно лезть наверх?

— Повыше, знаешь, поворот ледника. Разве тебе не хотелось бы повидать, что там дальше?

— Ну ладно, а ты-то что-нибудь увидел за этим поворотом?

— Факт! Во-первых, Близнецов. У меня впечатление, что придется попотеть. Во всяком случае если гребень Близнецов и не виден, то то, что выше, вполне оправдывает экспедицию.

— А Ребро?

— Да, оно просматривается целиком, правда несколько искаженное перспективой. Что же касается взлета, никаких сомнений, абсолютно вертикально. Занятная косточка!

Как раз к такой косточке мы и стремились. Надеемся, что зубы наши будут достаточно крепкими.

Маленькими группами приходят носильщики, особенно устали жители нижних долин, так как высота дает себя чувствовать, а этап был очень длинным. На тюках принесен скудный запас веток для вечернего приготовления пищи. Многие требуют расчет. Для них все кончено, осталось лишь одно стремление — вернуться домой. Однако значительная часть нашего багажа еще находится в Рибу. После бесконечных дискуссий нам удается их убедить закончить переноску грузов.

Завтра последний «челнок».

Теперь нам надо как можно комфортабельней устроиться. Здесь придется несколько задержаться, прежде чем удастся организовать передовую базу в лагере II, примерно на 6000 м, у подножия первого Близнеца. Поэтому не грех и потрудиться над отделкой нашего отеля «Макалу» с пристройками, вернее, «Макалу-бис», так как мы наследуем и местоположение лагеря экспедиции Франко 1955 г. и его название.

Я столько рассматривал фото, что знаю это место наизусть. Каждый холмик, каждая деталь рельефа мне знакомы. Остались еще развалины приюта, построенного в 1955 г., так же как и камень с вырезанными названием и годом экспедиции. Японцы также устанавливали здесь в прошлом году свою базу. Об этом свидетельствуют несколько помятых консервных банок, остатки стенок, выложенных из камня, несколько пустых кислородных баллонов. Последние немедленно захватываются носильщиками. С какой целью? Я думаю, они сами не могли бы ответить на этот вопрос.

Выбор места для базы совершенно логичен: верховья пустынной прорезанной ледником долины, очень широкой и плоской, с большим песчаным пляжем, образовавшимся при отступании языка. Тут и там громадные моренные глыбы, среди которых недавно родившийся ручеек выписывает ленивые зигзаги. У подножия высокой поперечной морены другие пляжи, с низкой, пожелтевшей от зимних морозов травой, по которой так приятно ходить босиком.

Какая декорация кругом! Чрезмерная, фантастическая, одним словом, гималайская. Такой пейзаж мы видели в наших снах. Боковые морены — настоящие горы из камней всех размеров. Над ними острые пики вонзаются в небо; ледяное острие пика 6, которое Франко сравнивал с «громадным Вайсхорном», с ледопадом в форме лыжного трамплина, два часовых у входа на ледник: пик 4, весь испещренный лавинными желобами, на пьедестале вертикальных скал, прорезанных кулуарами, и пик 3, где ледовые стенки перемежаются бесконечными карнизами. И наконец, Макалу-идеальная пирамида, вознесшаяся над всеми гигантами, которые она, царственно одинокая, превышает более чем на тысячу метров.

Поразительные Гималаи! Несравненное царство, святилище, где все восходители мира мечтают покорить чудесную вершину. Здесь люди надеялись, иногда страдали, знали также незабываемые радости побед. Каждую минуту кто-нибудь из нас застывает в неподвижности, зачарованный видом этих сказочных гор, так отличающихся от знакомых Альп своей

величественностью и высотой; мы не можем от них оторвать глаз, проникнутые чувством, что мы действительно в каком-то другом мире.

Молодежь или по крайней мере самые молодые, Моска и Гийо, расположили свою палатку возможно выше. Не терпится приступить к делу? Не следует все же слишком удаляться, чтобы не тратить зря силы в часы приема пищи, добираясь до общей палатки. Неразлучные Мелле и Жакоб захватили транзистор, и из палатки доносятся звуки поп-музыки. Я могу, конечно, в любой момент потребовать, чтобы они перешли на аккордеон. Сеньёр и Берардини безраздельно властвуют в уголке между Двумя громадными глыбами. Яник часами ворочал огромные камни и затупил на земляных работах два ледоруба, хотя свободного места сколько угодно. Попробуйте понять почему. А главное, попробуйте заставить такого молодца, как Яник, пробыть три минуты без работы! Люсьен ему не мешает и полностью полагается на товарища по палатке. Ему хватает забот с камерами, с фильмами, он всегда в поисках идеального сюжета.

У Пари и Жаже полный комфорт. Все по науке: отопление, освещение, «утка», чтобы не приходилось выходить ночью. Это же интеллектуалы! По-видимому, в этой палатке будет прочтено множество книг (между нами, это в основном детективы). Не забывайте, что высота действует паршиво не только на физические способности человека, но и на умственные. Маршалль, наш Эскулап, имеет право на индивидуальную палатку. Привилегия ученого! Во всяком случае он нисколько не заботится об устройстве своей квартиры. Он полностью доверяет своему шерпу. Последний подобрал ему, пожалуй, неплохое место, но без учета направления ветра, бывающего порой ураганным. Что касается Пайо и меня, то мы установили палатку, просто-напросто возможно ближе к кухне. По крайней мере мы твердо уверены в одном-всегда горячим будет morning tea, эта чашка чаю, которую утром приносит помощник повара, открывая молнию палатки и произнося: (Доброе утро, господин, с молоком или без молока). Ибо в любой экспедиции все вертится вокруг Базового лагеря, а в самом лагере — вокруг кухни. Шерпы также это понимают не хуже нас и избегают ставить слишком далеко свои большие пятиместные палатки, изготовленные специально для них.

Шеф-повар быстро откопал идеальное место для своих очагов. Две большие скалы, примерно высотой в три метра, служат капитальными стенами и поддерживают целый комплекс бамбуковых шестов и бечёвок, покрытых брезентом. Дымовая труба, естественно, отсутствует. Так что чаще всего под

брезентом полным-полно густого дыма, пытающегося улизнуть через какое-нибудь отверстие. Если случайно мы проникаем в эту берлогу, то моментально выскакиваем полузадушенные, кашляем, плачем, пытаюсь прийти в себя с помощью беспорядочных дыхательных движений. Повара и в ус не дуют: так же как и шерпы, они чувствуют себя прекрасно в этой коптильне, где питаются и часами беседуют. Как они выдерживают? Для нас это тайна. Не удивительно, сказал кто-то, что у этих людей узкие глаза!

Однако жизненным центром лагеря будет хижина. Сеньёр, специалист «твердых» построек, с помощью Моска, который в силу древнего атавизма создан для роли мастера-каменщика, уже соорудил фундамент точно в том месте, где Франко когда-то построил свою хижину. Принцип такой постройки придуман не мной. Все гималайские экспедиции ощущали необходимость иметь в Базовом лагере такую коллективную постройку, которая была бы не просто большой палаткой, сотрясаемой порывами ветра, но настоящим приютом, прочным, сравнительно комфортабельным, где усталые восходители, спускающиеся с высотных лагерей, были бы не только защищены от непогоды, но и быстро возвращались бы к нормальному состоянию, как физическому, так и моральному; настоящим домом, с камином, очагом, с жаром огня, с теплотой человеческих контактов, дружбой товарищей, где можно сидеть на настоящем стуле, за настоящим столом, писать, дискутировать, держать военный совет, общаться, — одним словом, чувствовать себя среди людей.

Еще во Франции я уже думал об этом и заказал прочные и полупрозрачные полотнища для крыши. Жерди, заготовленные для остова в лагере Рибу, уже поставлены на место. Вскоре будет готова «крыша», и мы установим на пороге (или в камине) оставленный шестнадцать лет тому назад нашими предшественниками камень с надписью: «Французская экспедиция 1955 — Жан Франко». Своего рода символ и свидетельство.

Наступает вечер. Нужно подготовить почту, которую отправим завтра с вертолетом. Завтра... да нет, сегодня! Этим же утром. Он ведь уже улетел. Послушай, Робер, встряхнись! Забудь про головную боль, забудь прошедшие дни, берега Сены, маленькую новобрачную в розовом муслине и погребальный костер. Вернись к сегодняшнему дню, к настоящему времени, к ожидающему тебя Ребру. Я вылезаю из пухового мешка, открываю молнию палатки. Над чудовищным плечом морены царствует Ребро. Прямое, как струна, без единого изъяна. Нет, это не сон!

Жакоб и Мелле кончили изготовление стола из фанеры.

Москва с резцом в руке начал гравировку камня нашей экспедиции. Сеньёр законопачивает дерном отверстия в каменных стенах хижины. Шерпы ходят взад-вперед, суетятся. Все здесь, кроме двух журналистов.

Я невольно улыбаюсь, вспоминая их отъезд. «Дошли голубчики!» — сказал мне Жорж Пайо. С напряженными лицами, с рюкзаками, лежащими у ног, они не отрывали глаз от неба в направлении перевала Барун, и все шутки, отпускаемые в их адрес, не могли нарушить их каменное безразличие. Действительно, вот уже несколько дней они живут в атмосфере надежды и неуверенности. Прилетит ли вертолет, или им придется возвращаться пешком? Да, наконец вертолет прибыл, но какого дьявола понадобилось этому проклятому Параго лететь наверх, как будто некуда время девать! А если он расквасит себе морду? Время идет, скоро поздно будет лететь. Вертолет не успел еще приземлиться, я не оторвался еще от сиденья, а уже чувствую — сзади проскальзывает чья-то рука, нога... Как в метро, когда люди во что бы то ни стало хотят влезть, пока вы еще не вышли. Они поставили рюкзаки, уселись. Сеги скорчил гримасу («аромат» от наших ловкачей был еще тот, так как они ни разу не мылись за время подходов). Сеги помахал рукой, и вертолет с пронзительным мяуканьем взлетел бреющим полетом над камнями. И остались лишь товарищи вокруг, смотрящие на это бегство, и звон в ушах, и затем-молчание, великое молчание Гималаев.

Аспирин, кофе, отдых... головная боль наконец несколько утихла. И, ожидая обед, я в хижине отвечаю на вопросы товарищей.

Гребень Блинецов? По-видимому, никаких проблем. Между обоими Близнецами длинный горизонтальный траверс. Подъем на второй Блинец, конечно, нелегко, там, кажется, довольно круто. Затем короткий горизонтальный участок, до самого Ребра.

Ребро? Посмотришь в лоб-захватывает дыхание. Круто, исключительно круто. Первая треть, как раз до взлета острый гребень, окаймленный с обеих сторон плитами, перемежающимися карнизами. Трудно сказать заранее, где можно пройти.

Места для лагерей? На гребне Блинецов все ясно для II и III лагерей. Затем... ну! Затем, не знаю. Я не видел ни одного перерыва в профиле Ребра, ни одной площадки. Правда, есть два или три очень крутых фирновых пятнышка, вроде треугольного фирна ребра Валькер на Гранд-Жорас. Может быть, если порубить... но сейчас я могу высказывать лишь предположения.

— Смогли ли вы во время полета постоять на месте? —

спрашивает Жорж Пайо.

— Знаешь, Жорж, на 7000 м и без влияния Земли это практически невозможно. Мы сделали большой круг над юго-восточным гребнем, я думаю, мы даже «куснули» кусочек китайского неба, это позволило набрать малость высоты и добраться до самого подножия Ребра менее чем в 150 м от него.

— Ну и что? — нажимает Яник.

— А то, что не может быть и речи о том, чтобы найти площадку на этом участке Ребра. Это настоящая стена. Я проглядел все глаза, но ничего подходящего не нашел.

— А ты считаешь, что мы пройдем? Не слишком заглажено? А скала не ломкая? (вопросы сыплются со всех сторон и перекрещиваются).

— Скала надежная наверняка. Прекрасный красный гранит, такой же, как на Грепоне или на Дрю, но, конечно, не на обычном пути па Грепон, скорее на западной стене Дрю. И в конце концов не такой уж гладкий, не такой монолитный, как мы думали. Крупные блоки, внутренние углы, трещины... Нелегко, но, я думаю, возможно.

— Ребро Бонатти на высоте более 7000 м — неплохо!

— Да, пожалуй! Ты ведь знаком с искусственным лазаньем? Макалу или под Парижем, какая разница...

— А выше, там, где гребень выполаживается?

— Выполаживается... Сильно сказано! Там — ничего. Слишком высоко для нас, добраться мы не смогли. Придется удовольствоваться фотоснимками.

— Фото, — перебивает Люсьен, крупный специалист. — Ты хочешь сказать снимки Шнейдера? Потому что те, которые ты сделал сегодня утром, знаешь, гм!

— Ладно, старина Лулу, но, право, поляроид не для этого предназначен. Нужна точная выдержка, нельзя двигаться, а на вертолете это не так просто. Особенно когда хочешь все увидеть сразу, не теряя ни миллисекунды, набрать максимум впечатлений в минимум времени и еще бороться против соблазна любоваться Эверестом, возвышающимся перед тобой менее чем в 20 км, как будто ты уже в лагере V.

— Хватит, ребята! За стол! Не надо унывать. Это не сахар, нет, но пройти мы пройдем. Трудности? Но мы ведь за этим и приехали, разве нет?

ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ПРОБЛЕМОЙ

Ну вот мы и одни с нашим Макалу: одиннадцать сагибов, восемнадцать шерпов под началом сирдара. По мере того как носильщики приходят из Рибу, с ними рассчитываются и расстаются. Через три дня останутся лишь три носильщика из Соло Кхумбу, более или менее снаряженные. Кормить мы их будем за счет долинных рационов. Они помогут нам в высотных забросках, по крайней мере до лагеря I (трудности на этом участке невелики), а также обеспечат снабжение из долины Седоа местными продуктами питания, в частности рисом.

Одиннадцать сагибов, которым Ребро уже преподавало урок скромности и которые тем не менее торопятся его штурмовать. Противоречие? Ничуть, только на первый взгляд. Когда о цели рассуждаешь во Франции, сидя со стаканом вина в кабачке, когда ее рассматриваешь на фотоснимках, всегда склонен ее недооценивать. Чрезмерный оптимизм! «Я смогу сделать так, мы сможем сделать эдак, приступим к этому делу таким образом...» Ребро только что напомнило нам одним своим присутствием, что оно здесь, в своем царственном уединении, в своем величии, готовое защищаться. И каждый из нас инстинктивно почувствовал свое ничтожество. Каждый подумал: «Да, это не подарок! Придется вкалывать вовсю, и, учитывая высоту, это возьмет уйму времени, намного больше, может быть, чем мы себе представляли». Поэтому каждый хочет идти в атаку немедленно, чтобы поставить все точки над i.

Таким образом, не дожидаясь, пока все Грузы прибудут в Базовый лагерь, Сеньёр и Гийо с двумя шерпами уходят разведать место для организации лагеря I, то самое место, где в 1955 г. Франко установил свой лагерь I, на хорошо заметном контрфорсе за ледником, на высоте 5300 м. На следующий день в этот лагерь уходят Жакоб и Мелле с шерпами и первыми грузами. И пока происходит этот первый разбег экспедиции, Базовый лагерь постепенно превращается в стартовую площадку для начинающегося штурма.

Каждый посвящает себя выпавшей на его долю работе: один занимается штурмовым снаряжением, другой налаживает гетры, что требует порой немыслимой ловкости, третий, проверяющий ящики с продуктами, оглашает окрестности впечатляющей руганью, обнаружив исчезновение двадцати высотных рационов (по четыре человеко-дня). Что касается меня, то, больной и измученный после бессонной ночи (высота что ли сказывается?), и отпускаю Сеньёра и Берардини со всеми шерпами в лагерь I. На

работу меня что-то не тянет, и, чтобы спрятаться от ветра, несущего первые снежинки (мы уже начали его забывать, этот снег!), я забираюсь в хижину.

У нее внушительный вид, у этой хижины, в мягком свете, проникающем через полупрозрачные полотнища. Одновременно гостиная, библиотека, продуктовый склад, базар или универмаг (на выбор).

Вокруг сколоченного из ящиков из-под кислородных баллонов стола стоят раскладные стулья, такие удобные, комфортабельные. Как приятно, сидя на них, завтракать или перекинуться в картишки. Дежурная УКВ рация уже установлена, так же как и газовые баллоны для освещения. Вдоль хорошо законопаченных стен устроены каменно-земляные сиденья, покрытые досками от ящиков. Сами ящики превращены в стеллажи, ломящиеся от самых разнообразных запасов.

На этих полках можно найти абсолютно все. Сверхкомплектный ящик с инструментами-настоящая слесарня: гвозди, проволока, пилы по дереву, по металлу, клей, молнии, швейные принадлежности, рубанки, зубила, дрель, парикмахерский инструмент и бог знает что еще... А потом продукты питания, материального и духовного, бакалея и библиотека.

В бакалее самая удивительная гамма продуктов всех видов — банках, в пластмассовых мешках, классические сардины и сыр, дюжины колбас, соусы, дразнящие аппетит и доставляющие наслаждение утонченным гурманам на любой вкус, в зависимости от времени, от индивидуальных капризов и от физического состояния в данный момент. Разнообразие в пище имеет большое значение для альпиниста-высотника, но еще важнее оно для француза, наиболее привередливого и требовательного в отношении качества. Когда кто-нибудь голоден, ему стоит зайти сюда и взять, что захочется. Все здесь в распоряжении всех, включая бутылки с ромом или коньяком, к которым наш офицер связи частенько наносит визиты. Что касается свежего мяса, оно свободно гуляет по лагерю: петух, три курицы и две козы, спасшиеся от снегов Баруна.

В библиотеке собраны книги, которые по моей просьбе каждый взял с собой. По десять книг, говорил я им, главным образом детективы. Я по собственному опыту знаю, что, когда в серьезной экспедиционной библиотеке есть хоть один детектив, именно он всеми читается и перечитывается, так как никто не хочет перегружать свои мозги серьезной литературой. Каждый, если захочет, может читать хоть каждый день сидя, как у себя дома, перед очагом. О! Конечно, чтобы поддержать огонь в этом

очаге у нас есть лишь зеленая травка и корни, за которыми шерпани ходят ежедневно, порой далеко от лагеря, и которые дают больше дыма, чем огня. И тем не менее он здесь, этот очаг, со своим символическим теплом, и это главное...

Шерпани... Скромные, мужественные женщины, они проявили себя во время походов столь же доблестно, как и наиболее сильные носильщики. Шерпы с согласия сирдара и офицера настаивали на том, чтобы две шерпани остались с ними. В качестве доводов приводились родственные связи, помощь, которую они принесут на кухне. Да, конечно, прислуга на все и еще на кое-что... Помня, что Франко в 1955 г. дал решительный отказ, я долго колебался, спрашивая себя: не вызовет ли присутствие женщин соперничество и ссоры между мужчинами, не станет ли кто-нибудь из шерпов, находясь в одном из верхних лагерей, ломать комедию, притворяясь больным, чтобы поскорее вернуться в Базовый лагерь? Наконец скрепя сердце, считая, что присутствие этих женщин может оказаться психологическим козырем, я уступил. Был ли я прав или нет? Будущее покажет.

Шерпани... Задача среди тысяч задач, возникающих непрерывно перед начальником экспедиции, решение которых товарищи совсем не стремятся у него оспаривать. Может быть, эта задача и небольшая, но ведь самые малые задачи не менее других вызывают раздражение. А когда эти задачи более психологического, чем материального, порядка, они приобретают порой в зависимости от физического состояния в данный момент, от простого переутомления, в периоды вынужденного бездействия совершенно несоразмерное значение.

Конечно, неприятной привилегией руководителя экспедиции является постоянная, с первого и до последнего дня, забота о вещах и наиболее тяжкая-забота о людях. Когда я был членом экспедиции, я никогда не заботился о том, что думает начальник экспедиции. Это было не мое дело. Лично я принимал все рискованные ситуации и чувствовал себя достаточно сильным, чтобы их преодолеть. Вопрос, если таковой возникал, был моим внутренним делом. Даже мой товарищ по связке мог думать о чем хотел. Когда ты абсолютно уверен в себе, легко жить, отрешиться от забот, быть спокойным духом. Быть эгоистично одиноким.

Но быть ответственным за экспедицию — это значит ставить себя на место каждого из товарищей. Ты рассуждаешь за него, и ты всегда в тревоге. Не будет ли этот чрезмерно рисковать, не сдаст ли тот физически или морально, не демобилизуется ли? Эти люди (от которых я потребую идти до предела своих возможностей, даже перейти за этот предел)... Не ошибся ли я в их оценке? Я уверен, что перед Лионелем, руководителем

экспедиции на Жанну, вставали те же проблемы, уверен, что он рассуждал так же, как я рассуждаю сейчас. И я понимаю теперь, почему он не всегда был в хорошей форме. Я ставлю себе вопрос: потому ли я озабочен, что я не в форме, или же потому я не в форме, что озабочен?

Тем временем продолжается будничная жизнь, нацеленная на единственную задачу-преодолеть Западное ребро. Всем шерпам выданы одежда и снаряжение. Мы обучаем их премудростям работы с жюмарами и веревкой. Убеждаюсь, что некоторые из них исключительно способны, и с радостью думаю о той пользе, которую они смогут принести наверху, когда по-настоящему будет трудно.

На леднике группы двигаются непрерывными «челноками» между Базовым лагерем и лагерем I. Люди идут, тяжело нагруженные, безразличные к безрадостному каменному окружению: камни, камни, камни, осыпаящиеся под ногами, камни, порой настолько острые, что мы всех восходителей снабдили кожаными рукавицами (идея Жоржа Пайо), так как любая царапина превращается здесь в долго не заживающую рану.

Сами сагибы не протестуют против переноски грузов, иногда более тяжелых, чем у шерпов. Приходится даже порой придерживать чрезмерный энтузиазм. Например, Жан-Поль Пари. у него пошаливает позвонок, и тем не менее он упрямо таскает колоссальные рюкзаки. «Стой, Панама! Это совершенно ни к чему! Не насилуй себя...» Но я не жалуясь. Предпочитаю избыток энтузиазма слишком осторожной экономии сил.

Информация о ходе продвижения доходит до нас регулярно либо от возвращающихся на базу восходителей, либо по радиосвязи.

В лагере I сильный ветер. Большая палатка для шерпов, оставленная по неосторожности открытой, была повалена и более чем наполовину разорвана.

Приятные и веселые парни, эти шерпы, но по самой своей природе несклонные к аккуратности. Это одна из черт их характера. Свидетельством является одежда, которую мы им дали в Базовом лагере (именно дали, так как она теперь им принадлежит). Желтые анараки, ярко-красные брюки, серые пуловеры, словом, одежда люкс! Получили они ее утром. А к вечеру того же дня можно было подумать, что эту одежду таскали полгода в кухонном жире и саже. А разрушенная палатка? Вы думаете, что хоть кто-нибудь из них поднялся, чтобы ее установить? Они преспокойно остались лежать под разорванной парусиной и сломанными стойкам, смеясь и перебрасываясь шутками, несмотря на шквалы ветра со снегом... А снег теперь

падает каждый вечер. Несильные, правда, снегопады, но их регулярность начинает меня тревожить.

Я хочу лично удостовериться, как выглядит подъем к лагерю I, а может быть, и дальше, к лагерю II (мне ведь тоже больше хочется действовать, чем размышлять). Лагерь II, который мы собираемся превратить в передовую базу, расположен на высоте 5900 м, у самого подножия первого Близнеца. И это дает мне возможность улучшить мое знание психологии альпиниста в Гималаях.

Итак, я отправляюсь в лагерь I в сопровождении Жака Маршала. Мы знаем, что где-то на бесконечной морене приходится traversировать склон, по которому постоянно летят камни- здоровенные «чемоданы». Я в несколько лучшей форме, чем наш «Док», и вскоре он от меня отстает. Я вынужден его дожидаться, так как знаю, как деморализует одиночество, в особенности когда тебе приходится тяжело. Поэтому я могу не торопиться, могу любоваться природой. Отдыхая после опасной зоны, которую я пересек с максимальной скоростью, я посматриваю на Маршала, который теперь, ее проходит. Он находится как раз в середине traversа, когда начинается «артиллерийская стрельба». Устав, он совершенно не в состоянии не только бежать, но даже просто ускорить шаг. Я нахожусь в безопасности, по ничем не могу ему помочь и лишь содрогаюсь от ужаса, от невероятного ужаса. А он, стоя среди летящих камней, мечтает о том, чтобы «снаряды» прошли выше его или сбоку. К чему делать шаг вперед или назад? Это ничего не изменит! И Маршал ждет с философским спокойствием. Философским, именно так? В таких экспедициях, встречаясь с некоторыми опасностями, приходишь к фатализму, который не испытываешь во время восхождений в Альпах. Потому что понимаешь, что ты бессилен, потому что ты слишком мал в этом мире, слишком грандиозном для тебя. В Альпах лавиноопасный кулуар вы пересекаете бегом. В Гималаях высота вам запрещает бежать. И тогда, поскольку traversировать все равно ведь надо, вы идете на риск.

«Артиллеристы» не попали в Маршала, хотя «снарядов» было предостаточно. Ледник Барун — это колоссальный слой камней, полностью закрывающий лед, камней, без конца обваливающихся в облаках пыли, которую ветер бросает вам в лицо. Мрачная картина.

Дни следуют за днями, «челноки» за «челноками». Вечное движение туда-сюда. Лагерь II теперь солидно установлен на возвышении у подножия первого Близнеца. Настоящий наблюдательный пункт, с которого виден фантастический пейзаж

толпы вершин с головокружительными стенами, защищенный, однако, от основного ветра, дующего с Эвереста. Поскольку этот лагерь должен стать нашей передовой базой, мы стараемся его сделать наиболее комфортабельным. На выложенных камнями площадках установлены долинные палатки, более высокие и менее тесные, чем высотные, палатки шерпов и палатка-столовая, которая будет играть здесь ту же роль, что и хижина в Базовом лагере: раскладные столы, стулья, стеллажи, колбасы, подвешенные ко всем стойкам. Потрясающий склад провизии и различных материалов. По крайней мере пять или шесть тонн!

Март подходит к концу, и муравьи продолжают свою медленную процессию по гребню Близнецов. Первые перила повесили Гийо и Моска, затем продолжили я и Пайо-всего более 800 м. Я доволен: спортивная форма возвращается, я восстанавливаю силы. Доволен я также нашим продвижением, сравнительно быстрым, даже слишком быстрым, раз тылы не успевают и начинает не хватать высотных рационов. Но погода хорошая, и надо этим пользоваться.

За мартом следует апрель, за солнцем — снег. Я вновь спустился в Базовый лагерь, чтобы активизировать снабжение.

Пайо, Сеньёр и Берардини высмотрели место для следующего третьего лагеря. Это площадка на северной стороне Ребра на высоте 6400 м, защищенная, как они считают, от ветра.

Несмотря на неважную погоду, я был бы вполне доволен, если бы не беспокоило состояние Жакоба. Уже несколько дней у всех болит горло, все пичкают себя лекарствами. Жакоб подхватил такую жестокую ангину, что Маршалль, возвратившийся со мной на базу, вынужден был дать ему сильную дозу антибиотиков. Таким образом минимум на пять дней Жакоб вышел из строя.

2 апреля. Пришла почта. Падает снег. Пари и Жаже установили палатку-хижину в лагере III, но площадка продувается насквозь, а 1 апреля сыграло с ними злую шутку: на высоте 6400м дыхания не хватает, чтобы надуть матрасы, а насос они забыли!

3 апреля. Жакоб по-прежнему болен. Пари и Жаже при ветре более 100 км/час провели в лагере III ужасную ночь. Палатка, к счастью, прекрасно выдержала. Вскоре после полудня я увидел их в бинокль на гребне Близнецов у подножия первых скал.

4 апреля. Знакомые звуки «плаф-плаф» лопастей вертолета вытащили меня из спального мешка в 8 часов. Бернар Сеги привез нам неожиданных гостей: М. Рана, высокопоставленная непальская персона, Анри де Сегонь и Морис Эрцог. Наши два друга участвуют в экскурсии по Индии и Гималаям по случаю двадцатой годовщины восхождения на Аннапурну. Они привезли

нам из Катманду почту, табак, овощи, свежее мясо, несколько бутылок хорошего вина. Добро пожаловать таким дарам! Однако радость от встречи с друзьями совсем иного порядка. Мы можем оценить все очарование этой встречи в сердце Гималаев трех руководителей национальных экспедиций: Сегонь — Хидден-пик, 1936, первая французская экспедиция в Гималаях; Эрцог — Аннапурна, 1950, первый восьмитысячник; Параго — Макалу, Западное ребро, 1971.

В 10 часов вертолет покидает наш лагерь, разрушая хрупкую связь, на мгновение соединившую нас с внешним миром.

Последующие дни, как и раньше, мы перегружены заботами. Мне следовало бы безоговорочно радоваться, зная, что гребень Близнецов полностью и окончательно обработан. Два километра перил навешены между 6000 и 6500 м. Однако погода с каждым Днем становится все хуже. Seriously беспокоит меня, кроме того, общее состояние здоровья участников экспедиции. Речь идет не только о Жакобе, который по-прежнему плохо себя чувствует, но и о товарищах наверху, о которых радио не сообщает мне ничего утешительного. Сеньёр спустился в лагерь I. У него тоже ангина. Маршалль просит меня подняться в лагерь I со шприцами и пенициллином, чтобы сделать Сеньёру уколы. Что я и делаю, причем так, что Сеньёр ничего не почувствовал. Я начинаю думать, что у меня гениальные способности! На следующий день он настолько поправился, что поднимается со мной в лагерь II. Однако с Жакобом дело плохо. По диагнозу Маршалля, у него флегмона, и требуется срочная операция. В лагере III у Франсуа Гийо также страшно болит горло. Так как он свято верит в медицину, то с криком требует немедленных уколов, и Моска приходится впервые в жизни орудовать шприцем. Жакоб, Сеньёр, Гийо... Чья теперь очередь? Я тем более озабочен, что в голову лезут воспоминания о неприятностях, преследовавших нас пять лет тому назад в начале экспедиции на Уаскаран, в Перу. На восьмой день здоровых у нас оставалось лишь трое: Берардини, Сеньёр и я; все остальные были больны и даже тяжело больны. И продолжение экспедиции стояло тогда под угрозой.

7 апреля, 17 часов. На связи Маршалль. «Знаешь, Робер, я говорил тебе, что Жакоба надо оперировать... Так вот, это сделано!» И наш доктор рассказывает: «Мне повезло, что для отдыха сюда спустился Жаже. Он выполнял обязанности анестезиолога. Мы начали с местной анестезии, но я вскоре убедился, что так дело не пойдет. Тогда мы сделали общий наркоз, и как раз, когда я приступил к вскрытию, стол начал разваливаться. Ассистировавший мне Жаже безуспешно старался зажать его между коленями. Он все больше разваливался.

Операцию мы закончили на четвереньках».

Я чувствую, как по спине пробегают мурашки.

— Ну и что?

— Да ничего. Полный порядок! Однако о пребывании здесь не может быть и речи. Было бы слишком опасно держать его на высоте.

— Ты настаиваешь, Жак?

— Настаиваю, старина, его необходимо эвакуировать в Катманду.

Вот еще задача! Обсуждать решение Маршала не приходится. В таких случаях командует не начальник экспедиции, а медицина. Так что я теперь должен послать двух гонцов до Дханкута, где находится первая радиостанция, с посланием, требующим вертолет из Катманду. Это займет по меньшей мере шесть-восемь дней. Лишь бы выдержал Жакоб! Очень боюсь, что для него во всяком случае экспедиция закончена.

Как и каждый вечер, падает снег.

РАЗДУМЬЯ У РЕБРА

9 апреля. Я очень плохо спал. Одолевали меня бессвязные кошмары. Утром с Гийо и Моска ухажу в лагерь III. Я быстро убеждаюсь, что у меня нет ни физических, ни моральных сил. Высоко вверх я вижу Сеньёра, Пайо, Мелле и Берардини, обрабатывающих первые склоны ребра. На вершине второго Близнеца я сдаюсь и спускаюсь в лагерь II, где нахожу Пари и вернувшегося из Базового лагеря Жаже. Вскоре ко мне присоединяются Сеньёр, Пайо, Мелле и Берардини. Они тщетно пытаются улучшить мое настроение. Я совершенно убит и охвачен отчаянием. И начинается долгая ночь, а с ней горькие размышления, которые без конца вертятся вокруг одного и того же, пережевывают одно и то же и, наконец, уже не могут сделать различие между тревогами и горечью.

Несчастный, тебе следовало бы заняться интендантством! Как я уязвим... Бывали дни, когда я был в совсем приемлемой форме. Сегодня я жал вовсю, но тащился сзади всех, и больше всего мне хотелось не отставать от этих молодых, полных жизненной силы парней. Увы! Не могу. Я слишком стар. Зачем я сунулся в эту историю? Я мог бы остаться дома. Разве я сделал недостаточно? Зачем еще нужны мучения вместо скромной, легкой жизни, когда имеешь привычную работенку, милые привычки, когда возвращаешься ежедневно домой, спокойно включаешь телевизор... Порой, когда я начинаю анализировать такую простенькую жизнь, возникают сомнения. Это же монотонно до тошноты! Я не гожусь для такой жизни. Но создан ли я, чтобы выбиваться из сил или, как все нормальные люди, наслаждаться простой, легкой жизнью? Хуже всего это то, что в своей карьере я выбирал наиболее трудное решение и делал это очень часто. Я провожу уже шестое серьезное мероприятие, и сегодня мне пришла в голову мысль, что я, возможно, переступил грань. Я самый пожилой из всех членов экспедиции, и я сразу почувствовал себя старым, не стариком, а представителем старшего поколения по отношению к другим членам команды. У меня были критерии сравнения. Я не имею в виду сложность Ребра, как таковую. Если бы был такого же возраста, как Яник или Моска, я бы, вероятно, им не уступал. Разве травмирует меня сложность? Нет, травмирует сознание, что я не могу двигаться, как мои товарищи, не могу действовать, как они, на маршруте. Перила, по которым я подтягивался, поставили они, а не я. Придется ли мне когда-нибудь идти первым в связке с кем-либо из них, переживать чудесную радость, когда ты в хорошей форме

и отдаешься без остатка трудной работе? Но нет, я не смогу больше участвовать в работе штурмовых связок, это было бы в ущерб делу; как ответственный, я никогда не буду свободен, не смогу идти направо, идти налево, к тому же... я такой человек, который... никто тут ничего не изменит... не то что я не доверяю людям... но у меня, возможно, есть недостаток: когда я даю приказания или когда проявляют инициативу другие, мой несносный характер заставляет меня влезать в дело и проверять, правильно ли все сделано. Я должен сам во все вмешаться, и это создает мне кучу забот.

Простая обязанность вести бортовой журнал и то отнимает время, представляет какую-то трудность. А потом все эти мелочи, безделицы, например плохо отрегулированные альтиметры... Как бы я хотел освободиться от этих мелочей, составляющих в итоге неподъемный груз! Активно участвовать в работе, лазать, быть в хорошей форме, смеяться над плохой погодой, над холодом, ветром, всюду проникающим снегом, быть на десять лет моложе, вновь очутиться на Жанну, на Аконкагуа, не быть больше начальником экспедиции, участвовать в штурмовых связках!

Но раз я здесь, я должен участвовать, не правда ли? Не может быть речи о том, чтобы остаться в стороне. Активное участие — это основа. Не может начальник экспедиции лишь отдавать приказы, сидя в тепле со своим биноклем. Вот почему я здесь и «дохожу»...

...Что поражает — так это чуткость, с которой все ко мне относятся. Яник, Моска, Пано — все знают, что я не справляюсь, и, проявляя редкое благородство, все стараются поддержать меня морально. «Не унывай, Робер, увидишь, все будет в порядке...» Дорогие друзья! Если бы вы знали, как мне тяжело! Этот гребень Близнецов, он такой длинный, монотонный, трудный, даже для тех, кто в хорошей форме. А для меня, понимаете!.. Эти короткие остановки, когда ты совсем один, если не считать Эвереста, который насмехается над тобой... когда у тебя слезы на глазах от жалости к самому себе... А этот проклятый рюкзак, до чего же он тяжел! Но каждый должен нести максимум, и ты должен также выжимать из себя максимум. Делать как все... снова идти... Я делаю четыре шага и отдыхаю, считаю шаги: один, два, три, четыре... повиснуть на веревке, восстановить дыхание, пытаться забыть про все усиливающуюся усталость. Гоп! Вперед!

А когда я прихожу в лагерь, Яник уже там часа полтора, не менее, и приготовил чай. Я мучился, как никто другой. Он, конечно, ни в малейшей степени. На самом крутом участке он поднимался с сигаретой в зубах, и это действовало мне на нервы! Чтобы ободрить меня, ты говоришь, что хотел бы со мной вместе

подняться на вершину. Скажешь тоже! Об этом не может быть и речи. Я на это не способен, и, главное, я не хочу этого как раз потому, что не хочу быть «хозяином», организовавшим экспедицию для удовлетворения своего желания подняться на вершину... если только, конечно, он не является лучшим в команде. Это не его роль — идти на вершину. Он идет, но в последнюю очередь. Несмотря на снежные заряды, несмотря на пронизывающий ветер, связки продолжали терпеливо ползти вверх. Я добрался до лагеря III. Ночью не прекращался ураганный ветер, но мы все же выходим, Моска и я, в сопровождении двух шерпов-Анг Темба и Нема. Наши жюмары ритмично скользят по перильным веревкам. Изумительный инструмент, этот жюмар, он знаменует в альпинизме столь же важный этап, как в свое время появление профилированной резиновой подметки вибрам. Всякий, кому пришлось подниматься по натянутой веревке из трещины или по нависающей стене в Доломитах, используя старый узел Пруссика, может оценить прогресс, достигнутый применением этой металлической рукоятки. Когда вы продвигаете ее вверх по веревке, кулачок, которым она снабжена, «утапливается», а когда вы подтягиваетесь, она заклинивается под действием натяжения. Только жюмар позволяет применять на самых высоких вершинах Гималаев технику натянутой перильной веревки. Я, который участвовал в экспедициях до того, как появился жюмар, могу с полным основанием сказать: это небо и земля.

Лазанье трудное: смешанный рельеф, перерезанный нависающими взлетами, которые приходится обходить по флангам. Непростой траверс в сотню метров длиной приводит нас к подножию очень крутого фирнового склона, переходящего в такие же крутые скалы. Здесь мы навешиваем стометровую веревку. Вопреки моим ожиданиям я сегодня не страдаю. Не напрасны ли были мои ночные опасения? Неужели я не способен контролировать порывы моего воображения?

Угрожавшая с утра буря набрасывается на нас с необыкновенной силой. В одну минуту она превращает нас в снеговиков, утыканных льдинками. Кругом... марш! Быстро! И мы спускаемся вдоль натянутой веревки. Вернее, это не спуск, а управляемое падение, позволяющее терять высоту с бешеной скоростью. Это техника, которую мы с товарищами открыли инстинктивно и разработали окончательно на Аконкагуа.

Спуск при этом осуществляется не на дюльферной веревке, а на самой перильной. Достаточно для этого, чтобы она была не натянутой, а с некоторой слабинкой. Альпинист проводит веревку по спине, под лопатками, вокруг предплечий и хватает ее

покрепче руками в рукавицах. Руки раздвинуты в стороны, прямые ноги опираются о склон, и альпинист скользит на боку. Чтобы затормозить спуск, достаточно зажать руками веревку; чтобы затормозить еще сильнее и даже остановиться, следует вытянуть руки вперед, вследствие чего увеличивается трение, а следовательно, и торможение.

Мы обучили этой технике, хотя и с трудом, наших шерпов, а также тех членов экспедиции, которые не были с ней знакомы, потому что в Альпах она никогда не применяется. Конечно, с непривычки впечатление сильное! Тем более что нет никакой страховки, за исключением карабина, прикрепленного к поясу и скользящего вдоль веревки. Однако я никогда не беспокоился ни за себя, ни за кого-либо другого. Я знаю мастерство и самообладание каждого. И знаю также, что в экспедициях время от времени приходится идти на риск. Тем более в экспедиции такого масштаба, как наша. Мы это знали и шли на риск.

15 апреля. Погода плохая. Падает слабый снег. В палатках никто не шевелится. У всех полное безразличие. Хорошо еще, что Пайо занимается стряпней, без него никто бы ничего не ел. Я спускаюсь в лагерь II.

16 апреля. Наконец хорошие новости. По радиосвязи узнаю, что вертолет только что прибыл на базу, чтобы эвакуировать Жакоба! Сеги прилетел нас приветствовать в лагерь II, но не хочет задерживаться (слишком уж ненадежная погода) и быстро исчезает в направлении Катманду. Через два часа Жакоб будет в госпитале. Какое облегчение! Маршалль меня предупреждает, что он немедленно уходит из базы в лагерь I. Завтра, вероятно, мы увидим его здесь. К 17 часам начинает падать снег. В лагерь II возвращаются передовые связки. Они добрались до высоты 7100м. Завтра нам следует установить лагерь IV. В лагере III остаются сегодня вечером лишь Гийо, Моска и два шерпа.

17 апреля. Пари и Жаже с пятнадцатью шерпами уходят в лагерь III. Погода быстро портится, и уже с 10 часов начинается обильный снегопад. Моска и Гийо, вышедшие из лагеря III, пытались достичь площадки будущего лагеря IV, но вынуждены были отказаться от этого из-за очень сильного ветра. Аббат Бордэ был прав, когда предсказывал нам ветер со скоростью сто пятьдесят километров в час. Никогда, даже в самые худшие минуты экспедиций, в которых я участвовал до сих пор, я не испытывал ветра такой бешеной силы. Ветры без всяких препятствий яростно атакуют стоящий в гордом одиночестве Макалу, и в первую очередь выдающееся, как нос корабля, Западное ребро.

Непогода теперь прочно обосновалась от подножия до

вершины горы. Когда ветер порой образует просвет в кружащихся тучах, мы видим, что буря разыгралась на всех уровнях от Базового лагеря до лагеря III. Я живу в непрерывной тревоге: лагерь III не защищен от ветра, и смогут ли наши товарищи там устоять? Если непогода продлится и придется эвакуировать лагерь, сумеют ли они отыскать погребенные под снегом перильные веревки? До настоящего времени на гребне Близнецов не было ни одного карниза. Теперь, при этом адском ветре, должны возникнуть колоссальные карнизы. Если бы я был настолько наивным, чтобы в этом сомневаться, достаточно было бы вспомнить некоторые снимки Шнайдера. Карнизы — это они убили Германа Буля на Чоголизе.

Сообщения, которые Пари передает по радио, меня мало радуют. Какое все же поразительное место занимают в нашей жизни эти волшебные маленькие станции, но связь, которую они создают между нами, чрезвычайно хрупкая.

— Здесь настоящая катастрофа, — сообщает Пари. — Неживые палатки все разрушены бурей. Остальные уцелели только потому, что мы находимся внутри и время от времени вылезаем, чтобы освободить крышу от накопившегося снега и поправить стойки и растяжки.

— Ну что же, — ответил я. — Снимайте лагерь! Во всяком случае о том, чтобы вам доставить продовольствие, не может быть и речи. Раз так, спускайтесь сюда как можно быстрее! Конечно, тут не Лазурный берег, ты понимаешь. Но будет все же немного лучше, и потом мы будем вместе.

Лазурный берег. Здорово сказано! Не настолько уж лучше мы здесь устроены, чем наши друзья в лагере III. Сверху вниз, снизу вверх, справа, слева ветер крутит облака и месит снег. Иногда непроницаемая завеса на какие-то секунды разрывается: вся вершина курится, гребень колышется, как грива мчащегося коня, вихри поднимаются по склонам с невероятной скоростью. Снег везде. Он проникает всюду, даже через молнии, покрывает в палатках спальные мешки, одежду, снаряжение.

Порывы ветра с яростью бьют и треплют палатки, и заснуть становится проблемой. Прием пищи — вторая не менее надоедливая задача. Нечего и думать сесть с комфортом за обеденный стол. Только очистишь стол или стул, как они снова мгновенно покрываются снегом. Проходят часы, проходят дни. Три, четыре, пять? Мы потеряли им счет. Мы просто ждем и стараемся выжить, как животные.

Если подумать, есть ли какое-либо другое решение, кроме ожидания? Отступление в Базовый лагерь? При этом снеге мирные склоны между лагерями II и I превратились в капканы,

угрожающие лавинами. Пари, Пайо и Сеньёр, несмотря на бурю, спустились с шерпами из лагеря III, утопая в снегу, порой до плеч, пытаясь по пути освободить перильные веревки. Весьма рискованная операция, и я очень рад видеть их целыми и невредимыми, даже если их возвращение и не решает ни наших проблем, ни проблем шерпов.

Проблема шерпов. Шерпов надо кормить. Конечно, у нас есть высотные пайки. Но мы рассчитывали на продукты, поднятые за эти дни из Базового лагеря и предназначенные для освоения Ребра. Буря все застопорила: транспорт припасов из базы в лагерь II и доставку их из Седоа, так как перевал Барун, очевидно, также блокирован. Брать продукты из высотных рационов — это не решение проблемы. Урезать снабжение верхних лагерей — это ставить под угрозу будущее, в которое, несмотря на нескончаемую бурю, мы не перестаём ещё верить. Запасы ведь истощимы! А аппетит у этих ребят зверский, и им нужна плотная пища. Я хорошо их понимаю, когда они приходят ко мне в сопровождении Пари как переводчика и просят, чтобы я им разрешил спуститься в Базовый лагерь. Как мне их убедить, что риск слишком велик, что не могу я оставить их одних на склонах, угрожающих лавинами, и, главное, этот риск бесполезен, так как в Базовом лагере также нет риса, поскольку перевал Барун закрыт из-за непогоды? К счастью, наш славный Анг Темба приходит мне на помощь. Он постепенно выдвинулся в лидеры связок шерпов и сейчас умеет найти надлежащие аргументы, на лицах отражается понимание. В конце концов все согласны ждать, и в глубине души я им очень благодарен.

Как бы мне хотелось знать, о чем думают товарищи, изнывающие от нетерпения в спальных мешках! Жорж Пайо, мой товарищ по палатке, не болтлив. Не знаю, преимущество ли это или недостаток, но мне нравится его спокойная мудрость. Судя по нашим беседам, он разделяет мои заботы. Он, однако, не такой пессимист, как я, и редкие произносимые им слова служат ободрением: «Да нет, старина, ещё есть время, не надо беспокоиться, вот увидишь, всё будет в порядке!» Искренен ли он? Во всяком случае он достаточно умен, чтобы казаться таковым, и одно только его присутствие, его спокойствие и оптимизм, действительный или напускной, являются для меня ценным ободряющим фактором. Что касается других ребят, если они и скучают, то умеют это скрывать. К тому же ведь буря — это тоже приключение! Основное сейчас — это выжить и поменьше думать. Сегодня утром — светлое пятно: появился посетитель — маленький зверек, по-видимому грызун, назвать которого я не решаюсь, вроде маленького сурка, рыжего цвета. Он

совсем не пуглив, бегает туда-сюда вокруг палаток, особенно вокруг кухни, очевидно в поисках пищи, консервной банки, не опорожненной до конца. Как мне хочется погладить его мех и с ним поговорить: «Откуда ты, доверчивый зверек? Наверное, ты шел за нами с Базового лагеря? Эти места слишком негостеприимны для постоянного жилья. Одинок ли ты здесь?» Вспоминаю малиновку, летавшую зимой во времена моего детства вокруг дома, и мне становится тепло на сердце. Согревает меня также предложение Франсуа Гийо. Используя просвет, он хочет спуститься в Базовый лагерь с максимальным числом шерпов. Несмотря на риск, предложение принимается без обсуждения, так как я полностью доверяю осторожности Франсуа: его присутствие на базе наведет там необходимый порядок и поможет урегулировать проблемы снабжения.

Условились, что по прибытии на базу он немедленно свяжется со мной по радио. Тянутся долгие часы. Весь день, всю ночь снег падает без остановки. Наконец в 8 утра голос Франсуа:

— Мы потратили более 6 часов для спуска от лагеря I к базе! В лагере столько снега, что лишь верхушки палаток торчат наружу.

— А как носильщики?

— Они все спят вместе с шерпами в хижине и в кухне. Паршиво, что нечего жрать, кроме наших запасов на обратный путь. Поэтому, если ты не возражаешь, я пошлю всех «местных носильщиков» в Седоа, навстречу Будиману. Он должен вскоре поспеть со своим караваном, ведь мы его ждем уже около месяца.

— А шерпы?

— Я посылаю их в Рибу за дровами. Бензину для кухонь больше нет, а большие газовые баллоны пустые.

— Какая погода у тебя там, внизу?

— Получше. Явно не так холодно. Падает почти мокрый снег, но падает сильно. Ты знаешь, я поймал передачу из Катманду. Не одни мы застряли. Все другие экспедиции блокированы в нижних лагерях. Авария в международной экспедиции на Эверест: на стене умер индеец, насколько я понял, от холода и истощения. На Аннапурне японцы отказались от восхождения. На Эвересте также, мне кажется, Диренфурт собирается возвращаться.

24 апреля. Галки, исчезнувшие во время бури, вновь появились. Собирается ли вернуться хорошая погода? Может быть, у нас есть еще шанс?

Яник Сеньёр

ПОСЛЕ ПЯТИ ДНЕЙ БУРИ...

Лагерь II, 24 апреля.

Сегодня после пяти дней бури снова все тихо. Временное затишье или окончательное, никто не знает. Мы с Бернаром Мелле все же пытаемся подняться в лагерь III, чтобы проверить, в каком состоянии палатки. Первый склон над лагерем II очень крутой. На грани удушья, повиснув на жюмарах, мы пытаемся восстановить дыхание. Погребенные под снегом веревки немедленно замерзают на открытом воздухе, и жюмары проскальзывают; ничего, надо продолжать. Вот и горизонтальный гребень. На южных склонах веревка свободна, но на северных ветер наносит такую массу свежего снега, что пробивать трассу становится исключительно тяжело. Некоторые вершины выглядывают из-за туч. Скалы и лед, блеска мало, так как солнце спряталось за вторым слоем облаков, протянувшихся примерно на высоте 7000 м. Погода, вероятно, улучшилась ненадолго, но работа нас возбуждает. Для Бернара и меня жить в лагере II законопаченными в палатках становилось невыносимым.

Метр за метром мы поднимаемся. Ущелье уже заволакивается облаками. Они покрывают гору и разрываются на гребне, скрывая нас друг от друга. Бернар иногда идет первым вместо меня, но работа столь тяжелая, что меняться приходится непрерывно. Вот уже порядочно времени, как я работаю с ожесточением в этом холодном пушистом снегу, а в голове толпится рой вопросов. Это затишье, сколько оно продлится? Эта траншея, пробитая с таким тяжелым трудом, не будет ли она завалена, ликвидирована через два часа, через час? Принесут ли какую-нибудь пользу эти непрерывные усилия? Эта безрадостная работа? Да, без сомнения. Пользу для команды, так как фактически конечная победа — это сумма тысяч подобных мгновений. Пользу и для меня. Потому что это улучшает мою акклиматизацию; более того, это само выражение моей воли.

Прошло уже три часа, как мы поднимаемся. Мы боремся. Мы прошли уже первую очень крутую полосу, затем вторую, вот теперь третью. После этой мы выйдем на вершину второго Близнеца (6220 м), затем последует очень длинный горизонтальный участок, где мы установили промежуточный лагерь III, и далее снова крутой склон до основного лагеря III.

Я сейчас на вершине Близнеца. Небольшой спуск снова приводит к горизонтальному участку, за которым — последние склоны. Где же перильная веревка? Я растерялся. Доверяясь ветру, отпускающему мне пощечины справа, продолжаю идти

вперед. После четверти часа тревоги вновь обнаруживаю колья, маркирующие веревку. Более тонкий снег позволяет ее вытащить. Бернар подходит, я двигаюсь очень медленно, глубоко погружаясь в мягкий снег. Ветер атакует сразу со всех сторон. Я склонен вернуться, Бернар тоже. Несколько минут назад он говорил: «Давай возвратимся!» Однако мне бы хотелось добраться до лагеря III, проверить палатки, а главное, сегодня я стремлюсь превзойти самого себя. Но топтание трассы все более доводит меня до изнеможения, и мое мужество имеет предел. Я думаю о товарищах в палатке лагеря II. Пока продолжается моя голгофа, они играют в карты, перед тем как самим включиться в нескончаемую борьбу. Еще шаг, Яник, для них, еще шаг для меня. Какой волей я должен обладать, какие усилия физические и моральные я должен прикладывать, чтобы продолжать! Человек ли это движется или животное? Толкает ли меня сознательная воля или тупое упрямство?

Я иду с опущенной головой, шаг за шагом, с трудом вырывая ногу из снежных тисков. Меня охватывает умственное оцепенение, я не управляю уже своим телом, оно управляет мной. Скажи, Яник, вот это называется альпинизмом? Зачем ты здесь? Чтобы получать удовлетворение от борьбы с природой и с самим собой или же ты сам приговорил себя к каторжным работам?

Где вы, счастливые часы восхождений в Альпах? Нет. Эти два мира несоизмеримы. Интенсивные дни лазанья под ярким солнцем, по теплому граниту скал или холод зимних восхождений, даже длящихся неделю, их кратковременность оставляют место лишь для удовольствия. В то время как здесь... недели прибавляются к неделям, месяцы — к месяцам, снег следует за снегом, буря-за ветром, тяжкий труд прокладывания трассы сменяется заботами о палатках, поваленных бурей, и удовольствие превращается в работу. Может быть, удовольствие придет ко мне завтра, вместе с солнцем, красотой и покоем.

Вскоре приходится мириться с неизбежностью, мы идем уже шесть часов и не доберемся до лагеря III. Необходимо спускаться. С сожалением читаю во взгляде моего товарища то же отступление. Краткая пауза. Несколько минут, чтобы погрызть что-нибудь, чтобы попытаться закурить, несмотря на ветер, задувающий огонь, — и мы поворачиваем. Мы бежим, торопясь к теплу, к приюту, к дружеским лицам и к радушному приему товарищей.

Во время спуска буря удваивает свою свирепость, и в лагерь II приходят два «усталых героя» с обледенелой бородой, с лицом и руками, покрытыми трещинами от холода и ветра. Мне придется два дня отлеживаться в постели с начинающимся гриппом —

вероятным последствием нашего выхода. Это небольшое снижение формы вызывает уменьшение нервного напряжения, и в течение нескольких дней во время разбушевавшейся бури я уже не буду понимать, болен ли я физически или морально. Между прочим, в этих очень трудных жизненных условиях, на большой высоте и при сильном холоде, практически невозможно точно определить, страдает ли тело или разум.

После девяти дней непрерывной бури положение становится катастрофическим. Мы узнаем по радио, что Базовый лагерь утонул под двумя метрами снега, лагерь I должен быть в таком же положении и движение между лагерями прекращено.

Здесь, в лагере II, мы за ночь встаем несколько раз, чтобы освобождать палатки. У шерпов, которые об этом не заботились, две палатки из трех разрушены, причем одна вообще не подлежит ремонту. Они живут и спят в невероятной тесноте в оставшейся палатке. Снег и лед все захватили. В кухне, образованной каменными стенами и брезентовой крышей, накопилось 3-4 кубометра снега, и повара должны совершать чудеса, чтобы приготовить пищу. Что касается кают-компаний, то пол еледяной ковер, а стены — снежные занавеси. Ветер проникает всюду, даже через молнии. Можно считать, что он соорудил внутри палатки вторую со снежными стенками толщиной не менее десяти сантиметров! Все наши запасы продуктов и снаряжения превратились в ледяные глыбы. В сотне метров над лагерьем, там, где начинаются навешенные веревки, сагибы и шерпы оставили свои кошки, найдут ли они их после бури? А лагерь III? В каком он состоянии? А все наши промежуточные склады, расположенные выше? Начинается снежное наваждение.

Если буря продолжится, если еще несколько дней не будет приличной погоды, наши шансы взойти на Макалу будут практически равны нулю.

Сейчас конец апреля, и нам остается примерно две недели до вероятного наступления муссонов. Только 15 дней, чтобы организовать лагерь IV, преодолеть взлет, вероятно с помощью искусственного лазанья, до 7800 м, чтобы поставить лагерь V, затем лагерь VI на гребне, прежде чем начать завершающий штурм. Очень мало времени. В самом крайнем случае можно провести штурм 20 мая, но какой риск! Когда муссон будет у ворот ущелья Арун, наши шансы будут ничтожными.

Позднее я узнаю, что мои товарищи переживали такие же минуты уныния, граничащего с подавленностью.

Робер мне скажет однажды: «Перед концом бури мне хотелось сказать всем: «Снимаем лагерь, мы возвращаемся».

И вдруг вопреки всем ожиданиям вернулась хорошая погода.

НАКОНЕЦ СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

26 апреля. Северный ветер наконец сменил южный. Северный ветер-это ветер Тибетского нагорья, ветер с бесконечных плато с голубоватыми красками. Очень сильный, исключительно холодный, он прогнал южный ветер, приносящий облака, а с ним влажность и, следовательно, снег. За одно утро мы получим доказательства мощности гималайской природы. От двух метров снега, завалившего палатки, ничего не остается. Пушистый снег, преградивший нам путь несколько дней тому назад к лагерю III, полностью сметен. Из нашего лагеря мы видим, как он поднимается над гребнями грандиозными спиралями. Работает адская воздуходувка. Мы потрясены этой неистовой силой.

В палатках попутно с надеждой возрождаются радость и улыбки. Радость от возможности возобновить штурм вершины, радость чувствовать, как твои мускулы снова начинают жить, твоё дыхание становится ритмичным, твои мысли мчатся по вершинам, гребням, ущельям. Радость ощущения колебания веревки при каждом усилии идущего перед тобой товарища, радость от каждого шага по его следу и от каждого усилия, затраченного для этого шага.

27 апреля. Ветер стих. В лагерях возрождается жизнь и стремление к действию. Пайо, Берардини, Моска и Параго с четырьмя шерпами собираются выйти в лагерь III. Грипп у меня более или менее прошел, и я помогаю им готовить снаряжение. Легкие грузы для сагибов, 20 килограммов для шерпов. После двенадцати дней бездействия чувствуешь как бы освобождение. Вечером мы узнаем по радио, что ветер освободил навешенные веревки и уплотнил снег. Однако вид лагеря привел наших товарищей в полную растерянность. Заваленные палатки, поломанные стойки, разорванные полотнища, словом, разорение! Всю вторую половину дня они перелопачивали снег и исправляли повреждения. Лишь в конце дня им несколько помешал небольшой снегопад, подобный тому, который нас донимал ежедневно, до того как установилась погода. Иногда снег падал с часу дня до вечера, а иногда только с четырех часов.

Из Базового лагеря, куда снова спустились Пари, Гийо и Жаже. Пари сообщает, что Жаже по-прежнему болен и просит дать антибиотиков. Однако последние уже переправлены в верхние лагеря, так что придется возвращать несколько единиц. Неприятная задержка, наводящая на размышления. Я никак не могу понять, как простая ангина могла довести до такого жалкого состояния столь крепкого парня, как мой друг Клод. Я знаю по

опыту совместных восхождений, в частности зимних, его исключительную волю и физическую силу. На Шакхауре, в Гиндукуше, два года назад он доказал, что может жить на большой высоте, так как, оборудовав предварительно все участки, смог подняться на вершину более 7200 м. Я знаю, конечно, что моральные и физические переживания тесно связаны, а в экспедициях еще сильнее, чем в повседневной жизни. Но все равно. Поговорю попозже с нашим доктором. Нужно будет, чтобы он рассмотрел поподробнее этот случай, хотя бы с точки зрения организации будущих экспедиций. А может быть, это нужно сделать и в настоящее время, чтобы нас успокоить, поскольку никто из нас не гарантирован от подобного злоключения, я так же, как и остальные. Гордость — мощный двигатель, но она не должна исключать предусмотрительность.

К счастью, в качестве компенсации приходит счастливая весть. Вот уже пятнадцать дней из Седоа не приходило к нам никакого пополнения запасов. Никаких местных продуктов-основы питания шерпов, от которых и сагибы не отказываются: рис, сахар, тзампа, куры, живые козы, порой туши яка и керосин для нагревательных приборов. Сегодня вечером пришли из Седоа двадцать один носильщик с продовольствием. Во время бури переход через перевал Барун был очень сложен, но Будиман, наш наик, оказался истинным вожаком!

Наши почтовые курьеры, симпатичные ребята Супа и Саркиман, тоже пришли с этим караваном, но из гораздо более дальнего места — из Биратнагара, куда самолет регулярно доставляет почту из Катманду. И однако, сегодня писем нет. Образцовые почтальоны совершили прогулочку в 24 дня (двенадцать туда и двенадцать обратно), чтобы убедиться, что в аэропорту корреспонденции нет. Вероятно, Бернар Сеги, который должен на днях прилететь на вертолете, взял на себя доставку почты. Но я легко представляю себе разочарование ребят: переправляться через бурные реки, десятки потоков, бежать весь день, спать ночью на краю дороги и вернуться не солоно хлебавши-это действительно слишком уж несправедливо.

В Базовом лагере вместе с Пари и Жаже находятся в настоящее время Франсуа Гийо и двенадцать шерпов. Пари пошлет их пробивать трассу до лагеря I. В этом Базовом лагере все сильно изменилось со времени нашего прихода. С 19 марта (вот уже более месяца!), когда на повороте ущелья Аруна, у подножия пика VI, появился перед нами во всем своем величии Макалу. От его основания к нам сбегала небольшая ложбина. Местоположение лагеря казалось чудесным: на склоне холма, немного выше потока, большой участок короткой, пожелтевшей

от зимних холодов травы, усеянной громадными скальными глыбами.

Сегодня трава и глыбы погребены под двумя метрами снега. Камни, закрывающие ледник вплоть до лагеря, совершенно не видны. Всю с таким трудом выполненную до настоящего дня работу приходится делать заново. Исчезли трассы, пробитые для того, чтобы шерпы могли совершать заброску грузов без нашего наблюдения, исчезли маркировочные вехи. Пришлось снимать палатки и вытряхивать из них снег, перед тем как их снова устанавливать. Пространства между камнями, заваленные снегом, превратились в капканы, а мирные окружающие склоны угрожают лавинами. Столько усилий, и все впустую! Нет, решительно этот мартышкин труд нам не по душе! В верхней части Ребра по крайней мере нам не придется иметь дело с такими неприятностями, Ребро слишком круто, чтобы на нем мог бы держаться снег.

По белоснежной поверхности ледника тысячью метрами ниже нас медленно ползет черная гусеница — колонна шерпов, усиленная несколькими носильщиками. На сверкающей белизне она вырисовывает темную нитку своего пути, останавливается, вновь трогается, извивается и затем на полдороге к лагерю I окончательно останавливается и поворачивает кругом. Снег слишком глубокий, и задача не по силам. Завтра, без сомнения, они снова примутся за работу, в то время как мы, отдохнувшие, покинем в свою очередь лагерь II для лагеря III. Пора готовить снаряжение.

28 апреля. Мы хорошо поспали. Сегодня настала пора для Мелле, Маршала и меня. Мы сменим в лагере III Моска, Пайо, Берардини и Параго, которые пойдут с четырьмя шерпами выше подыскивать место для лагеря IV. Увы! Помощи шерпов нам будет не хватать. Единственный в наличии Дава Тхондуп, брат Да Ноо, который был уже на Макалу, в 1955 г. с Жаном Франко. Он помощник повара, и его обязанность не носить грузы, а готовить пищу для всей команды. В действительности он окажется одним из лучших шерпов. При первой просьбе о помощи он покинет свой очаг и, взвалив груз, пойдет за нами. Позже он дойдет до лагеря V на высоте 7650 м.

По своей привычке я начинаю путь в очень быстром темпе. В действительности мне хотелось бы знать, оставил ли грипп какие-либо последствия или я полностью вошел в форму. Ответ дает время: 2 часа 50 минут от лагеря II (5800 м) до лагеря III (6500 м) при перепаде высот 700 м. Форма, следовательно, хороша. Поразительно, как может меняться длительность преодоления участков маршрута! Вначале требуется семь-восемь часов, затем

время уменьшается, чтобы дойти порой до 2 часов 15 минут или 2 часа 10 минут. Один и тот же восходитель на том же самом маршруте может показать время, изменяющееся в два раза, причем неизвестно, по какой причине. Что касается меня, я всегда отмечал свое время вовсе не из-за неуместного тщеславия, но чтобы проверять свое физическое состояние, свою форму. Чтобы себя успокоить? Да, наверное.

Я достигаю лагерь III до начала снегопада, который продолжается с полудня до четырнадцати часов. Быстро ныряю в палатку и грею воду для товарищей. Я голоден, однако все, что попадает на глаза, меня не соблазняет. Рыбные консервы? Сыр? Нет... Может быть, малиновый компот? Редкая штука, эта малина, попадающаяся лишь в одном рациионе из каждых пяти. Малина, малина... это, наверное, желание, подобное тем, которые испытывают беременные женщины... но надо вылезти из уютной палатки, бороться со снежными вихрями, копать в заваленном снегом складе припасов. Было бы слишком роскошно, если бы палатки были достаточно просторными, чтобы все вместить: альпинистское снаряжение, сотни метров веревок, горючее, рационы питания! Если бы еще эти склады прикрывались брезентом... Да нет, все полотнища уже использованы в лагерях I и II. К тому же при таком ветре, непрерывно сметающем все с гребня, никакие чехлы не выдержали бы. И во всяком случае крючья нужны больше, чем чехлы.

Сыр? Рыба? Малина? Тепло пухового мешка или холод и снег? Аскетическая мудрость или преступное наслаждение? Я знаю хорошо, что наверху, в верхних лагерях (куда мы доберемся, я в этом не сомневаюсь, несмотря на любые ветры и бури), когда один лишь вид тарелки пюре-мусса будет вызывать тошноту, когда во время последних атак ничто не полезет в рот, кроме огрызка ветчины, забытого на дне рюкзака, я буду горько сожалеть, что не смог удовлетворить свое чревоугодие. Да что уж там! Поживем-увидим. Капля водки в вечерний чай утопит эти сожаления. Для морального состояния, знаете, когда термометр спускается до минус тридцати, капля спирта — чудесный тоник. Она согревает, развязывает языки... Пошли, хватит колебаться. Малина действительно превосходна...

В разгар бури приходят Мелле и Маршаль, затем Параго, который не смог добраться до площадки, планируемой для лагеря IV. Он выбился из сил; это нетрудно понять, если вспомнить о заботах, непрерывно его атакующих, о непрерывном чувстве ответственности, так часто нарушающем его сон. Поручив своим товарищам продолжать подъем без него, он, однако, не стал терять времени даром. Спускаясь по навешенным веревкам, он

обматывал их липкой лентой во всех точках, где они терлись о скалы. Действительно, эластичные нейлоновые веревки удлиняются или укорачиваются, порой более чем на тридцать сантиметров, в зависимости от натяжения, создаваемого восходителями при подъеме на жумарах. Это непрерывное движение туда-обратно, когда оно происходит по скалам, вызывает износ оплетки, а иногда даже и сердцевины. Быстрота этого износа рождает у нас тревогу. Каждый из нас помнит гибель Джона Харлина на Северной стене Эйгера. Так же, как и мы, он поднимался на жумарах по навешенной веревке без страховки. Однажды веревка порвалась... Изношенная? Перерезанная камнем? Исход ясен.

Эта боязнь смертельной аварии, могущей поразить любого из нас, сагибов или шерпов, вследствие разрыва веревки, изношенной трением или разрубленной камнем, будет меня преследовать в течение всего восхождения. Конечно, гребень и Ребро не подвержены камнепадам, и гранит Макалу не образует острых пластин, характерных для некоторых сланцев. Тем не менее мы непрестанно проверяем наши веревки. Если нужно, на больших вертикальных участках взлета мы навесим две параллельные веревки. Тогда можно будет подниматься по одной и страховаться на другой с помощью грудной обвязки, а при возвращении использовать одну для спуска и другую для страховки. Таким образом, в случае разрыва одной из веревок, мы не будем падать на тридцать метров по вертикали вдоль второй веревки до точки закрепления. День клонится к вечеру, когда Берардини, Моска и Пайо возвращаются в лагерь III. С помощью своих шерпов они достигли 7100 м и организовали там крупный склад. Но они не могли все же добраться до того места, где на высоте примерно 7300 м скальное ребро выполаживается, переходя в снежный гребень, и где мы рассчитывали организовать лагерь IV. Таким образом, нам придется ночевать здесь всемером. Завтра Мелле, Маршалль и я с четырьмя шерпами попытаемся достичь этот снежный гребешок и, используя плоды тяжелой работы наших товарищей, установить там палатку. Тогда лагерь IV получит благодаря нашим объединенным усилиям свое действительное значение самого основного у подножия грозного взлета, сложнейшей загадки Ребра.

ОДИН НА ГРЕБНЕ

29 апреля. Сегодня небо ясное, к 8 часам 30 минутам солнце уже пригревает. Я иду первым, собирая по пути максимум снаряжения для обработки последующих участков ребра. Мелле и Маршалл вместе с шерпами идут за мной.

Я один. Я не могу ждать Бернара, который присоединится ко мне через два или два с половиной часа. Время слишком дорого! Если мы хотим успешно продвигаться, хотим уже сегодня найти место для лагеря IV, я должен при навешивании перил рассчитывать лишь на себя. Техника этого, дела несложная, проще, возможно, ее применять, чем описывать. Однако она различна для двойки и для одиночки.

В случае двойки восходители связаны, скажем, с интервалом в 40 м на двойной двухцветной веревке, какая применяется во всех альпинистских восхождениях. Идущий первым прикрепляет, кроме того, к поясу конец 120-метровой веревки, которая разматывается по мере его подъема. Второй наблюдает за ним и потихоньку «травит слабину» двойной веревки. Добравшись до удобного места, ведущий забивает страховочный крюк и вытягивает к себе всю третью веревку, за исключением последних 40 метров, которые закреплены вверху и внизу и составляют первый отрезок навешенных перил. По этому отрезку второй в связке, никого не ожидая, начинает подниматься на жюмарах, в то время как ведущий «проглатывает слабину» двойной веревки в соответствии с обычной техникой лазанья. Затем та же операция повторяется один раз, два раза... до полного использования 120-метровой веревки; теперь эта веревка навешена в виде трех 40-метровых секций с двумя промежуточными точками закрепления. О том, чтобы одним махом навесить 120-метровую веревку, не может быть и речи! Эластичный нейлон под весом одного или двух альпинистов удлинился бы по крайней мере на 2 метра, что чревато, без сомнения, неприятными последствиями. Особенно когда речь идет о тонкой веревке, так как в погоне за уменьшением веса мы применяем веревки диаметром 5,5 мм, 7-9 мм и очень редко 11 мм.

При подъеме «соло» поясная веревка бесполезна. К последнему крюку навешенной веревки восходец прикрепляет конец 120-метровой веревки, другой конец которой присоединяет к своему поясу. В рюкзаке за спиной второй моток. В пределах досягаемости рукой скальные крючья разных типов и размеров, карабины, молоток, а также снежные колья для закрепления на снегу. Снежный кол, разработанный экспедицией на Жанну в

1962 г., представляет собой рукоятку ледоруба длиной примерно 40 см, на одном конце которой острое, а на другом — металлическая головка и кольцо, в которое вставляют карабин с веревкой. Эта рукоятка ледоруба, кроме того, снабжена в верхней трети металлическими крылышками подобно ракете, что препятствует повороту кола под действием натяжения.

Нафаршированный, таким образом, различным снаряжением, восходителю поднимается на 30-40 м, забивает первый крюк; еще 30-40 м — второй крюк, и так, далее вплоть до полного разматывания веревки.

Вот эту технику я и буду применять сегодня, так как, повторяю, я один и слишком нетерпелив, чтобы дожидаться Бернара. Ледоруб и кошки прекрасно держат на снегу, и, если бы не одышка от высоты и приступы кашля, потрясающие меня при каждой остановке (ибо кашляют на остановках, а не во время движения), восхождение было бы просто сказкой!

Гребень великолепен. Да, я знаю, они всегда прекрасны, снежные гребни, дороги к небу, но этот гребень прекраснее всех. Он чудесен сам по себе, по своей структуре, по чистой линии переменных наклонов; южный склон отсвечивает зеленоватым цветом; на северной стороне он покоится на вертикальных скальных колоннах черного цвета, подчеркивающих его деликатную белизну. Прекрасен гребень и потому, что нам он представляется как пронизанная светом дорога к Ребру, воодушевляющая нас и ведущая к победе.

Здесь по-настоящему начинается наше Ребро. Я остановился на минуту, чтобы перевести дух, и смотрю во все глаза. Оно действительно такое, как мы видели, угадывали, предчувствовали по сотни раз изученным фотоснимкам, такое, каким я видел его во сне.

Эта зона скал со снегом, которую я преодолел по выходе из лагеря III, — это только нечто вроде цоколя; круто, конечно, но не вертикаль. Вертикальность берет разбег в конце снежного гребня, там, где этот гребень соединяется со скалами, где эти скалы одним взмахом устремляются к небу на протяжении 500м.

Сначала зона плит, по виду исключительно гладких, крутизна которых постепенно увеличивается. В общем не так уж круто, градусов пятьдесят, пожалуй. Затем цилиндрическая, абсолютно вертикальная башня высотой более 80 м, которую мы окрестили «свечкой», потому что она удивительно схожа с другой башней, ставшей знаменитой благодаря альпинистской прессе, свечкой центрального ребра Френей на Монблане. Над свечкой — головной убор из полосы нависающих скал.

Далее склон постепенно выполаживается. Несколько

фирновых участков приводят к юго-восточному гребню, пройденному впервые японской экспедицией в 1970 г. и называемому нами по этой причине японским гребнем. При выходе на этот гребень неизвестность кончается. Правда, есть там еще вертикальный взлет в сотню метров, без всякого сомнения, сложный. Но если японцы его прошли, почему мы не сможем? Но если... если... Давайте не будем забегать вперед!

Сначала Ребро! Право, на этой вершине все старается усилить впечатление непреодолимого стремления вверх: увеличивающаяся постепенно крутизна вплоть до большого предвершинного взлета; сближение восходящих и наклонных желобов, вырезанных эрозией на северо-западном и юго-восточном склонах; вогнутость этих склонов, на которых взор лихорадочно ищет новые необычайные маршруты.

Да, сначала — Ребро и особенно эта монументальная «косточка», ключ взлета — свечка. Гладкий цилиндр самой своей выпуклостью кажется отделяемым от стены. Столь гладкий, что мы предусмотрели среди нашего снаряжения шлямбурные крючья. Вот будет работенка, если докатимся до этого! Какой концерт на шлямбурах! У меня уже заранее руки болят... А вдобавок она явно нависает в своей верхней части, эта трижды проклятая свеча. Это, конечно, не столь явно выраженный карниз, как, например, на Гран Капуцине, но животик все же есть, голова у свечки больше туловища. Мы постараемся по возможности не штурмовать эти навесы в лоб. Конечно, современные восходители обожают трудности, но мы не дошли еще до того, чтобы искать сложнейшее в сложнейшем. Ну так как же, налево? Нет, безнадежно. Путь явно надо искать справа: сзади башни или еще правее, на этой маленькой юго-восточной грани или на второстепенном ребре, ограничивающем ее с юга. Это будет не так элегантно, но эффективность прежде всего... Увидим. Вернемся теперь к нашему гребню.

Сорок метров, снежный кол, и я начинаю снова; Трудный выжим на руках на двухметровую скальную стенку. Забиваю крючья. Дохожу до фигурного снежного образования, у подножия вертикальной ступени, похожей на жандарма. Закрепив веревку, исследую южный склон гребня. У основания ступени отслоение снежного склона создало настоящую подгорную трещину. Возможно, лагерь IV мог бы тут устроиться с большими удобствами, чем на самом гребне. Но я не убежден. Надо посмотреть повыше.

Жандарм сложен из породы красного цвета. Гнейс нижних склонов уступил место выше лагеря III слою гранита, который, по-видимому, тянется до конца большого взлета, примерно до

7900 м^[4]. Прочный гранит, очень похожий на гранит Игл Шамони, но с несколько более темными прожилками, какие можно встретить на Гран Капудине и на юго-западной стене Сиалуз в Дофинэ.

Правая сторона взлета нависает, левая пересечена вертикальным обледенелым кулуаром. Путь проходит здесь. Трудный, право, очень трудный. Я зря не снял рюкзак и оставил на себе снаряжение и веревку, которая тащится за мной. Этот вес тянет меня назад, на нависающую стенку. Вершина взлета наконец! Пока затихает бешеное сердцебиение, мне становится ясным, какой я идиот! Я ведь едва не сорвался. Почему не подождал Мелле? Сколько времени я потратил на этот участок? Пять минут? Два часа? Понятие времени здесь не такое, как в Альпах. Эта веревка, нужно ли было тянуть ее за собой? Нет... Да... Когда лагерь IV будет установлен, когда его нужно будет снабжать, когда шерпам, а наравне с ними и сагибам придется забрасывать туда грузы, веревка будет необходима А на спуске для усталых людей еще более. Дыхание никак не хочет войти в норму, сигарета поможет! Бернар вылезает на гребень 150 метрами ниже. А я все еще не нашел места для лагеря IV.

Снова снежный гребень. Он идет вверх и, превращаясь в исключительно крутой ледовый склон, упирается в скалу. Я сейчас точно у подножия главного взлета. Крутой лед, еще более крутые скалы, лагерь должен быть установлен ниже. Кругом марш! Забиваю ледовый крюк, прикрепляю перильную веревку, привязываю к ней все снаряжение, которое я тащил, и начинаю спуск.

На северной стороне гребня из склона выглядывает скала, внезапно пришедшая идея заставляет меня подойти к скале, и я начинаю копать снег лопаткой. Бернар присоединяется ко мне и помогает. Несколько движений... дыхание прерывается... стоп! Пробуем работать сидя. При этом усилия более рентабельны, так как жесты не такие размашистые; экономия сил здесь, на высоте 7350 м и при отсутствии кислорода, совершенно необходима. На Жанну, на Эвересте примерно на такой высоте альпинисты начинали использовать кислород. Что касается нас, мы, по правде говоря, этой потребности не ощущаем. Без сомнения, положительную роль сыграли трудности подходов, непрерывные хождения взад-вперед, подъемы на высоты более 4000 м с последующими спусками. Все это ускорило нашу акклиматизацию. Кто знает, может быть, через несколько лет, наученные опытом, альпинисты вообще не будут применять кислород, даже при очень сложных восхождениях, на очень больших высотах.

Соединенными усилиями мы вырываем ледяные глыбы, которые катятся по склону к обрыву северо-западной стены и совершают впечатляющий прыжок в 2000 м. В километре над нашими головами дымится вершина Макалу. Тибетский ветер. Завтра будет ясно, но в перспективе ужасный холод.

Площадка теперь устроена, готова для установки палатки, которую несет Маршал. А вот и он вместе с шерпами. Мгновенно снимаются грузы, и, не задерживаясь, люди начинают спуск. Если они хотят спать под крышей, им надо спускаться в лагерь III. Тяжелый день!

Палатка-хижина поставлена и прочно держится на расчалках. Устраиваемся покомфортабельнее и подводим итоги.

Сто пятьдесят метров выигранных по высоте, и наконец установлен лагерь IV. Мы сможем без особого труда дополнительно поставить еще две палатки, вырубив площадку в снежном склоне. Пусть северный ветер бушует, как ему заблагорассудится, мы довольны своей работой. Мы рады солнцу, лучи которого скользят по гребню на закате дня и нежно касаются нашей палатки. О! Только лишь несколько минут, пять, может быть. Сколько времени нужно на мимолетную ласку?

На вечерней связи Параго подтверждает, что Маршал добрался до лагеря III без приключений, хотя и очень усталый. Из Базового лагеря новости неважные. Клод Жаже по-прежнему чувствует себя плохо, и неожиданно разгорается оживленная дискуссия между Параго, Пари и мной.

— Панама, говорит Робер, — сделай ему уколы антибиотиков!

— Но он отказывается! Он убежден, что выздоровеет без всяких медикаментов. Я, право, не знаю, что делать!

— Ладно, делай, как хочешь, с меня хватит!

Я слишком дружен с Клодом, чтобы не вступиться:

— Скажи ему, Панама, что он обязательно должен поправиться. Скажи ему, что я в отчаянии видеть его больным, несчастным и все такое...

— Я устал повторять ему это. Ничего нельзя сделать.

— Настаивай, Панама, настаивай. Скажи ему, что он нам нужен, абсолютно нужен. Необходимо, чтобы он выздоровел, хотя бы для того, чтобы подняться в лагерь II и заняться хозяйством. И сделай ему укол, волей или неволей.

— Да, Яник, конечно. Но ты знаешь, он еще более упрям, чем ты, а это значит немало. Ну ладно, попробую еще. Буду держать тебя в курсе.

Бедный Клод, все это весьма печально для нас, конечно, но прежде всего для него самого. Как он должен мучиться!

Выключив связь, мы остаемся одни и устраиваемся на ночь. Но проблемы ребра гонят сон. Что нас ожидает? Гладкие стены, твердые плиты. Я вспоминаю столько раз читанные и перечитанные предсказания Бордэ, геолога экспедиции 1955 г.

«Большой взлет из чистого гранита, образованного, по-видимому, растрескиванием поверхности под действием низкой температуры. В скале должны быть местами вертикальные трещины, заполненные обычно зеркальным льдом. Это гомогенная скала, без слоистости, очень плотная». «Скалы очень плотные», «лед очень твердый»... Слова эти без конца вертятся в голове.

Ночь провели сравнительно хорошо, несмотря на ветер и наши заботы.

БЕРНАР, МОЙ ТОВАРИЩ

Лагерь IV. 30 апреля.

Сегодня, как обычно, просыпаемся в 6 часов. По очереди одеваемся. Завтрак-возможно более плотный, в той мере, в какой мы можем проглотить что-либо, кроме жидкостей. Радиосвязь в 8 часов, выход назначен на 8 часов 30 минут.

На наши плечи ложится тяжкая ответственность. Действительно, от того, как мы начнем штурмовать взлет, зависит успех или неудача экспедиции. Сегодня уже 30 апреля, и мы не имеем права терять ни одного дня. Если мы не находим правильного пути-поражение. Если плохая погода задержит наше продвижение-также поражение; если препятствия будут слишком сложные, чтобы позволить быстрое продвижение,- опять-таки поражение.

В 8 часов связь приносит хорошую новость. Вертолет только что доставил в Базовый лагерь французского журналиста Патрика Клемана, а главное-Робера Жакоба, возвратившегося из Катманду почти в полном здравии. Завтра наступит очередь для остальной части команды прессы: Жан-Пьера Янсена и Рожэ Матюрена, а также журналиста «Фигаро» Жана Крейзе. Вертолет забросит из базы в лагерь II почту и свежие продукты. Прекрасная возможность для Пари «заброситься» так же и тем выиграть время.

Прибытие этой группы в Базовый лагерь является для нас стимулирующим фактором. Они верят в нас, мы не должны их разочаровывать. Ежедневно надо максимально обрабатывать путь, метр за метром грызть эти плиты и навесы. Успех в наших руках.

Настала минута облачаться в высотную одежду и запастись снаряжением. Операция, повторяющаяся каждый день и каждый день такая же сложная. Действительно, палатки-хижины слишком тесны для этого. На морозе с пронизывающим ветром зашнуровывать голыми руками ботинки, надевать кошки, какая каторга! Каждый раз пальцы колет, как иголками, каждый раз от боли наворачиваются слезы. Ох уж эти радости альпинизма!

Кроме того, чтобы двигаться вперед, требуется снаряжение. То, что я оставил вчера у верхнего конца последней навешенной веревки, недостаточно. У нас нет другого выхода, как возвратиться к складу, оставленному Пайо и Моска пять дней назад, то есть к той точке, где я в одиночку начал обработку пути. За полчаса мы туда спускаемся. Очень холодно, ноги мерзнут. Теперь нам понадобятся еще два часа, чтобы, не останавливаясь в лагере, добраться до верхнего конца перильной веревки.

В ледяном утреннем свете взлет производит отталкивающее впечатление. Я траверсирую вправо по ледяному склону, затем по довольно трудным скалам. Смутно проглядывается кулуар, по которому, кажется, можно подняться, и я лезу в этом направлении. Меня не покидает беспокойство, так как я боюсь совершить ту же ошибку, что и мои товарищи перед бурей, когда они над лагерем III пошли налево. Тогда они потеряли несколько дней, чтобы вернуться и пойти направо. Между прочим, не так уж уверен, что в этом, скажем, неприятном инциденте добрая доля ответственности не падает на меня! Если я сейчас ошибусь, еще несколько дней задержки прибавятся к моему пассиву.

Однако я угадываю лазейку, и в конце концов нам удастся подняться на неплохую высоту: 100-150 м перепада, 210 м навешенной веревки, отметка примерно 7500 м — мы проделали хорошую работу.

Работу? Почему мы применяем здесь термин «работа»? Это слово, которое я никогда не использую, говоря о моих восхождениях в Альпах, а я ведь профессиональный гид! Снова эта мысль лезет в голову. Удовольствие от восхождения, радость подъема по скалам с товарищем-все это стало трудом? Неужели я осужден чувствовать на этой вершине лишь эпизодический восторг, не получая наслаждения от самого лазанья? Познавать лишь чувство хорошо сделанной работы вместо прежнего ликования? Работы бесплатной, естественно, так как мы все здесь любители. Единственной оплатой, если мы «сделаем» вершину, будет радость победы, а если мы потерпим неудачу, счастье от волнующих часов, пережитых с друзьями. Мы далеки от погони за обманчивой славой или рекламой.

Спускаемся на бивак в лагерь IV. Впервые мы так долго остаемся на подобной высоте. Два дня и две ночи, без кислорода, выше 7350 м. Мы сталкиваемся с новой проблемой. Будут ли у нас завтра силы для продолжения обработки пути (опять работа!) или нам придется в полном изнеможении, шатаясь, спускаться?

Лагерь IV, 1 мая. Праздник труда! Мы неплохо выспались, так как ветер был значительно слабее, чем в предыдущую ночь. Мы хорошо отдохнули, настроение бодрое. Как и вчера, спускаемся к складу за снаряжением, затем вновь поднимаемся и добираемся до наивысшей достигнутой ранее точки.

Перед нами появляются великолепные плиты. Бернар просит пустить его первым, и я с удовольствием принимаю на себя сегодня скромную и неблагодарную роль второго в связке. Действительно, если в Альпах роль лидера и ведомого отличается мало, в Гималаях дело обстоит иначе. Пока ведущий лезет с

рюкзачком в 10-12 килограммов, второй зачастую прогуливается с 22 килограммами на спине. По мере подъема ноша ведущего уменьшается, так как он бьет крючья и навешивает веревку, у второго груз почти нетронутый. Пока Бернар, сняв кошки, видимо, наслаждается на этих плитах, я думаю о том, что он, право, идеальный ведомый. Всегда стремящийся нагрузиться до максимума, чтобы облегчить своего лидера; безропотно выносящий бесконечные ожидания, когда постепенно превращаешься в ледышку, в то время как первый согревается работой. Был бы я столь же терпеливым на его месте? Может быть, я немного эгоист? Конечно, эти длительные ожидания дают время для размышлений, чем я сейчас и занят, по какая слабая компенсация!

Самое главное-это хорошее взаимопонимание, а между Бернаром и мной оно поразительно, тем более что я с ним познакомился лишь за месяц до отъезда экспедиции и это наше первое совместное восхождение. Между прочим, я не могу себе представить, как можно полностью оценить глубокие радости, рождаемые альпинизмом, кроме тех, что носят исключительно физический, скажем, спортивный характер, без такого взаимопонимания. Я не способен совершать восхождения с первым попавшимся, даже если он обладает хорошей техникой. Я могу лазать лишь с людьми, которые мне нравятся, которых я понимаю и которые понимают меня. Таков именно Мелле; таков в еще большей степени Люсьен Берардини, мой товарищ, мой друг по Уаскарану. Наши с ним отношения-это не просто отношения между альпинистами, между людьми действия, это общность на всех этапах жизни.

Такова дружба двух товарищей по связке, выражающаяся как в жестах, кажущихся на первый взгляд несущественными, так и в решающих моментах действия. Дружба, которая заставляет вас освобождать товарища от скучных ежедневных обязанностей. «Я сделаю... Нет, я... Давай я займусь готовкой...» Не нужно даже ничего говорить. Драгоценная дружба, которая облегчает любую тяжелую работу, ибо экспедиция-это не только удовольствие, это также тяжелые работы, повседневная жизнь, все то, в результате чего горы больше, чем спорт, это образ совместной жизни. Именно по этой причине «сходимость» в связках, а следовательно, согласие между членами команды, имеет в экспедициях такое большое значение. Мы не являемся исключением из правил. И нам здорово повезло, что после неизбежной «притирки» на старте, несущественных столкновений некоторых характеров мы пришли теперь к такому хорошему согласию. Повезло также и мне, что, будучи разлученным с Люсьеном Берардини обстоятельствами

восхождения и нашими обязанностями, я встретил в лице Бернара Мелле желанного друга.

Пока я философствую, Бернар равномерно преодолевает плиты. Далеко внизу к лагерю III поднимается колонна. Делаю несколько снимков. И вот наступает минута, когда приходится остановиться, так как снаряжение кончилось; в частности, нет более угловых крючьев, необходимых для широких трещин. Ну что же, кругом! Без сожаления, так как за эти два дня мы сделали большой шаг вперед.

Мы прошли первую треть большого красного взлета, а главное, из верхней достигнутой нами на плитах точки мы смогли увидеть возможность преодоления свечки, подавляющей нас своей высотой. Нам показалось, в самом деле, что за правым склоном башни прячется нечто вроде желоба, по которому можно будет подняться свободным лазаньем, следовательно, сэкономить силы и выиграть время. Кроме того, теперь нам стало ясно, что мы полностью акклиматизировались.

Чем больше я думаю, тем больше убеждаюсь, что трудности подходов, потерянное (или считавшееся нами потерянным) время сослужили большую пользу для нашей акклиматизации. Такая постепенная акклиматизация является в экспедициях наиболее важным фактором, от которого в конечном итоге зависит успех или неудача.

Опыт предыдущих экспедиций выработал целесообразную методику. Вначале, до 3000-4500 м, подъем должен быть равномерным. Затем, начиная с этой высоты, применяется так называемая тактика «зубьев пилы»^[5], которую можно кратко охарактеризовать следующим образом: каждый раз, как восходитель достигает некоторой высоты, он должен обязательно спуститься возможно ниже. Именно чередование таких пиков по высоте и отдыха на более низких высотах улучшает физиологическое состояние и позволяет при каждом новом подъеме достигать большей высоты и пребывать на ней более длительное время. Действительно, во время подходов мы равномерно поднялись от отметки 400 м (Тумлингтар) до отметки 2500 м (Бунгин). Начиная с этого места, из-за отказа 300 носильщиков идти с нами дальше мы были вынуждены делать последовательные «челноки», которые и явились «зубьями пилы».

Устроившись в Базовом лагере на высоте 4800 м, экспедиция 1955 г. была вынуждена для акклиматизации тренироваться в течение двух недель на окрестных вершинах. Из того же Базового лагеря наша команда, к тому времени уже акклиматизированная, смогла немедленно развернуть организацию лагерей I и II на высотах 5300 и 5800 м. Сегодня мы с Бернаром с рюкзаками за

спиной на высоте 7500 м преодолели участки четвертой и пятой категории трудности, причем «пыхтели» ненамного больше, чем в Альпах. Правда, эта скала, великолепный прочный красный гранит, вызывает доверие. Маленькие явно выраженные зацепки очень удобны, так же как трещины, свободные ото льда.

Раскинув руки в стороны (согласно хорошо усвоенной технике), мы скользим по перилам. В лагере IV мы встречаем только что пришедших Пайо, Моска и Берардини. Лагерь III. Я выпиваю чашку чаю. Мелле, уставший, остается здесь. Я предпочитаю спуститься до лагеря II, где я лучше смогу отдохнуть. Меня встречает Робер Параго; доволен, вижу по глазам, достижениями сегодняшнего дня. Симпатичный Робер, который так хорошо умеет выразить вам благодарность, не говоря спасибо, всем управлять, ни во что как будто не вмешиваясь, не повышая никогда голоса, сглаживать все трудности и легко поддерживать атмосферу доверия, обеспечивающую успех экспедиций. Один лишь господь может оценить, сколь велика его заслуга. Она выражается в непрестанных днем и ночью заботах (которые мы хорошо понимаем, хотя ни слова об этом не говорим), в остром чувстве ответственности, характеризующем истинного руководителя, и от которой я, простой член экспедиции, к моей великой радости, освобожден!

Достигнутая сегодня высота и ожидающие нас новые препятствия показывают, что вскоре нам придется обратиться к кислороду. Пока мы готовим редукторы и маски, Параго сообщает нам последние новости экспедиции.

— Представляешь, когда шерпы сегодня ушли в лагерь III, недурные открылись сюрпризы! Я обнаружил, что вместо нормального веса рюкзаков в 15-18 кг на деле было не более 6! А мы, сагибы, волокли 10-12! Третий раз я в Гималаях, и я не узнаю людей. Какая разница с нашими шерпами на Жанну!

— Чем ты объясняешь эту разницу?

— Я думаю, что это вопрос происхождения и в конце концов политики.

— Политики?..

— Ну да! Те, на Жанну, были из Дарджилинга, из Индии. Есть крупные селения шерпов, например Соло Кхумба в Непале.

— Наши тоже из Соло Кхумба, ты прекрасно знаешь сам но у них нет опыта!

— Непальцы, в самом деле. Я это знаю, и я не забыл, какие, напасти нам пришлось пережить, когда Пари и я, приехав сюда в январе в качестве передовой группы, устанавливали контакты с непальскими властями, устраивали всякие административные и таможенные дела и одновременно вербовали шерпов. Непальское королевство, чтобы содействовать занятию своего населения, запрещает нанимать шерпов где бы то ни было, кроме Намче-базара и ущелий Соло Кхумбу. Для нас не может быть и речи о том, чтобы черпать свои кадры из района Дарджилинга, откуда вышли знаменитые Тенсинги, Вонгди и Гяльцены, или из питомцев высокогорной школы, снабжающей инструкторами индийскую армию.

— Ты считаешь, Робер, что такое ухудшение непоправимо?

— Вот не знаю. Англичане уже с первых попыток покорения Эвереста начали обучать шерпов из Дарджилинга. Конечно, никак нельзя сравнить наших ребят с истронгменами Меллори и Нортон.

— Истронгмены?

— Ну, стронгмены^[6], если хочешь; но ты ведь знаешь, что три согласные подряд в начале слова-это слишком для тибетца.

Взгляни на нашего сирдара — жалкий вид, не правда ли? Как подумаешь о сирдаре Наванг Гамбу, единственном человеке на земном шаре, который был дважды на Эвересте, один раз с индийцами и второй — с американской экспедицией Диренфурта

в 1963 г. Ты можешь себе представить, что среди наших есть такие, что не могут подняться выше 6400 м^[7]?

— Согласен. Но может быть, это не только их вина. В какой-то мере ответственны и экспедиции. Сколько в этом году экспедиций в Гималаях? Восемнадцать, из них десятков японских. А японцы, ты ведь знаешь!

— Еще как! Если бы они хоть нанимали одних и тех же из года в год! Но они их портят, буквально развращают своими безделушками и всяким хламом. У какого шерпа нет теперь японских часов? Между прочим, японцев можно понять. Им шерпы нужны позарез, так как не все их экспедиции одинаково квалифицированы, куда там! Каждый университет, каждое крупное предприятие имеет свою альпинистскую секцию и организует собственную экспедицию. Наиболее крупные действительно сильны, но другие, мелкие... Ты помнишь, что я однажды сказал сирдару во время подходов? Не успели мы выйти, как начались требования: «А! Японцы нам давали то, давали сё...» В конце концов разозлишься, слушая ежеминутно такие причитания. Особенно когда больше требует, чем дают. Я не против требований, когда они оправданны и когда парень действительно кое-чего стоит. Но здесь уж нет, прошу прощения! Вспомни, что я ему сказал: «Послушайте! Японцы дают вам то, японцы дают вам это. У нас во всяком случае вы получаете абсолютно то же, что и мы, мы не можем дать вам больше. К тому же я должен заметить, что имеются правила Гималайского общества, где четко сказано, что шерпов следует обеспечивать одеждой и снаряжением так-то и так-то, давать им мясо три раза в неделю и т. п. Мы же, всегда были более щедрыми. Так вот, я не вижу, почему вы должны сравнивать нас с японцами. И вы знаете не хуже меня, сколько шерпов погибло в японских экспедициях, в то время как французские экспедиции всегда приводили всех шерпов обратно в Катманду. Так что выбирайте: японцы и часы или мы и жизнь».

— Это точно. Когда мы с Панамой вербовали наших ребят, японцы создали нам дьявольские препятствия. Помнишь, как Панама писал тебе из Катманду: «Японцы своими подарками испортили всех шерпов. Тебе надо привезти кило или два часов...» И международная экспедиция Диренфурта на южную стену Эвереста ничего не изменила. Джимми Робертс, который занимался для нее вербовкой, обладал тем преимуществом, что он местный житель и был в контакте с наилучшими шерпами в течение всего года. Нам же пришлось довольствоваться остатками с его стола!

— Ну и вот! Пред нами молодцы, которые знают, что

экспедиции вынуждены их нанимать, что у них всегда, ежегодно будет работа вне зависимости, будут ли они что-нибудь делать или нет. Я не хотел бы быть обвинен в колониализме, но неужели ты думаешь, что в этих условиях они могут сохранить свою преданность, свою строгую дисциплину прежних времен? Прошло то время, когда шерпы жертвовали жизнью за своих сагибов... Меркль и Вельценбах на Нангапарбат... К счастью, для нашего Ребра у нас все же есть кое-кто достойный: хотя бы Анг Темба и Пема, если ограничиться лишь этими двумя феноменами!

— Нет, Робер, я слишком хорошо тебя знаю, чтобы обвинить в колониализме. Просто ты мыслишь трезво и понимаешь, что наша западная цивилизация принесла Непалу и народу шерпов не одни лишь благодаяния. Ты колониалист? Такой упрек можно было бы в шутку адресовать кое-кому из товарищей, кто немного резковато подталкивал медлительных, по его мнению, носильщиков и кого ты деликатно научил более объективной точке зрения на обстоятельства и на людей. И я не забыл анекдот, который ты рассказал, повествуя о твоей экспедиции на Жанну в 1959 г., и который очень наглядно выражает всю глубину твоей натуры.

— На Жанну, Яник? Ах, да, это было во время подходов после первого этапа. Я вышел из деревни Дхаранбазар последним. Когда я прибыл в первый лагерь, выделенный для меня шерп вышел ко мне навстречу. Я решил, что он просто хочет похлопать меня по плечу, говоря: «Привет, как дела?» Но когда я увидел, что он встал на четвереньки, чтобы расшнуровать мне ботинки, я просто обалдел; я попятился и, видимо, его обидел. Тогда, поскольку я не говорил на его языке, я попытался мимикой дать ему понять, что я вовсе не собирался его обидеть, но что я также не хочу сделать из него раба. Ты поймешь мою реакцию, Яник. Ты можешь себе представить, как я, с моим скромным происхождением, чувствовал себя, столкнувшись с таким раболепием! Я говорил себе: это невозможно, нужно развивать этих людей. И мы прекрасно ладили друг с другом, сагибы и шерпы, без всяких затруднений. Мы обращались с ними как с равными: они были одеты, как мы, питались, как мы, жили, как мы. Мы знали, что будем им платить; они работали по найму. Ну и что же? Во время этих двух экспедиций на Жанну, в 1959 и 1962 гг., я действительно был счастлив, потому что встретился со счастливыми людьми. Не только с шерпами, но и с жителями затерянных селений верхних ущелий на границе с Тибетом, которые жили, как в средних веках (это сравнение ничуть не пренебрежительно), но умели наблюдать, как растет трава, слушать, как поют птицы и журчит на камнях речка. Мне хотелось

жить с этими людьми, я был по-настоящему счастлив. Настоящий Непал — это не только Катманду! Это уединенные селения, которые есть и сейчас. Чтобы добраться до них, нужно идти три недели. Много ли ты знаешь представителей цивилизации, которые не отступят перед тремя неделями подходов? У них нет времени и, конечно, нет смелости.

— Но мы далеко отошли от японцев и лишь немного продвинулись в подготовке кислородной аппаратуры! Однако в сущности мы, может быть, слишком пессимистичны. Среди восемнадцати наших шерпов есть, конечно, безнадежные лентяи. Но есть пять или шесть, которые, набравшись опыта, станут прекрасными профессионалами и двое, Анг Темба и Нема, которые пойдут далеко и высоко. Кроме того, не исключены приятные сюрпризы. Например, мой шерп Аула, который никогда не был носильщиком в экспедиции (он тибетец), никогда не видел в глаза пары кошек и который лазает теперь, как квалифицированный альпинист! Так пусть народ шерпов осознает стоящую перед ним проблему; пусть в Соло Кхумбу будет создана высокогорная школа, столь же эффективная, как и школа в Дарджилинге; пусть наиболее развитые станут во главе организованного движения, профсоюза, почему нет? И пусть правительство также обратит внимание на судьбу народа шерпов, не считаясь с этническими различиями и представительством в парламенте.

— Но все это рассуждения высокой политики. Я хочу забыть эти мелкие раздражающие кражи; эти банки консервов, утащенные из запасов экспедиции (не нашей, спешу подчеркнуть!) и продаваемые в магазинах Катманду до того еще, как экспедиция покинула город! Я хочу думать лишь о поразительных физических достоинствах шерпов, об их выносливости, об их могучих легких, о мускулистых ногах.

— Пойдем спать, Робер. Оставь эти маски и редуторы. Вспомним Перу в 1966 г. С преданностью наших носильщиков могла сравниться лишь их неумелость, и ты повторял без конца: «Вот увидишь, когда ты узнаешь шерпов!» Я увидел, и я их не узнаю.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Лагерь II, 2 мая.

Сегодня для меня день отдыха, в ожидании подъема в высотные лагеря. В среднем мы располагаем днем отдыха каждые 5 дней. Для усталых людей после длительной ожесточенной работы выше 7000 м день отдыха и восстановления сил в лагере II, на 5900 м, — это истинная благодать. Этот день позволяет прежде всего несколько ослабить вредное влияние пребывания на высоте и отдохнуть психологически и, во-вторых, получить более качественное, а главное, приготовленное не нами питание.

Этот психологический отдых не менее важен, по-моему, чем чисто физический. В процессе восхождения нервное напряжение почти не знает перерывов: после отвесных стен, карнизов, микроскопических трещин, бездонных пропастей, где тщетно пытаешься зацепиться за что-нибудь взглядом, как приятно постоять на площадке, отдохнуть глазам на плоской поверхности, положить очки где попало рядом с собой! Как успокаивающе действует сознание, что твои перчатки не могут безнаказанно выскользнуть из кармана; как хорошо не следить ежеминутно за тем, чтобы все было крепко привязано, надежно закреплено. Как радостно снова встретиться с друзьями, видеть лица, не омраченные заботой; играть в карты, спокойно беседовать. Спокойно сидеть на стуле и обедать, как все, в полдень, вместо того, чтобы проглотить что попало, где попало, в неудобном положении, а то и вообще ничего не есть из-за недостатка времени.

Даже простое пребывание в палатке, особенно в высотных лагерях, содействует отдыху необыкновенным образом. Чувствуешь себя укрытым, защищенным, освобожденным от этого неотвязного вертикального мира. Это ощущение, которое мне неоднократно приходилось испытывать в Альпах. Сорвавшаяся с цепи непогода, сильнейший ветер, снегопад уже не волнуют меня. В палатке я спокоен, я живу в своем собственном мире. Тогда как ночевка на стене под чистым небом всегда связана с некоторым нервным напряжением, даже когда погода прекрасна и тем более когда на вас падает снег, хотя вы и одеты достаточно тепло. Если когда-нибудь при покорении больших скальных стен будут применять ночевки в гамаках, нужно будет изобрести закрытые гамаки, которые были бы для восходителей закрытым миром, принадлежащим ему и только ему.

Что касается еды, то с незапамятных времен известно ее первостепенное значение! Здесь, в лагере II, в отсутствии шеф-

повара Анг Намгиала, который священнодействует в лагере I, кухонная палатка — царство шерпа-повара Дава Тхондуп. Конечно, он не виртуоз, но хорошо натренирован Клодом Жаже, нашим гурманом. С помощью симпатичного Паги (или Пагавы), которого мы научили, что вода служит также и для умывания, он мастерит вполне приемлимые обеды. Ох, эти кухонные запахи в лагере II, когда спускаешься с высоты! Эта палатка-столовая, какие райские ароматы! Символы спокойной жизни, нормальной жизни.

Тематика запахов — одна из наиболее популярных в наших гималайских буднях. Мне кажется, что никогда в горах я не ощущал ароматы с такой остротой. Может быть, мое обоняние обострено? Или эти запахи сильнее воспринимаются, потому что высокогорный мир не имеет собственных запахов?

Ароматы пищи в целом соблазнительны, однако некоторые не очень. Представьте себе тунец или сардины, замороженные насквозь, которые необходимо разогреть перед едой. Палатка не скоро освобождается от запаха горячих сардин. А если прибавить запах мокрой одежды, влажных пуховых курток, то получается занятный коктейль! Я уж не говорю о запахах, скажем, естественных: Высота в этом отношении ничего не меняет, наоборот! Эти вопросы, сколь земными они ни казались бы, мы неизбежно должны решать.

На свежем воздухе тоже есть запахи. Запах плохо вымытых тел. На высоте люди не моются. Мытье — это только в Базовом лагере. Между прочим, истинное наслаждение! В лагере II зубы, руки, слегка лицо — и не больше. Шерпы практически не моются никогда (так же, как и носильщики).

...Горный ветер. Ледяной и все же желанный. Я поворачиваю к нему лицо, как только вынырываю из наполненной ночными испарениями палатки. Сегодня мы должны встать пораньше, слишком рано для выходного дня, так как в базовый лагерь должен прилететь вертолет и, если удастся, он поднимется до лагеря II. Вертолет вылетает из Катманду в 6 часов и к 7 добирается до нашего ущелья. Учитывая возможность посадки здесь, я поднимаюсь до платформы в сотне метров от палаток, которая служит посадочной площадкой, — слегка наклоненное плечо гребня у подножия снежного склона, на котором мы навесили первую веревку. Короткий подъем служит хорошей проверкой, так как мы преодолеваем его бегом, и каждый по тому, насколько он запыхался, может судить о своей форме.

Ветер яростный, не менее 70 километров в час. Ветер с Тибетского нагорья всегда очень сильный. Параго, поднимающийся ко мне, сгибается под его порывами. Боюсь, что

ему придется возвращаться в Базовый лагерь пешком, так как посадка вертолета в этих условиях была бы настоящим подвигом. Платформа, к счастью, открытая; и благодаря скальной стене, по северному склону которой проходит гребень, вертолет в стационарном полете может в любой момент нырнуть вниз по склону.

Надо заметить, Бернар Сеги — прекрасный пилот. Мы хорошо знаем горы и их предательскую натуру, и мы тем более ценим мастерство Бернара, что он, прежде чем приехать в Непал для пилотирования королевского вертолета, абсолютно ничего не знал о полетах в горах. Перейти сразу от песчаной пустыни Саудовской Аравии к Гималаям, согласитесь, это удивительно! Другие начинали бы в Шартрез или Веркоре! Между прочим, Сеги со спокойной уверенностью утверждает, что в десять раз труднее перевозить на тросе мачту или часть крана, даже над абсолютно плоской равниной, но без ориентиров, чем совершать посадку на гребень Макалу, несмотря на ветер. Несмотря также на высоту, так как впервые в мире этот серийный вертолет нормально работает между 5000 и 6000 м с лишком.

Мы ждем и волнуемся. Этот вертолет-единственная связь с внешним миром. Мы здесь-на другой планете, живем иной жизнью. Только вертолет напоминает нам вместе с почтой, что тот, другой мир, покинутый так давно, еще существует.

Сперва мы слышим, а потом уже видим крошечную белую точку, почти неразличимую на белизне ледников. Спрашивается, зачем король Непала выбрал этот белоснежный цвет для своего вертолета, а не красный или темно-синий, как у других вертолетов? Его легче было бы отыскать в случае аварии. Может быть, белый — это королевский цвет? Или просто вертолет предназначен не для гор, а для полетов над болотистыми джунглями тарайя, где король охотится на тигров, или над высокими желто-рыжими плато вокруг Катманду? Король сдает в аренду свой аппарат для административных дел министерству здравоохранения в случае эпидемии оспы или министерству внутренних дел для сбора избирательных бюллетеней в отдаленных селениях.

Вот он подходит. По-видимому, пытается повиснуть на месте. Дым от моего факела уходит по горизонтали и рассеивается в пяти метрах от меня. Машина приближается, медленно теряет высоту, как большое неуклюжее насекомое, качается под яростными порывами ветра и садится на опору. Пока Бернар весь внимание, следит краем глаза за маневрами, готовый в любой момент взлететь, мы в темпе выгружаем ящики и тюки. Янсен, кинооператор, снимает в восторге нашу работу (позднее мы с

удовольствием видим, как он, никогда не бывавший в горах, поднимется пешком, чтобы пробыть с нами несколько дней). Параго врывается в машину, и, пока я цепляюсь за привезенные грузы, чтобы их не сдуло в пропасть, стрекоза срывается с пронзительным мяуканьем турбины, ныряет вниз по северному склону гребня и исчезает.

Шерп помогает мне спустить снаряжение, почту, свежие продукты. Братцы, есть салат! Другие овощи, фрукты, свежие яйца, присланные нам Берпаром Сула, французским врачом госпиталя в Катманду. И наконец, харч богов — мороженная говядина, прибывшая из Сингапура при содействии Мишеля, французского шеф-повара Содт-отеля. Кстати, о сингапурской говядине. Стоит рассказать эту историю, так как она иллюстрирует довольно комичным образом несоразмерное место, которое занимают в нашей повседневной жизни вопросы питания.

Во время нашего пребывания в Катманду мы часто завтракали или обедали в Солт-отеле и весьма высоко ценили сингапурскую говядину в приготовлении Мишеля. Поэтому Бернар Сеги каждый раз забирал в отеле перед своим отлетом некое количество мяса и привозил его нам в Базовый лагерь, а то и в лагерь II. Дело заключается в том, что замороженное мясо в процессе перевозки принимало, естественно, нормальную температуру и через пару дней начинало благоухать и становилось несъедобным. Приходилось, следовательно, уничтожать его за два дня. Ребята, находившиеся в лагере II, питались говядиной два дня; те, кто приходил на следующий день после прилета вертолета, еще могли поживиться. Но восходителям верхних лагерей ничего не доставалось. Короче говоря, чтобы полакомиться бефом а-ля Шатобриан, надо было быть «в фазе» с вертолетом. Таким образом, за все пять или шесть полетов только четверо или пятеро ребят (в том числе, к счастью, и я) смогли насладиться сингапурской говядиной.

Это, однако, не помешало нам к концу экспедиции выглядеть скелетами, хотя мы никогда не страдали по-настоящему от голода. Моясь в Базовом лагере в бане, я обнаружил, что растаяли не только жировые ткани, но и сами мускулы: худые руки и ноги, узловатые суставы — настоящий выходец из Бухенвальда! В свете этого опыта и учитывая исключительную важность питания и снабжения, встает вопрос: не рационально ли в экспедиции иметь лицо, занимающееся интендантской службой и оставляющее восходителям только вопросы, касающиеся организации лагерей и чистого лазанья. Хорошего, методичного организатора, авторитетного и инициативного. Работа начальника экспедиции и его заботы (не правда ли, Робер?) были бы здорово облегчены!

Поскольку я размышляю на тему о структуре экспедиции и о специализации, мне приходит в голову мысль: не лучше было бы, если бы врач ограничивался своими медицинскими делами? Да простит мне мой друг Маршал! Создается впечатление, что я невысоко ценю его талант восходителя и тот вклад, который он внес в заброске и организации лагерей. Конечно, операция флегмоны горла у Жакоба, проведенная под общим наркозом в Базовом лагере, была необходимой. Однако наряду с частями тела, которые надо отрезать или чинить, бытует также головная боль или воспаленное горло. Пустяки, конечно, но для усталых восходителей они принимают несоразмерное значение. Хирург, естественно, имеет тенденцию считать их несущественными. Идеально было бы иметь хирурга и терапевта. Но может быть, я витаю в небесах?

ШАБАШ ВЫСОТЫ

Лагерь II, 2 мая. Весь день не прекращалась между палатками разнузданная пляска ветра. Мы с беспокойством думаем о том, не заблокировал ли ветер наших товарищей в лагере IV. День клонится к вечеру, когда появляется Берардини, принесший великолепные новости. Пайо, Моска и он практически покорили Свечу по «пути, идущему справа от башни, о котором мы с Мелле догадывались. Они выиграли почти по вертикали 140 м высоты и навесили 140 м веревок. Мы хорошо знаем эти места и потому правильно оцениваем этот сенсационный подвиг. Может быть, благодаря им начинает приоткрываться дверь к вершине?

Берардини спустился сюда для ночевки. Пайо и Моска остались в лагере IV. Пари и Гийо, поднявшиеся вчера из II в III лагерь, должны были к ним присоединиться. Завтра, приняв эстафету, они попытаются продвинуться повыше в соответствии с техникой, систематически применяемой нами с самого начала. Действительно, в каждом лагере (II, III и IV) связка восходителей ожидает своей очереди. Когда передняя связка, проработав день или два, кончает обработку части пути, другая связка поднимается из нижележащего лагеря для замены. Пока первая связка спускается для отдыха в лагерь II, все связки на местах поднимаются до следующего лагеря. Такой темп может показаться медленным. В самом деле мы могли бы подниматься сразу через лагерь, раз мы проходим теперь путь от одного лагеря до следующего за два с половиной часа. Но нельзя забывать о тяжело нагруженных шерпах и о проблемах снабжения.

Такой способ продвижения имеет существенную особенность, которая могла бы вызвать некоторые психологические затруднения, если бы не прочное чувство товарищества между восходителями: мы не можем знать, кто пойдет на вершину первым.

Действительно, если и придет день, когда мы будем в нескольких сотнях метров от вершины, то мы совершенно не знаем, какая связка будет в это время на месте для решающего штурма. Каждый, естественно, даже если ничто об этом и не говорит, страстно желает подняться на вершину. Но будет ли он там в первый день, во второй или третий, какая разница? Так или иначе, если первая попытка сорвется, будет вторая, затем третья, затем четвертая; затем первая связка вновь возьмется за дело. Первовосхождение требует титанического труда, и это работа команды, завершающаяся успехом одной, двух или трех связок... если позволит время. Могло создаться впечатление, что в той или

иной из недавних экспедиций были люди, которые ждали своего часа, берегли себя, проводили восхождение таким образом, чтобы в решающий день оказаться в нужном месте и взойти на вершину первыми. Наша цель слишком грандиозна, слишком сложна, чтобы кто-нибудь из нас мог думать о том, чтобы беречь себя и ставить низко эгоистические цели выше общего интереса экспедиции. Констатация такого положения одновременно ободряет и успокаивает, помогая спокойно спать.

Лагерь II. Лагерь III, 3 мая. Бернар Мелле спустился вчера из лагеря III для краткого полудневного отдыха. Как всегда, тактика «зубьев пилы». Сегодня мы пойдем вверх вместе. Я иду первым, он следует за мной с шестью шерпами. Ветер не прекращается. Смогли ли наши товарищи выйти из лагеря IV? В полдень снова идет снег, но к 16 часам светлеет.

На связи в 17 часов Пари отчитывается о дневной работе. Он прошел с Гийо вдоль навешенных перил. Из-за сильного ветра они не смогли подняться выше, однако забросили существенный груз. Не показная сторона определяет истинную пользу той или иной работы. Выигранный метр, лишний забитый крюк, несколько перенесенных килограммов... Любое движение имеет значение для окончательного результата. Моска и Пайо, оставшись в лагере IV, проделали превосходную работу землекопов... если можно так говорить, когда речь идет о снеге. К двум площадкам, выкопанным в гребне, они прибавили третью. Настоящая пещера глубиной в 2-2,5 метра, в которую как раз с точностью до сантиметра входит палатка-хижина. Поставленные таким образом палатки этого типа, очень компактные и прочные, великолепно противостоят ветру. Другое преимущество — спать в них гораздо спокойнее, так как они не хлопают под ударами ветра, как обычные, даже туго натянутые палатки. Наш лагерь способен теперь принять шесть восходителей. Это хорошая новость!

Приятные новости также передает нам из Базового лагеря Параго. Курьеры с почтой прибыли из Биратнагара после двадцати дней пути! Прибыли также продукты из Седоа: яйца, картошка и керосин. Тхопа, офицер связи, сообщает, что мощная колонна носильщиков под руководством сирдара Нгаванга Самдена принесет завтра или послезавтра много риса, тзампы и мяса. Можно понять, что Параго, ответственный за снабжение, испытывает в настоящее время явное удовлетворение. В наших высотных лагерях мы немного далеки от этих проблем и часто судим о них лишь по результатам. Вот Параго, тот хорошо знает, что лишь вертолет обеспечивал наше снабжение овощами, фруктами и свежим мясом в течение всей первой части

экспедиции. Ведь все отряды носильщиков, посылаемые за продуктами в Седоа, ближайший пункт к Базовому лагерю, тратят не менее двадцати дней, чтобы покрыть это расстояние в оба конца.

Лагерь III, 4 мая. Покинув лагерь III и направляясь в лагерь IV, встречаем по пути спускающихся Гийо, затем Пари. После тяжелой ночи (высота, а главное-ветер) они слишком устали, чтобы выйти утром из лагеря, и потому не смогли сделать ни заброски, ни обработки пути. На их лицах написано разочарование; для волевых ребят два дня для незначительной заброски с использованием перил-это слишком много. Придется нам поработать побольше завтра и послезавтра.

Сегодня шерпов нет. Завтра, может быть, Анг Темба, Аула, Дава и Карма Тхиле, ночующие, сегодня в лагере III, смогут поднять снаряжение в лагерь IV. Я быстро обгоняю Бернара, так как мне хочется пораньше добраться до навешенных веревок под лагерь IV. Дело в том, что одну из веревок нужно будет перевесить. Она заставляет шерпов заниматься утомительной и опасной гимнастикой на чрезвычайно крутом скальном участке. А мы слишком нуждаемся в шерпах и стараемся облегчить по мере возможности реально и психологически их задачу. Мы приводим их на необычайно крутые скалы; они преодолевают участки такой трудности, какую они никогда в жизни не встречали. Каждый раз они считают, что дальше не пойдут, и каждый раз мы ведем их выше. Сперва снежный гребень, затем все более крутые скалы, затем первые взлеты, и вот теперь Свеча. Они не показывают и вида, но я уверен, что, поглядывая на Свечу, они изрядно обеспокоены и думают: «Неужели и сюда нас потащат?» Надо подумать также о потерянном на таком участке времени и о неизбежных пробках.

Я должен поэтому попытаться навесить перила по другому пути, который кажется мне более простым, и с этой целью я нагружился до предела снаряжением: 18 килограммов веревок и крючьев, собранных в маленьких промежуточных складах по пути. Такие склады разбросаны на всех уровнях по разным причинам в зависимости от обстоятельств, от времени, от погоды, от усталости альпинистов. Добравшись до цели, я делаю большой обход слева. Сложность не очень велика, но я один, следовательно, без страховки и должен соблюдать максимальную осторожность. Так что я очень удивлен, посмотрев на часы и обнаружив, что потратил более двух часов на навешивание и закрепление новой веревки. Но время потеряно не зря. Участок теперь проходится значительно проще, и я налегке добираюсь до лагеря IV.

Площадка, которую Пайо и Моска начали готовить для третьей палатки-хижины, еще очень мала, и я вынужден ее расширять. Копать приходится с трудом, так как меня ежеминутно мучают сильные приступы кашля. На этой высоте очень сухой и холодный воздух раздражает слизистые оболочки носоглотки и горла. Походные аптечки с лекарствами, помогающими при кашле, находятся в нижних лагерях, а у нас нет даже аспирина и снотворных. Мне удастся все же увеличить площадку до нужных размеров, и, когда подходит Мелле, мы устанавливаем палатку. Еще одна волнующая битва с ветром. Мы хватаемся за полотнища, которые надуваются, хлопают и грозятся каждую минуту умчаться в небесные глубины. Адский ветер со скоростью более 150 км/час не отпускает нас и в последующие дни, ветер Тибетского нагорья, которому еще недавно мы так радовались, потому что он прогонял непогоду, блокирующую нас в течение десяти дней, и который теперь мы проклинали, так как он несет с собой полярный холод и пробирает нас до костей. Как это странно, чтобы при таком безоблачном небе и сверкающем солнце был такой мороз!

Спешим забраться в поставленную наконец палатку. Она такая крошечная и в довершение всего загромождена кислородными баллонами. Шерпы притащили сюда это снаряжение, которое в самом близком будущем может стать необходимым. Гийо и Пари уже начали использовать его ночью. Что касается меня, то я решил прибегнуть к нему несколько позже, когда действительно буду чувствовать себя плохо.

Начинается долгая ночь. Невозможно закрыть глаза в этом оглушительном шуме. Вой, стоны, визг, прерываемые краткими паузами, полными неясного шороха; пронзительное мяуканье на фоне барабанного боя... словно ведьмы устроили вокруг нас ужасающий шабаш! Порой неведомая рука хватается палатку и сильно трясет ее. Мы упираемся изо всех сил, схватившись за стойки, благословляя громоздкие кислородные баллоны, служащие балластом для нашего слишком хлипкого приюта. Как с другими палатками, держатся ли они или навсегда улетели? Используя минутное затишье, быстро выглядываем. Они невредимы. Никаких ведьм не видно. Только неподвижный сверкающий снег; только небо, невероятно глубокое, кишашее звездами, на котором мы не можем найти знакомые созвездия; только молочного цвета ночная прозрачность, и наверху, очень высоко над нашими головами, непрерывный, заглушенный гул? Скорее в палатку, к теплу! Через секунды отвратительная вахханалия возобновится.

Лагерь IV, 5 мая.

Мы плохо спали. Ветер не стих. Все же мы попытаемся выйти.

Если мы хотим чего-нибудь добиться, надо «грызть» понемножку эту вершину, метр за метром. Ветер, наверное, остановит нас у конца навешенных веревок, и, чтобы день не был потерян, мы произведем заброску. У меня и у Бернара будет тяжелый груз: веревки, крючья, карабины и лестницы для спелеологов. Эти сверхлегкие лесенки с электронными перекладинами на стальном тросе широко применяются для исследования пещер. Здесь они предназначены для шерпов. Действительно, я убедился на уроках скалолазания в Базовом лагере, что руки у них недостаточно развиты. Их мускулистые бедра, великолепно сложенные ноги совершенно бесполезны, когда речь идет о том, чтобы подтягиваться на жюмарах по вертикально навешенной веревке, когда лямки рюкзака тянут тебя назад. Поэтому, чтобы шерпы могли использовать свои ноги, мы сдублируем на вертикальных участках навешенные веревки лесенками. Установленный на веревке жюмар, а также карабин, пристегнутый на веревочной петле к поясу, будут служить им для страховки, а не для продвижения.

Как обычно, я быстро отрываюсь от Бернара и без всякого угрызения совести, так как знаю, что он тащит не менее других и даже если придет с некоторым опозданием, то во всяком случае всегда окончит свою работу вовремя. Однако не отошли мы и сотни метров над лагерьем, как вынуждены остановиться, чтобы как-то отогреть ноги, потерявшие всякую чувствительность. На эту болезненную процедуру мы потеряли час, и когда вновь ноги начали чувствовать циркуляцию крови, то были даже рады этой боли, исторгающей у нас стоны и слезы.

Несколько выше я навешиваю свои две лестницы, захватываю по дороге, там, где мы с Бернаром организовали промежуточный склад веревок, 120-метровую бухту и продолжаю подниматься по участку, оборудованному Моска и Жоржем Пайо. Вот я во внутреннем углу, в свое время угаданном на юго-западной стене Свечи и полностью обработанном к сегодняшнему дню усилиями Пайо и Моска: сказочная раскрытая книга высотой в 70 метров. Карниз, разрезающий ее на половине пути, как будто нарочно устроен здесь, чтобы еще ярче подчеркнуть вертикальный взлет. Я пожираю глазами это великолепное «скальное блюдо»: IV, V категории трудности, по меньшей мере, и это на высоте 7600 м. Потрясающе! Какой выдающийся подвиг совершили здесь наши

два товарища!

Пришло время применить американский метод скалолазания, единственно пригодный, по-моему, когда нужно пройти по навешенной веревке длинный участок вертикальной или нависающей скалы с тяжелым или громоздким рюкзаком. Этот метод был разработан американцами в Йосемите, и мы с друзьями его систематически использовали при забросках, начиная с 1967 г., при восхождениях на Дрю (зимой по северной стене) и на Гранье. Бернар, единственный из всей команды, использует его теперь с непринужденностью.

Эта техника разработана до тонкости и позволяет подниматься с большой скоростью. Восходитель поднимается, передвигая по веревке два жюмара. Верхний присоединен к страховочному поясу (к туловищу и бедрам), нижний жюмар снабжен стремянем для одной ноги, вторая нога осуществляет равновесие. От пояса свешивается между ногами шнур (или тесьма) длиной 1,2 м, на которой подвешен рюкзак^[8]. При этом натяжение от веса рюкзака действует не на верхнюю часть туловища с риском опрокинуть восходителя назад, а на точку, близкую к центру тяжести, в то время как мускулы плеч, не сжатые лямками рюкзака, могут работать свободно.

Вот я на вершине угла. За пузатыми скалами, окрещенными нами ранее «носом», видна брешь в гребне. Здесь, около кучи веревок и крючьев, кончается последняя навешенная нами веревка. Ветер, как я и предвидел, ревет здесь, как в аэродинамической трубе. В течение трех четвертей часа я мерзну невыносимо. В свою очередь из угла вылезает Бернар. Я промерз до костей, однако ухитрюсь продолжить лазанье и обработать еще 60 метров, после чего добираюсь до второй бреши у основания нависающего взлета, на первый взгляд непреодолимого. Совещаемся. Слишком холодно, и высота дает себя знать. Мы сделали сегодня крупную заброску, и было бы трудно продолжить обработку пути еще выше. С моральной точки зрения мы также изрядно потрепаны: возвышающийся над нами барьер высотой по меньшей мере метров 35, иначе говоря, участок искусственного лазанья на высоте 7600 м, представляется нам непроходимым. Сегодня во всяком случае он непреодолим.

Спустимся в лагерь IV. Переночуем, а завтра вернемся, и, может быть, нам удастся обработать этот нависающий барьер.

В лагере нас ожидают четыре шерпа, верные товарищи, самостоятельно, без помощи сагибов, поднявшиеся из лагеря III. Они произвели между лагерями III и IV очень важную заброску и достойны того, чтобы я перечислил все, что они проделали за последние дни без единого отдыха: заброска между лагерями II,

III и IV, заброска выше лагеря IV и возвращение в лагерь III; лагерь III, снова лагерь IV и возвращение в III, затем в лагерь II. Пять дней непрерывных челноков между 6000 и 7600 м. Bravo, Анг Темба и его команда!

Анг Темба... Мы совершенно не предвидели, что этот шерп сделает такие фантастические успехи. При переходе через мост у Нума он был парализован страхом. Переход под аккомпанемент оглушительного грохота бешеного потока был, конечно, впечатляющим. Однако он был несложным, раз некоторые из нас осуществили его с грузом. Затем час от. часу он проявлял себя все более крепким, преданным, инициативным, а главное, весьма способным руководителем. Шерпы не слушались больше ни беспомощного Нгаванга, ни назначенного нами заместителем второго сирдара Нгати, плохо переносящего высоту. Они начали слушаться Анг Тембу. По существу он стал сирдаром высотных шерпов.

На 17 часов назначен сеанс радиосвязи. Мы отчитываемся перед Параго о проделанной работе. Узнаем от Маршала, что лагерь III также подвергся атаке ужасающего ветра. Палатки Макалу рвутся по всем швам, разрушаются даже молнии. Мы используем связь, чтобы запросить электронные лесенки. Их требуется еще не менее шести, чтобы как, следует закончить навешивание веревок.

Всю ночь без перерыва ветер продолжает свою навязчивую пляску.

Лагерь IV. 6 мая. Утром ветер стихает, но погода неустойчивая, вершина тонет в облаках. Надо ли выходить? Параго по радио сообщает, что Базовый лагерь под сплошным облачным потолком. Для нас это пол, компактный, вздувшийся, непрерывный. У нас есть также и свой потолок, вид которого не вселяет в нас надежды на хорошую погоду.

Все же мы выходим, и мало-помалу, по мере подъема, слой облаков распадается, в разрывах сверкает солнце. Ветер с Тибетского нагорья вновь принимается за свое черное дело, и холод вскоре начинает жестоко нас кусать. При свободном выборе мы предпочли бы снег! Однако северный ветер-это хорошая погода. Черт с ним, с холодом! Понадобилось лишь три часа, чтобы добраться до конца навешенных веревок у второй брешы, где мы вчера остановились. Навесы на месте, ожидают нас. Придется их пройти.

Двойная веревка, тридцать крючьев на поясе, гирлянда карабинов, молоток, рюкзак... как будто я в Альпах. Все это хозяйство весит порядочно. Но теперь важно лишь одно — пройти навесы. Нужно забыть чувство паники, которое чуть было не

охватило нас вчера; забыть, что мы находимся на высоте 7600 м, без кислорода и нам предстоит преодолеть участки, какие никто еще в мире не мог преодолеть на таких высотах. Скорость ветра 120 км/час, температура минус 35°.

Собрав всю свою волю, я пытаюсь расшифровать замкнутое лицо скалы, придумать какой-то путь. Пройти справа по плите, распадающейся на ломкие пластины, невозможно. Это как куски сахара, характерные для скал Веркора. Слева стена как будто подходит к нависающим, но расчлененным зонам. Однако я помню, что несколько дней назад, когда я из лагеря II изучал маршрут с помощью бинокля, мне казалось, что надо обязательно уходить вправо, а не влево, где можно было столкнуться со слишком сложными навесами. Взор возвращается направо и останавливается на прилепившейся к стене плите. Она также нависает; пять-шесть метров высоты, два ширины, два .толщины. Если и есть проход, то только тут и более нигде.

Поднимаюсь к этой плите. Крючья. Один, два, три, звук глухой, в этой гнилой скале они держат плохо. Где-то в глубине начинает назревать паника. А если посмотреть еще правее, за плитой? Я спускаюсь, теряя с трудом завоеванные несколько метров, и начинаю необычный траверс. Подо мной триста метров вертикальной стены, обрывающейся к лагерю IV, чтобы совершить оттуда новый прыжок в 2000 м до ледника Барун. Крючья, стремена... Любопытство меня прищипывает. Надо также поскорее освободить Бернара, замерзающего в бреши, откуда он меня пугает. Этот пролом шириной не более метра-настоящая аэродинамическая труба, в которую ветер врывается с невообразимой яростью; при этом тембр и сила звуков претерпевают странные вариации, переходя от низкого гула к пронзительному свисту, в зависимости от положения тела человека, устроившегося в этой бреши, от его жестов и предметов, которыми он манипулирует. И я вполне представляю себе тяжелое положение Бернара при такой сибирской температуре.

От стремени к стремени я потихоньку подвигаюсь. Прошло уже полчаса. Плита уже позади, и тревога, которую, несмотря на интенсивную работу, я никак не мог погасить, уступает место радости. Передо мной великолепная щель взлетает к навесу, проходит через него и как будто уходит дальше. После нелегкого пути она приводит меня к заполненной снегом нише, куда мне удастся выжаться на руках, несмотря на пощечины, отвешиваемые ветром. Давай, Бернар! Ты ждешь уже полтора часа.

Подходит Бернар и протягивает руки. Абсолютно белые, совершенно нечувствительные. «Продолжай, — говорит он, — наплевать, займемся этим вечером». Нет, Бернар, так не пойдет.

Надо во что бы то ни стало их отогреть. И в течение часа мы пытаемся их спасти, бичуя безостановочно рукавицами, веревкой. И мало-помалу кровообращение восстанавливается, и вдруг такая боль, что Бернар не может удержаться от крика. Теперь можно продолжать движение.

Над нами еще один карниз, еще более нависающий, чем предыдущий. Мы находимся на высоте 7670 м, на уровне, на котором покорители Гималаев обычно двигаются с трудом, вдыхая кислород. Мы же лазаем с искусственными точками опоры без кислорода; мы первые, кто справляется с такими трудностями на такой высоте. Новые силы внезапно охватывают нас. Полные неизмеримой гордости, мы бросаемся в атаку. Ничто теперь не сможет нас остановить. В мгновение ока приходит уверенность: мы будем на вершине! Наша экспедиция увенчается полным успехом.

Крюк за крюком, метр за метром перелезаю через навес. Должен же быть всему этому конец. Увижу его я! Выхожу на навес, еще стремя, второе стремя, и вот я среди менее крутых, более расчлененных, более легких скал. Мне хочется кричать от гордости и счастья. Принимаю Бернара, согнувшегося под тяжестью своего колоссального рюкзака. Мы счастливы. Продолжаю обработку. Теперь большой внутренний угол, затем кусочек фирна; еще прямо вверх, затем направо к очень крутой плите. Крутизна снова увеличивается, и я вдруг сознаю, что часы истекли, что солнце близится к закату и что было бы неразумно, продолжать работу в этот оканчивающийся день.

Мы намечали себе в качестве цели хорошо видимое из лагеря II фирновое пятно треугольной формы. До него еще не менее шестидесяти метров. Мы страстно к нему стремились, так как в нашем представлении это было место будущего лагеря V и достижение его было бы настоящим шагом вперед, к вершине. Но нужно смириться с неизбежным. Сегодня, после этой слишком долгой битвы с навесами, мы до него не дойдем. Надо спускаться. Завтра наши друзья продолжат.

Лагерь IV. Мы снова встречаемся с Маршалом, Берардини, Жаже. 17 часов. Радиосвязь с другими лагерями. Пари, Моска и Пайо, поднявшиеся за нами, будут ночевать сегодня в лагере III. Эстафета работает как часы. Завтра мы спустимся отдыхать в лагерь II.

ДЕНЬ ЗА ДНЕМ, НЕУСТАННО.

7 мая. Лагерь IV, лагерь III, лагерь II...

У нас такое впечатление, что мы возвращаемся из потустороннего мира, из дикого мира, состоящего только из льда и ветра, возвращаемся к людям. В лагере III встречаем товарищей, затем шерпов, потом появляются еще шерпы, поднимающиеся из лагеря II в лагерь III. Для нас, возвращающихся из вертикального ледяного ада, из мира скал и бурь, этот гармоничный спокойный снежный гребень представляется царством мира. Нас ожидает в лагере II праздник- встреча с друзьями, солнце и отдых.

Вечерняя связь с верхними лагерями вновь погружает нас в водоворот активных действий. Берардини и Маршаль сделали заброску до второго пролома, следовательно, до подножия первого навеса. Однако Люсьен, который обожает снимать крупным планом участки высшей трудности на вертикальных скальных стенах, испытывал неприятности с большой камерой: при сильном холоде она работает неважно. Теперь наш киношник будет, вероятно, применять магазинные камеры.

Я пользуюсь связью, чтобы запросить у Параго новые гетры. Мои от тесного общения с шероховатым гранитом взлета превратились в лохмотья. Нужны также перчатки и шерстяные рукавицы для шерпов, страдающих, несмотря на свою выносливость, от холода.

8 мая. Пока мы с Бернаром отдыхаем в лагере II, Берардини и Маршаль, оставшиеся в лагере IV, навешивают лестницы до второй брешы. Отличная работа! Параго, прибывший в лагерь I, поднимется завтра в лагерь II.

9 мая. Возвращается Бернар Сеги и выгружает в лагере II продукты и почту. Он забирает с собой в Катманду звукооператора телевидения Роже Матюрена, плохо себя чувствующего в Базовом лагере из-за начинающегося отека легкого. Параго поднимается из лагеря I в лагерь II. Пайо и Моска сделали заброску по направлению к брешы над Свечой и дополнительно навесили одну или две лесенки.

10-го они спускаются в лагерь II после новой заброски выше лагеря IV. Эта муравьиная работа нескончаема: заброска, обработка, обработка, заброска, а время проходит, бежит... Это не потерянное время, безусловно, но продвижения ведь нет!

11 мая. Параго, присоединившийся к нам после пребывания на базе, Бернар, я и два шерпа, Дава Тхондуп и Пенури, поднимаемся в лагерь III. Этот лагерь в печальном состоянии: палатки разорваны, завалены снегом, и в довершение всего, как

раз когда мы приходим, начинается снегопад. В разрыве облаков мы замечаем Пари, Гийо и их шерпов на взлете, несколько выше лагеря IV. Во время связи в 18 часов они сообщают, что оборудовали два последних навеса электронными лесенками, но не продвинулись дальше ни на один метр. Создается угнетающее впечатление, что мы топчемся на месте.

12 мая. Бернар, Робер и я поднимаемся в лагерь IV. Встречаем в пути спускающихся Пари и Гийо. Они сегодня не смогли работать, так как ночью выпало 50 сантиметров снега. Роберу его обязанности начальника экспедиции никак не содействуют достижению хорошей спортивной формы. Это сказалось на подъеме, и он пришел значительно позже меня. Лишний раз убеждаюсь, что время, затрачиваемое на прохождение участка между двумя лагерями, может быть совершенно различным для разных восходителей и даже для одного и того же, но в разные дни. Плохо проведенная ночь, пятью килограммами больше или меньше на плечах, прокладывание трассы — сколько факторов оказывают влияние! Сегодня я затратил два с половиной часа, а Робер семь — разница громадная. К чисто физической усталости прибавляется психологическая, когда видишь, что товарищ идет, как ракета, а ты тащишься из последних сил. Кроме того, после обеда погода обычно портится, и надо вновь прокладывать трассу, пробиваясь сквозь снежные вихри; приходишь в лагерь мокрый, озябший и находишь в палатке комфортабельно устроившегося султана, который обсушился, приготовил чай, спокойно кушает и сибаритствует. Деморализация!

13 мая. Сегодня мы решили использовать новую технику, отличную от той, которую применяли до сих пор. Мы с Бернаром будем вести обработку, возможно выше. Параго пойдет следом за нами с двумя шерпами. Они понесут палатку и продукты питания, с тем чтобы организовать лагерь V, который мы считаем временным, у подножия двух больших навесов. По окончании обработки мы спустимся в этот лагерь, а Робер с двумя шерпами вернется в лагерь IV. Мы сможем тогда начать, с гораздо большей высоты и значительно продвинуть обработку, наверное, даже выйти из зоны больших трудностей.

Итак, в дорогу! Позади нас Параго, в гораздо лучшей форме сегодня, идет в хорошем темпе. В то время как он приступает возле бреша к устройству площадки для палатки, мы с Бернаром уходим вперед и начинаем дальнейшую обработку пути. Мы так поглощены нашим трудом, что не замечаем изменения погоды. Все сильнее и сильнее падает снег; менее чем за час толщина свежеснежавшегося снега достигает 10 сантиметров. Мы продолжаем работать. Крючья, стремени. Нижняя часть последнего навеса

может быть пройдена лишь искусственным лазаньем. Следуют 60 метров заполненных льдом желобов, где чередуются участки с искусственным и свободным лазаньем под потоками текущего снега. Но вот и вершина желобов. Бернар лезет по американскому способу, под ним качается в пустоте колоссальный рюкзак-все снаряжение, по крайней мере килограммов 25. На высоте 7700 м это убийственно тяжело. Еще вертикальные стенки, еще снежные ручьи и, наконец, этот треугольный фирновый кусочек, столь давно и столь сильно желанный.

Разочарование: абсолютно невозможно поставить хоть одну палатку. Надо идти дальше. Расщелины вправо, кулуары, снова расщелины, полные снега. Скалы становятся более расчлененными, склон положе и стремится в какой-то момент к горизонтали. Все! Большой взлет побежден. 17 часов 30 минут.

Конечно, сама вершина Макалу отсюда еще далеко: мы примерно на высоте 7770 м, и остается еще 700 м перепада, по горизонтали, может быть, два километра. Но склоны станут легче. Не будет больше вертикальных стен, навесов, только комбинированный рельеф, скалы со снегом. Потребуется время, но основные трудности позади. Нас захватывает радость, сотканная из облегчения, надежды, удовлетворения от чувства выполненного долга, гордости от выигранной битвы, несмотря на холод, ветер, снег и предательскую усталость. Робер, наверное, уже установил под большими навесами первую палатку-хижину лагеря V. Мы же сможем здесь поставить завтра лагерь VI, откуда начнутся решающие штурмы вершины. Такие мысли согревают душу!

Спуск под падающим снегом — сплошное мучение, и в завершение нас ожидает горькое разочарование. Напрасно мы ищем в снежных вихрях палатку около бреша, где мы намеревались сегодня переночевать. На склоне нет ничего, кроме намека на площадку, почти сплошь заваленную снегом. Почему? Но задавать вопросы некогда. Сейчас уже 18 часов 30 минут, и мы должны обязательно спуститься до ночи в лагерь IV. Скорее вниз, пора кончать с надоевшим спуском.

Невдалеке от лагеря IV мы догоняем Параго. Не ожидая наших расспросов, короткими фразами, прерываемыми порывами ветра, он излагает нам кратко свои несчастья. «Вы видели утром, я был в приличной форме и очень радовался. Шерпы следовали за мной с трудом. Надо признать, что подниматься по лесенкам и «жюмарить» по веревке чертовски трудно. На последнем участке перед брешью, там, где действительно сложно, Дава Тхондуп завис на своем жюмаре: ни вверх, ни вниз! Надо было слышать, как он кричал о помощи! Я спускаюсь, выуживаю его, он подходит

к бреши. Второй шерп, Пенури, остался внизу. Мне пришлось вытягивать его груз на веревке. Затем я их отослал, так как они были на грани изнеможения, и начал копать площадку. Вы видели результат! Снег, лед твердый как сталь! Я бился в течение трех часов! Наконец я совершенно выбился из сил и в 4 часа начал спуск. Шерпов я догнал быстро. Они ждали меня у подножия первого угла, и было видно, что им невесело. Когда снег покрывает все зацепки и течет на тебя ручьями, а нога ежеминутно срывается, это им не нравится, ну совершенно не нравится! Их можно понять. Тогда я пошел первым, это придало им немного уверенности».

Лагерь IV. 19 часов. Уже час как наступила темнота. Мы одеты в настоящие панцири из инея и замерзшего снега и промерзли до мозга костей. Бесконечно долго мы раздеваемся, снимаем с себя снаряжение. Мелле поморозил пальцы рук и ног. Мы прозевали 17-часовую радиосвязь. Надеюсь, что товарищи в нижних лагерях не поднимут панику. В 20 часов мы их вызовем и успокоим. Но боже, как мы устали! Наша одежда в таком состоянии, что я сомневаюсь, сможем ли мы идти дальше. Насквозь мокрая под слоем льда, она не успеет за ночь высохнуть. Если бы еще для компенсации мы могли бы как следует поесть! Но лагерь IV слишком беден. Да к тому же мы слишком устали; желудок свело от затраченных усилий. И вот мы все пьем и пьем. И все же мы довольны, так как мы хорошо «поработали», главная цель достигнута-мы прошли основные препятствия.

Оба шерпа устроились в одной палатке, Мелле во второй, мы с Параго в третьей. Несмотря на снотворное, мучает бессонница. Это связано также с усталостью, но главное, что нас волнует,- это влажность, которой пропитана не только одежда, но и промокшие Насквозь спальные мешки. Действительно, в течение дня температура в палатке сильно повышается (я видел, как она порой достигает -40°). Снег и иней, накопившиеся внутри, на стенках и под крышей, тают, и наши пуховые мешки начинают плавать. Ночью температура спускается до -20, -30°, и вся эта вода превращается в лед.

Поскольку нам не спится, мы с Робером болтаем и строим планы на будущее.

Благодаря нашей сегодняшней работе товарищи смогут организовать новое наступление на вершину. Им придется прежде всего окончить устройство площадки, которую начал сегодня копать Робер, поставить там палатку, затем разбить лагерь VI, с одной или двумя «стенными» палатками у конца веревок, которые мы навесили. Но если подумать, то не лучше ли было бы поставить лагерь V выше, чем задумано, и тем сэкономить

организацию лагеря VI? Этот лагерь V-настоящая проблема. Абсолютно нет места. На этом вертикальном взлете ширина редких снежных полок не превышает 50 см, самое большее метра. Не придется ли нам прибегнуть к искусственным платформам^[9]. В нижних лагерях уже началась их переброска вверх. Две платформы должны быть в лагере III, одна-в лагере IV. Вес каждой 17 кг; длина трубчатых элементов превышает метр, и шерпы недолголюбивают эти громоздкие грузы. В следующий раз надо будет предусмотреть разбивку труб на четыре секции, а не на две. В следующий раз... Да, конечно... Но не будем думать о такой далекой цели. Важен сегодняшний раз! Сколько дней остается до прихода муссона? Восемь? Десять? Носильщики для возвращения должны быть на базе 26 мая. Меньше чем через час начнется 14 мая. Тогда я думаю, что в 1962 г. Робер был на вершине Жанну 27 апреля!

Однако сегодня вечером при спуске мне показалось, что ниже уровня верхней брешы имеется приемлемое место. Если поставить здесь хорошую палатку, а там, где ты начал копать, Робер, запасную, это был бы более или менее удовлетворительный, лагерь V. Ладно, Робер, скоро полночь. Спокойной ночи, несмотря ни на что!

ПОРА БЫ УЖЕ КОНЧАТЬ!

14 мая. Мы вновь спускаемся. Я «дошел»! Это уже третий штурм выше лагеря IV, и усталость дает себя знать. Физическая усталость удваивается скрытым утомлением, вызванным монотонностью бесконечно повторяемых ежедневных операций. Все время подниматься... все время спускаться. Конечно, спуски гораздо более быстры, чем подъемы: от трех до семи часов, чтобы подняться из одного лагеря в следующий, для спуска-не более часа. Из лагеря IV до лагеря II мне понадобится сегодня полутора часа. Но мне надоели эти сто раз повторенные участки, всегда одни и те же автоматические жесты, этот траверс между III и IV лагерями, где нужно повисать на веревке и который приводит шерпов в ужас. Мы сами начинаем его ненавидеть. А потом этот непрерывно падающий снег, эта трасса, которую надо все время возобновлять, потому что ветер ее замечает или потому, что снег обрушивается после каждого восходителя. Счастье еще, когда он не валится на крутых участках увесистыми «чемоданами» на головы следующих за вами!

Мои товарищи спускаются медленнее меня. Они сопровождают шерпов, а последние тоже очень утомлены вчерашним днем. Встречаемся с Маршалем и Берардини, поднимающимися в лагерь IV. Еще ниже, не доходя до лагеря II, видим работающую группу: Моска, Пайо и несколько шерпов вокруг Жан-Пьера Жанссена-кинооператора телевидения, снимающего на снежном гребне какие-то эпизоды. Славный парень, этот Жанссен! Просто восхищаешься его волей, спортивным духом и мужеством. Он ровно ничего не знал о горах. (Это такие, места, куда «телевики» забираются неохотно, разве только, для драматических кадров, да и то не выше долины!) И вот его выбрасывают с помощью вертолета в Базовый лагерь на 4900 м, затем он добирается пешком в лагерь II на высоте 5900 м, и теперь он снимает на 6100 м. Просто потому, что он хочет жить с нами одной жизнью, снимать по возможности в реальных условиях, несмотря на трудность и губительное влияние высоты.

Лагерь II, 15 мая. Просыпаемся под снегом. Снег шел часть ночи. Он не прекращается и сегодня. Неужели он никогда не кончится?

Берардини и Маршалль блокированы в лагере IV. Моска и Пайо, которые должны были выйти утром в лагерь III, отказались от этого. Моральное состояние у всех тоже не блестящее. Пока Параго что-то пишет в дневнике, я читаю, нагнувшись над его плечом: «Эта непогода меня тревожит. Уже 15-е число, и муссон,

по-видимому, недалек. Янссен спускается в Базовый. Снова задержка! Я понимаю, что ребята устали и что дальнейшее пребывание на высоте начинает подрывать моральный дух. Пора кончать».

Пора, давно пора! День проходит в карточной игре, в бесконечных дискуссиях о том, что мы должны делать в ближайшие дни. При всех этих накопившихся опозданиях нужно ли нам упрямо стремиться к организации лагерей V и VI? Мы уже хорошо поработали, согласен. 3000 м веревок, навешенных между лагерями II и III, 1250 м между лагерями III и IV, 830 м еще выше. Всего более 5000 м веревок, да еще более 120 м электронных лесенок. В конце концов мы приходим к единодушному согласию, что решения, продиктованные отчаянием, необходимо отбросить. Лагерь V, лагерь VI... Только в этом благоразумие.

16 мая. Хорошая погода. Судя по флагам на гребнях, ветер там ураганный, а холод смертельный. Однако этот же ветер, сметая снег, облегчает условия восхождения.

Моска и Пайо с 8 шерпами уходят в лагерь III. Интендантство как будто следует за ними. Берардини и Маршалль попытаются сегодня подняться выше лагеря IV. Мы с Бернармом молча грызем удила. Два дня отдыха — это много, конечно, однако необходимо, так как мы очень устали. Кроме того, все верхние лагеря оборудованы. Но мы невольно думаем о роковом 26 мая. Робер сегодня утром отправил Будимана, наика, иначе говоря, начальника долинных носильщиков, в Седоа, чтобы нанять сто двадцать носильщиков. Так как путь до Седоа занимает 4- 5 дней, столько займет и обратный путь, и, учитывая время, необходимое для вербовки носильщиков, ясно, что нельзя терять ни минуты.

Осталось только десять дней. Вечером радио сообщает, что Берардини и Маршалль достигли бреши и ухитрились установить палатку-хнжину. Площадка настолько мала, что они на ночь не будут развязываться. Если все пойдет хорошо, наш доктор и наш «киношник» могут оказаться завтра на вершине.

17 мая. Хорошая погода, чистое небо, сверкающее солнце. Бернар Сеги прилетает на базу. Он привозит с собой из Катманду выздоровевшего Матюрена и Жана Крейзе, специального корреспондента «Фигаро». Команда журналистов теперь в полном составе. Бернар забрасывает в лагерь II почту и припасы, затем вновь спускается в Базовый лагерь, чтобы, не теряя времени, вернуться в Катманду. Но, как часто бывает, пилот предполагает, а метео располагает.

Вот уже несколько дней с замечательной регулярностью погода, каждое утро прекрасная, быстро затем портится. Уже начиная с 8 часов 30 минут до 9 часов облака начинают

заволакивать западную часть неба. Здесь, в Базовом лагере, мы находимся в относительно защищенной котловине, где царствует свой микроклимат; зачастую небо остается синим, в то время как над долинами Индии и Непала оно быстро покрывается облаками. Между 3000 и 4000 м устанавливается плотный потолок. Пилот вертолета ориентируется визуально, для возвращения ему необходима хорошая видимость, и, если он обнаружит над Катманду море облаков, препятствующих посадке, у него не хватит горючего, чтобы вернуться сюда, к подножию Макалу. А сегодня погода обычная. Тяжелая стена туч поднимается на западе, разворачивается, затапливает небо, вершины, долины. О вылете Бернара не может быть и речи! Будем надеяться, что он сможет вернуться завтра. В действительности ему придется ждать до послезавтра. Сорок восемь часов он не имеет возможности сообщить в Катманду причины своего опоздания, так как бортовая рация слишком слаба. Можно представить себе тревогу в Катманду, растущую, по мере того как бегут часы, растущую не только в долинах Непала, но и во Франции, и во всем мире; предположения, которые мало-помалу в соответствии с классическим процессом превращаются в уверенность; липовые сообщения, распространяемые в эфире журналистами в погоне за сенсацией: «Вертолет исчез в Гималайских горах. Пилот и двое пассажиров, журналистов, считаются погибшими...»; ужас жены Бернара и родственников журналистов. А Бернар в эти два дня вынужденного отдыха спокойно играет в Базовом лагере в карты. А что еще ему делать?

В лагере V Маршал и Берардини спали, как и собирались, в связке и провели беспокойную ночь. В довершение «некомфортности» надувные мешки оказались разорванными, а пуховые спальные мешки влажными. Они тогда решили улучшить жилище. Весь день они ожесточенно работали, копали и наконец устроили площадку достаточных размеров для установки комфортабельной палатки-хижины. Сегодня они смогут лучше спать и питаться; может быть, завтра вершина?

Моска и Пайо с четырьмя шерпами поднимаются из лагеря III в лагерь IV. Гийо и Пари, тоже с несколькими шерпами, — из лагеря II в III. Шерпы начинают ворчать. Мы пытаемся им внушить, что в ближайшие дни им нужно будет сделать исключительные усилия, и я должен сказать, что, к нашему большому удивлению, они это сделают.

После полудня погода улучшилась, скорость ветра упала. Эверест, напротив, полностью закрыт облаками. Эверест... Мы знаем, что международная экспедиция для восхождения по юго-западной стене отказалась от своей цели и возвращается в

Катманду. Одна за другой экспедиции, работающие в этом сезоне в Гималаях, отступают, побежденные стихией и гнусным состоянием гор. Здесь, на Макалу, погода впервые, может быть, была хорошей в течение всего дня без обычного послеобеденного снегопада.

В 17 часов рация приносит сообщения лагерей. Из лагеря V Берардини подтверждает, что они кончили оборудование второй площадки. Следовательно, искусственные платформы не нужны. Они очень устали, но все же надеются завтра сделать попытку штурма вершины. В лагере IV Пайо разволновался, обнаружив лишь четыре баллона с кислородом. В каком они состоянии? По словам Берардини, баллоны текли, а некоторые маски были негерметичными. Нужно проверить все баллоны и маски во всех лагерях, включая лагерь II, и забрасывать наверх лишь добротные баллоны и редукторы.

18 мая. Просыпаемся под снегом. Ветер. Мы в растерянности. Может быть, это уже муссон? 26-го во всяком случае он будет здесь, это уж точно! Эта дата, 26, превращается в какую-то навязчивую мысль!

В 8 часов узнаем по рации, что Маршалль и Берардини спускаются. Люсьен не скрывает своего отчаяния. Он не взойшел на вершину, и у него, наверное, не хватит уже сил на повторный штурм через несколько дней. Ни сил, ни времени. В лагере IV погода лучше и ветер терпим. Моска и Пайо будут подниматься. Это их единственный шанс. В 10 часов новое сообщение: Пари и Гийо отказались от подъема в лагерь IV. Слишком сильный ветер, и слишком много снега. Мы должны были сегодня подняться в лагерь III. Теперь это отпадает, так как он занят. Поднимемся завтра. Завтра, все время завтра.

Часам к 14 Пайо и Моска приходят в лагерь V и устанавливают там вторую палатку-хижину. Таким образом, этот лагерь теперь полностью организован. Если даже и не очень комфортабельный, но все же приют на пути к вершине. Вскоре в лагерь II прибывают Берардини и Маршалль. Они довольны своей работой, хотя обессилены до предела. Мы рады их видеть. Благодаря им, благодаря их работе лагерь V теперь не просто долго лелеянная надежда, которая без конца ставилась под сомнение, а солидно обоснованная реальность. Мы надеемся также, что Пайо и Моска, развивая наступление, смогут завтра набрать достаточно высоты, чтобы установить маленькую стенную палатку в непосредственном соседстве с вершиной. Может быть, в точке слияния нашего ребра с юго-восточным гребнем, который мы называем гребнем японцев. И если они туда доберутся, то послезавтра у них будут прекрасные шансы

первыми взойти на вершину.

Завтра, послезавтра... А мы здесь, в лагере II, что мы будем делать? С момента возвращения Маршала и Берардини мы без конца обсуждаем с ними, что делать в ближайшем будущем. Мы — это значит Робер, Бернар и я. Один из самых важных вопросов, который мы обсуждаем, — это участие Бернара в ближайших действиях. Из-за слишком долгого пребывания у верхней брешы, где он меня страховал при адском холоде и ураганном ветре, он заработал болезненные обморожения на руках и ногах. Некоторые пальцы, полусогнутые, сильно распухли. Что делать? Он смотрит на свои руки и колеблется: остаться и сохранить руки (он по профессии обойщик-декоратор) или принять участие в мероприятии, которому он так много отдал сил? Маршал категоричен: было бы большой неосторожностью для Бернара вновь подвергнуть себя действию холода. Робер озадачен. Я же советую Бернару все же выйти с нами, но если будет слишком холодно, то вернуться. Нет... да... может быть... Ну что же, подождем до завтра. Решать должен ты, Бернар.

В этот вечер, лежа в спальных мешках, мы с Люсьеном болтаем без конца. Мы с ним давнишние друзья, вновь соединившиеся сегодня. Уже в 1966 г., в Перу, мы в одной связке поднялись на Уаскаран. С самого начала экспедиции мы жили в одной палатке, но затем обстоятельства нас разлучили. Как хотелось мне сделать Макалу с Люсьеном! Увы, наши обязанности были различными. Люсьен был здесь для киносъемки; моя роль заключалась в обработке пути, в непрерывной обработке, чтобы грызть понемногу эту гору. Мы решили разделить и встретиться вновь как раз перед решающим штурмом. Мы с Бернаром должны выйти завтра или послезавтра, и Люсьен наверняка будет слишком усталым, чтобы пойти с нами. Будет ли достаточным день отдыха, чтобы позволить ему выйти на день позже нас и попытаться нас догнать?

Я хорошо знаю Люсьена. Он хотел быть на этой вершине. В свои сорок лет он подошел к такому возрасту, который не позволит ему больше, наверное, участвовать в экспедициях. Макалу — это его вершина, его последняя большая вершина. Он столько сделал, чтобы обработать ее, чтобы она стала достижимой. Он заслужил ее, эту вершину!

БЕЗГРАНИЧНЫЙ ЭНТУЗИАЗМ

Лагерь II — лагерь III, 19 мая.

Чудесная погода! Надежда возвращается и кипит ключом. Активность возрождается на всех уровнях. Остальные связи уже в высотных лагерях. Пари и Гийо поднимаются из лагеря III в лагерь IV. Пайо и Моска, покинув лагерь V, поднимаются для установки лагеря VI. У четверых наших товарищей хорошие шансы быть на вершине раньше нас. Что из этого? Мы поставим конечную точку и четвертыми, наверное, достигнем вершины.

Подъем в лагерь III очень скучный: насколько хватает глаз — непрерывные снежные гребни. Они красивы, бесспорно, но мы столько раз проходили эти участки, что любоваться ими уже надоело. Каждая трещина, каждый шаг по снегу, каждый узел на веревке вызывают в нас рефлекс уже двухмесячного возраста. Действительно, если к лагерям выше 7000 м мы направляемся четвертый раз, то этот участок мы проходим уже двадцатый! В сороковой, если считать со спусками. Однако сегодня мы охвачены безграничной верой. Конечно, еще несколько дней нас отделяют от конечного штурма. Лагерь III, лагерь IV, лагерь V, лагерь VI... столько дней, сколько лагерей. Но в нас, по крайней мере во мне, царствует безграничный энтузиазм. Ничто, я это твердо знаю, не сможет нас остановить.

Мы — последняя связка. Мы будем подниматься из лагеря в лагерь с удовольствием и непринужденностью, ибо вершина будет уже побеждена товарищами, и нам останется лишь достойно завершить дело. Какое значение для экспедиции имеет наш успех или неудача? Пострадать может только наше личное самолюбие.

Приходим с Бернаром в лагерь III. Находим там шерпов, Бернардини и Маршала, слишком уставших, чтобы спускаться дальше, в лагерь II. Параго и Жакоб, которых мы обогнали, появляются в свою очередь, а за ними четверо их шерпов. Одновременно начинает падать крупа. Жакоб, полностью поправившийся после операции, проделал весь путь от Базового лагеря практически без остановки. Параго пришлось туговато. Его никак не покидает колющая боль в боку, появившаяся после последнего подъема к лагерю V; она мешает ему делать глубокие вдохи и вызывает резкую боль, когда приходится подтягиваться к жюмару.

В 17 часов радио приносит новости из лагерей. Берардини и Маршал, находящиеся теперь в лагере II, отдыхают вместе со своими тремя шерпами от непомерных усилий, затраченных в

лагере V. Связь с Пайо и Моска в лагере VI затруднена. Питание их рации село, и они вынуждены лишь отвечать «да» или «нет» на вопросы, которые ставит им Робер. Главное мы все же узнаем: лагерь VI отныне установлен — стенная палатка, два пуховых спальника, нагревательный прибор. Пайо и Моска в хорошей форме и надеются, что завтра, если все пойдет хорошо, 6-8 часов им хватит, чтобы достичь вершины.

Ночь опустилась на безмолвные палатки. Каждый из нас погружен в свои мысли. Я думаю обо всем, что нас ожидает завтра, послезавтра, еще позже. Образы и воспоминания толпятся в голове. Друзья... Родственники, ожидающие меня во Франции... Дорогие для меня люди. Сентиментальные размышления или психологическое напряжение, прелюдия к решающим действиям? Нет, я спокоен. Мысли теперь сталкиваются в беспорядке и убегают от меня; кажется, приходит сон.

Лагерь III — лагерь IV, 20 мая. Мы все хорошо поспали. В 9 часов покидаем лагерь. В полдень я достигаю лагеря IV и нахожу здесь Моска и Пайо, спустившихся с верхних склонов, находящихся за лагерем VI. Они подтверждают, что лагерь VI установлен. Они вышли вверх около 5 часов, но быстро обнаружили, что один из кислородных баллонов пустой, а у второго течет вентиль и что один из редукторов вообще вышел из строя. Их шансы достичь вершины сократились, таким образом, до минимума, и с огромным сожалением они отказались от дальнейшего подъема. Изменив свои планы, Пайо и Моска сделали дополнительную заброску, навесили над лагерем четыреста метров веревки, которые будут чрезвычайно полезны, и достигли высоты 8000 м, о которой мечтают альпинисты всего мира. Берардини уже ранее указывал, что баллоны текут. Неужели кислорода не будет в тот самый момент, когда он нам так понадобится? Неужели мы потерпим крах так близко от цели из-за преступной небрежности поставщика? Подумать только, что мы предусматривали в Париже для преодоления взлета такой фантастический способ, как снабжение первого в связке гибкой трубкой длиной 25 м, присоединенной к баллону, с тем чтобы второй обеспечивал одновременно разворачивание этой трубки, подачу кислорода и страховку! Святая наивность или чистая поэзия? А что будет, если нашему врачу вдруг срочно понадобится кислород для поддержания дыхания? Предпочитаю об этом не думать.

Моска и Пайо покидают меня и мчатся вниз. Они переночуют в лагере III, а если хватит сил, то доберутся и до лагеря II. В лагере IV нас останется трое: Мелле, Жакоб и я. Робер Параго, которого не отпускает боль в боку, вынужден был отказаться от

дальнейшего подъема и спустился в лагерь III. Бедный Робер! Я уверен, что сегодня спать он будет плохо. Еще раз... Решительно, руководитель такого мероприятия-это неуютная должность! Что же касается Пари и Гийо, проводивших ночь в лагере V, то под этим небом, расцвеченным звездами, им наверняка не будет жарко!

Лагерь IV — лагерь V, 21 мая. Эта ночь была очень холодной. Но холод — это также и хорошая погода, и, не теряя времени, Жакоб, Мелле и я с четырьмя шерпами покидаем лагерь. Как обычно, я поднимаюсь довольно быстро и добираюсь до лагеря V за короткое время, примерно к 11 часам. Сразу вижу Пари и Гийо, проходящих с заброской зону навесов над лагерем, знаменитую «нависающую полосу». Сомневаюсь, что с такими рюкзаками и выйдя так поздно они смогут легко добраться в течение дня до лагеря VI!

Однако завтра не встретимся ли мы с такими же неприятностями? Что касается меня, то я сейчас заброшу кое-что выше лагеря V-это четыре кислородных баллона, которые я запихал в рюкзак, и буду через навесы вытаскивать их по-американски. Выше меня как ориентир, медленно, но равномерно поднимаются Пари и Гийо. Если все будет хорошо, они должны сегодня ночевать в лагере VI, а завтра обработать остаток пути и попытаться, взойти на вершину.

Возвратившись в лагерь V, снова встречаюсь с Мелле и Жакобом, и мы устраиваемся на ночь. Правда, не так легко, так как приходится тесниться втроем в двухместной палатке, а раздеться и улечься в этих условиях — сложная задача! Вторая палатка служит только складом снаряжения, и из-за недостатка места нам пришлось отослать наших шерпов в лагерь IV.

Лагерь V — лагерь VI, 22 мая. Ночь прошла относительно сносно, несмотря на холод и тесноту. Чтобы напялить на себя одежду и всю амуницию, те же затруднения, что и вчера вечером. Жакоб, как всегда альтруист, готовит завтрак. Он должен проявлять чудеса ловкости, чтобы не опрокинуть кастрюли!

Сегодня нас ждет тяжелая работа. Нет больше шерпов: они спустились в лагерь IV. К тому же у них не хватит техники для преодоления навесов. Следовательно, мы можем рассчитывать лишь на себя, чтобы забросить в лагерь VI все наше снаряжение: палатку, спальные мешки, веревки, ледоруб, газовое топливо, пищевые продукты, питание для УКВ раций, крючья для последнего стометрового взлета, преграждающего гребень японцев, и, что самое главное, маленький будильник для штурмового дня. Пять крючьев, никак не больше, ибо здесь, как нигде раньше, «вес — это враг». У каждого рюкзачок в 30 кг, и это

на 7700 м и без кислорода (мы приберегаем его для последнего Дня).

Бернар и я, преодолев оба навеса, добавляем в наши рюкзаки те кислородные баллоны, которые я принес вчера, и поднимаемся по-прежнему американским способом. Жакоб, не знакомый с этой техникой, идет с рюкзаком за спиной, что требует от него колоссальных усилий. Проходят утомительные часы. С давящими нас рюкзаками приходится вести настоящую битву: прицеплять их к поясу на вертикальных участках, надевать, когда крутизна уменьшается. Какая гимнастика! Маневры, необходимые, чтобы взвалить на себя на этой высоте тридцатикилограммовый груз, смахивают на тяжелую атлетику: вытаскивать рюкзак сантиметр за сантиметром вдоль скалы, затем садиться (не отпуская его!), надеть лямки, подняться, подтягиваться изо всех сил на жумаре... невероятная борьба!

Наконец лагерь VI. Начинаю готовить чай для моих двух товарищей, а также для связки Гийо — Пари, которая должна вскоре спуститься с верхних склонов. Жакоб приходит позднее и сразу же возвращается в лагерь V. Ему сегодня пришлось трудновато, и он не может надеяться достичь вершины. На него падает тяжелая моральная обязанность-быть нашей поддержкой в лагере V. Действительно, и я не могу об этом думать без некоторой тревоги, за нами никого нет вплоть до лагеря II. Сознание, что в лагере V нас ожидает Жакоб, будет для нас очень ценным. Два дня он проведет в одиночестве в маленькой палатке, затерянной на стене, на 7650 м, борясь против холода, недостатка кислорода и голода, так как продуктов питания там маловато.

И постепенно беспокойство начинает переходить в тревогу. Я знаю, что успех экспедиции зависит теперь от Бернара и меня. Параго, который следил с биноклем из лагеря II за продвижением связки Гийо — Пари, только что сообщил по радиации, что они повернули назад от подножия кулуара, отделяющего Ребро от горы. Они спускаются, но мы еще их не видим из-за изменения крутизны. А вот как раз появляется Франсуа Гийо. Утомление, а также некоторое разочарование написаны на его лице.

— Так вот, Яник, для нас вершина — дохлое дело!

— Дохлое? Почему? Вы проводите эту ночь с нами, Панама и ты. У нас две стенные палатки, четыре спальника, семь баллонов кислорода.

— Да-да, Яник, но я так чертовски устал!

— Согласен, Франсуа, ты сегодня здорово поработал. Но сон снимает усталость, и ты увидишь, что тебе будет гораздо лучше. Мы сможем вполне попытаться провести завтра штурм двумя связками: ты с Панамой, Бернар со мной.

— А харч у нас есть?

— Конечно, пировать особенно нечем, но если ужаться, на четверых хватит.

— Ты свойский парень, Яник, но мне, правда, неохота снова лезть наверх. Для меня вершина кончена.

Я не решаюсь настаивать. Кто посмел бы поставить тебе в вину, старина, твою усталость и истощение от такого нагромождения усилий? Он поворачивается и ныряет вниз по склону. До свиданья, Франсуа!

Проходит еще один долгий час. 17 часов 30 Минут... Появляется Жан-Поль Пари, тоже очень утомленный, но не столь обескураженный. Я его знаю лучше, чем Франсуа, и, может быть, с ним будет больше шансов на успех? Повторяю свое предложение попытаться вместе с нами штурмовать вершину. Он колеблется несколько минут, думает, вероятно, что уже поздно, что спуск в лагерь V труден, что к завтрашнему дню он, без сомнения, отдохнет, что во всяком случае он сможет нам как-то помочь. Он соглашается. Bravo, Панама!

Долгая ночь втроем в маленькой стенной палатке, слишком малой даже для двоих. Мы примерно на высоте 7800 м, и нам дышится с трудом; несколько глотков кислорода в течение ночи немного восстанавливают силы. Холодно, сильный ветер. Сможем ли мы выйти? Надо выйти. Неудача недопустима. Правда, мы еще далеки от вершины. Мы сознаем, насколько мал интервал между успехом и неудачей. Мне приходится самого себя агитировать, вспоминать, как проходил решающий штурм в различных экспедициях. Например, Буль, подвиг которого на Нангапарбат хорошо известен: 1200 м по высоте, более 20 часов хода. Или еще, на нашем Макалу, японцы на юго-восточном гребне: вышли в 2 часа утра, вернулись в 3 часа на следующий день, более 25 часов хода при перепаде высоты в 500 м! А что же нам предстоит завтра? 700 м по высоте, 2,5 км по горизонтали. Сколько часов? А быть может, дней? Будем ли ночевать по дороге к вершине? А если понадобится бивак, то можно ли пойти на риск? Меня беспокоят руки Бернара. Будет ли холодно? Сможет ли он идти? Нужно ли мне будет идти на вершину в одиночку? Насколько опасно это будет? Будет ли недоволен Робер? Должен ли я его послушаться? Или он предоставит мне право самому принимать решение? Сколько вопросов в этой короткой ночи, которая никак не кончится!

Робер Параго, Ярик Сеньёр

23 мая 1971 г.

(Абзацы взяты из дневника Робера Параго, из записи разговора по радио между Р. Параго, находящимся в лагере II, и Люсьеном Берардини в Базовом лагере. Из Базового лагеря, засыпанного толстым слоем снега, вершина совершенно невидима).

Р. П. [Робер Параго]. Лагерь II, 25 мая. Встаю в 5 часов. Погода великолепная. В бинокль вижу связку Сеньёр-Мелле у подножия большого карниза. Пари один в двух веревках ниже. В 8 часов передовая связка на вершине второго карниза. Передаю по радиации в Базовый лагерь и в лагерь V подробности подъема. Посылаю пять шерпов частично эвакуировать лагерь III. Одновременно продолжают «челноки» между лагерем II и базой для эвакуации снаряжения.

В 10 часов связываюсь с Сеньёром, но питание его радиации не выдержало холода, и он может отвечать на мои вопросы лишь «да» или «нет» в соответствии с нашим обычным кодом: очень холодно... ветер довольно сильный... они в хорошей форме... и будут подниматься по юго-восточному гребню, на тибетскую сторону которого они вышли.

Я. С. [Яник Сеньёр]. Связавшись, на этот раз все трое, достигаем гребня японцев. Высота примерно 8050-8100м. Остановка. Связь по радиации. Топим снег, однако вода выпивается раньше, чем снег превратится в воду. Беру камеру и лишь одну кассету из трех. Оставляю радиацию. Забираем с собой лишь батареи, чтобы их согреть под пуховой курткой. Это позволит нам связаться с Робером при возвращении. Молоток и крючья для вертикального скального взлета между 8200 и 8300 м. Пуховая одежда и все остальное. Словом, рюкзак все же тянет 10-12 килограммов.

Снова в путь, на этот раз развязанными. Действительно, гребень стал легче, и каждый может идти своим темпом; останавливаться, когда нужно, не задерживая остальных. Что такое безопасность в этих условиях? Каждый из нас уверен в себе и в своих товарищах, стремится достичь вершины, но, главное, хочет вернуться целым и невредимым. Никакая победа не может оправдать траура и даже травмы.

Снежные склоны... скалы... как будто вырезанные пилой гранитные кубы, между которыми мы пробираемся. Хотя их геометрическая красота не оставляет меня равнодушным, я тем не менее подумываю о возможном биваке при возвращении, подмечаю где навес, где защищенную нишу. Осторожность

заставляет учитывать всевозможные случайности.

Р. П. В бинокль вижу их обоих в маленькой выемке гребня. На вершине образовалось опасное облако, однако оно вскоре исчезло. Долина закрыта морем облаков. 10 часов 30 минут. Начинаю беспокоиться. Я не вижу Пари, который должен был бы спускаться к лагерю VI. Сеньёр и Мелле все еще около выемки. Думаю, что они подкрепляются, так как вышли в 2 часа утра.

В 11 часов Макалу закрыт облаками. У меня связь по радио с базой. В 11 часов 30 минут облака рассеиваются, и я вижу, что Пари также в связке. При прохождении карнизов он был далеко сзади, значит, Сеньёр и Мелле его ожидали. Я надеюсь, что у них хватит кислорода на троих и продвижение не будет замедлено.

В 12 часов связка у начала вершинного взлета.

Я. С. Ну вот мы у подножия последнего серьезного препятствия: вертикальная стена красного гранита более 100 м высотой. Связываемся.

Мне кажется, что есть путь слева: Бернар и Жан-Поль уговаривают идти справа, где они видели кусок веревки. Я уступаю и нахожу, действительно, 12 м веревки, навешенной в прошлом году японцами. Несколько веревок подъема по скале со снежными пятнами, очень крутой и трудной. Тем более трудной, что я задыхаюсь. Еще веревка по сыпучему снегу на льду, и мы на вершине взлета. Я совершенно не могу дышать. Кислородный аппарат на этот раз совсем вышел из строя. Отключаю его и вдыхаю свежий воздух. Тут же следует колоссальное облегчение. И подумать только, что несколько часов я задыхаюсь под этой маской с нулевой подачей, а воздух так хорош, даже если в нем так мало кислорода!

Мы теперь на высоте 8300 м, Жан-Поль Пари без кислорода начинает уставать, а главное, замедляет темп. Он говорит мне: «Идите без меня, вы пойдете быстрее, время уже позднее». Он освобождает наши аппараты ото льда, и мы устанавливаем расход в 4 л/мин. Тут же нас охватывает чувство блаженства, и мы с Мелле устремляемся вперед. Нам кажется, что мы не ползем, как раньше, а мчимся семимильными шагами.

Р. П. В 14.00 связка видна на середине последнего взлета. Удерживается хорошая погода, шансы на успех велики, нервы напряжены до отказа.

Гийо сообщил мне по рации, что он в лагере III. Он очень устал и предпочел спуститься. Пари вчера вечером был в полном изнеможении. Я удивляюсь, что он присоединился к связке Сеньёр — Мелле, и у меня создалось впечатление, что он их задерживает. Уже поздно, очень боюсь, что им предстоит холодная ночевка при спуске со всеми вытекающими

Последствиями.

Я. С. Мы преодолеваем последние 170 м. Пологий снежный гребень, украшенный карнизами, нависающими над южным склоном; сланцевые плиты в виде черепиц, усеянные снежными пятнами, образуют покатый кулуар. Еще двадцать метров; еще десять метров. Внезапно я останавливаюсь, лишенный всяких сил, как будто во мне сломалась пружина. Может быть, резко упало нервное напряжение? Чувствую позади наступающего на пятки Бернара. Вершина, вот она, я уже на ней, и, однако, остается еще десять метров.

«Стой, — говорит Бернар. — Я сейчас вытащу камеру, сниму тебя на последних десяти метрах».

Бернар поражает! Мозги его работают настолько здраво, что он способен вспомнить о киносъемке!

Только пять метров по склону правильной пирамиды из твердого снега, увенчивающей последние плиты. Последнее усилие воли. Вершина.

Р. П. Алло, говорит Робер. Вызываю Базовый лагерь.

Л.Б. (Люсьен Бернардини). Слышу хорошо. Перехожу на прием.

Р. П. Слушай. Связка исчезла за скалистым гребнем, но они самое большее в десяти метрах от вершины. Значит, все кончено. Я их не вижу и рискую не увидеть до самой вершины. Боюсь также, что Яник не сможет связаться со мной по радио, если у него не хватит времени или сели батареи; сейчас 4 часа 10 минут. Я думаю, что через пять минут, то есть в 4 часа 15 минут, они будут на вершине, и если я не смогу связаться с ними и не смогу их увидеть, так как все же там есть что-то вроде заднего плана, то вершина, что же можно сказать... что она будет побеждена в 4 часа 15 минут. Вот всё, что я могу сказать. Но я все же попытаюсь связаться и буду держать вас в курсе.

— Алло, говорит Робер. Вы меня слышали на базе?

— Алло, говорит Робер. Вызываю Базовый лагерь.

— Алло, говорит Робер. Совершенно не слышу. Базовый лагерь. Прием..

Л. Б. Алло, Робер. Ты меня слышишь теперь? Это Люсьен. Прием.

Р. П. Теперь слышу. Что произошло? Прием.

Л. Б. Ничего. Просто сильные помехи, и мы переменили место, в связи с чем прервали ненадолго передачу. Не можешь ли ты повторить, что сказал; мы ничего не слышим. Пожалуйста, Прием.

Р. П. Сейчас слышу вас хорошо. А как вы? Прием.

Л. Б. Слышу прекрасно. Можешь говорить.

Р. П. Чудесно. Я говорил, что связка Мелле — Сеньёр была меньше чем в десяти метрах от вершины, но, к сожалению, там скалы, время от времени скрывающие их, и возможно, что я и не увижу, как они достигнут вершины. Сейчас 4 часа 10 минут. Думаю, что через пять минут они будут на вершине. Это означает, что 23 мая 1971 года в 4 часа 15 минут после полудня, ну что же... Макалу был побежден французами. Я понимаю, что говорю что-то несуразное, но я слишком доволен. Постараюсь держать вас в курсе, если их увижу. Прием.

Л. Б. Согласен, я шаю ...

Р. П. Но я плохо слышу, время от времени ничего не слышу, не двигайте вашу антенну, мать честная!

Л. Б. Алло, Робер, какие-то помехи, черт их знает, откуда, ничего не слышно. Прием.

Р. П. Это, наверное, гребень японцев такие пакости устраивает! Попытаюсь сейчас связаться с Яником. Мало ли что может быть! Алло, говорит Робер, вызываю Яника на вершине Макалу... Еще не отвечают, подождем...

Они на вершине! Они на вершине! Сзади них как раз снежное пятно.

Л. Б. Хорошо понял, Робер, они на вершине, ты это передал. Прием.

Р. П. Плохо слышу, вот хамство! Вы меня не слышите, о господа!

— Алло, говорит Робер. Вызываю Люсьена в Базовом лагере.

Л. Б. Алло, Робер! Сейчас наши рации барахлят и плохо слышно. Ты уж нас извини!

Р. П. Ладно, это не так страшно, но нервы у меня сегодня взвинчены. Это естественно или нет?

Л. Б. Да, Робер, но нашей вины тут нет, мы не двигаемся, а рация барахлит. Прием.

Р. П. Ладно, все в порядке. Постараемся быть вежливыми ведь все-таки все записывается. Так что вырезайте слишком сильные выражения:

(На заднем плане разговаривают шерпы.)

Р. П. Jumelles, please^[10] (к Франсуа Гийо).

— Ты их видел?

Ф. Г. [Франсуа Гийо]. Конечно. Они оба справа от вершины. Р. П. Алло, говорит Робер. Вызываю Яника на вершине Макалу. Слышишь меня? Отвечай! Если ты на вершине, нажми на кнопку...

— Алло, говорит Робер, вызываю Яника на вершине Макалу. Постарайся вытащить рацию... Боже мой!

— Алло, говорит Робер. Вызываю Базовый лагерь.

Л. Б. Алло, Робер, сейчас слышу тебя отлично, а ты меня

слышишь? Прием.

Р. Я. Слышно великолепно. Они остановились на вершине Макалу, я думаю, они крутят кино и снимают фото для Жан-Пьера и для нас, и догадаются наконец вытащить рацию. Сейчас в бинокль видно, как они машут руками. Потрясающе! Алло, алло! Яник!

Они явно жестикулируют, так как прекрасно видят лагерь II, однако вершина именно сзади, на снежном бугре высотой четыре, пять метров, и я думаю, что оттуда они попытаются связаться с нами по рации.

Л. Б. Алло, Робер, я все время на приеме, все время на приеме.

Р. П. Бинокль у Франсуа Гийо, и он мне все рассказывает. Я же не могу делать все сразу. У меня рация, магнитофон. Франсуа говорит, что они пошли на саму вершину, второй сидит сбоку. Думаю, снимает. Пока это все, что могу сказать. Франсуа мне подсказывает... Это поразительно!

Есть! Вершина! Один совсем наверху, на вершине Макалу, 4000... 8481 метр. Вот я теперь несу какую-то чушь! Есть! Есть! Голос шерпа: «Правильно! Один как раз на вершине, второй с камерой».

Р. П. Наконец! Вот уже три месяца, как мы карабкаемся по этой горе, и все только для того, чтобы Достичь вершины сегодня, 23 мая 1971 года, в 16 часов 15 минут. Потрясающе!

Я. С. Вершина. Снежный конус, который уже видел в 1955 г. всю команду Франко. В фирн воткнут ледоруб французской фирмы с японским флагом. Красный круг на белом фоне; хорошо видны написанные фломастером два имени: Ажима Танаки и Юши Осаки, дата: 23 мая 1970 г. Здорово! Они были здесь ровно год тому назад, день в день. Фото, камера, французский и непальский флаги. Запихиваю японский флаг в рюкзак, останется сувенир.

Погода очень ясная, над равнинами Индии муссон гонит море облаков, разбивающихся у наших ног и покрывающих долину Аруна. Лишь вылезают, как рифы, окруженные пеной, Канченджанга и Жанну. На севере лазурная синь, небесная синь, пастельная синь, вереница тибетских плато. И кортеж сказочных вершин: Эверест, Лхоцзе, Лхоцзе Тар, Канченджанга, Жанну. Вершины побежденные или готовые сдать. Южная стена Лхоцзе, восточная стена Эвереста с ее тремя ребрами, юго-западная стена Эвереста, где Хэстон и Уилланс в этом году продвинулись ненамного выше, чем японцы во время прошлогодней попытки^[11]. Зачем строить новые планы? Неужели ты не удовлетворен своей победой, безумец, который в погоне за идеалом никогда не будет

полностью удовлетворен?

Нужно ли идти еще дальше, до этих затерявшихся на горизонте вершин? Они так далеки, так далеки, что я не могу даже их распознать... триста, четыреста километров? Разве не хватит тебе сидеть здесь, на вершине мира? Да, на вершине мира, так как в силу странной оптической иллюзии у нас впечатление, что мы не только видим все вершины, но и находимся выше их, даже выше самого Эвереста, который здесь, совсем рядом, не более двадцати километров по прямой. А он ведь на самом деле превышает нас более чем на четыреста метров.

Погода восхитительна: холодно, очень холодно (термометр внутри рюкзака показывает -25°C), но ветра нет. Чувствуем себя хорошо; я снял свои толстые перчатки, оставив лишь шелковые. Болит только нос, распухший, обожженный ветром и солнцем, так как влага выдыхаемого воздуха замерзает в ноздрях, закупоривая их льдом. У меня такое чувство, что меня наградили каким-то чудовищным придатком, который того и гляди лопнет. Таким же придатком украшен и Бернар.

Да, нам хорошо. Счастлив ли я? Или просто рад? Я не могу ответить. Что я знаю наверняка — это то, что мы оба не торопимся спускаться. Испытываем ли мы удовольствие? Да, без сомнения. Мы так давно ждали этой минуты. Сильнее всего чувство колоссального облегчения. Мы выполнили наш Долг. Энтузиазм, наверное, будет позже... когда мы вновь встретимся с друзьями в нижних лагерях; Робер... он будет доволен, ведь мы ему обещали. Что обещали?

Время бежит. Мне казалось, что прошло не более четверти часа, как мы достигли вершины. В действительности сейчас уже 5 часов! Нужно думать о спуске. Нужно... Нужно... Как утомительны все эти обязанности! Утомительно думать, шевелить мозгами, утомительно думать обо всем, что надо делать. Только представить себе, что космонавты, высадившись на Луне, должны еще думать о том, чтобы собрать какие-то камешки!

«Слушай, Яник, — говорит Бернар, указывая на восточный гребень, по которому поднялась экспедиция 1955 г., если бы была пара лыж?»

По сравнению с нашим ребром у гребня вид совсем мирный. Какая эволюция! Как прогрессировала техника за 16 лет!

«Взгляни на южную стену Лхоцзе, Бернар. Когда туда двинем?» Мы никак не кончим смотреть во все стороны... Мне не хочется думать. Только впитывать образы, накопить воспоминания в максимальном количестве с максимальной скоростью. У меня была мечта по имени Макалу. Возникают уже другие желания, и я им даю имена: Лхоцзе, южная стена, Эверест,

восточная стена. Ох эти ребра! Может быть, без кислорода, почему нет в конце концов? Хотелось бы знать, о чем ты думаешь, Бернар? Может быть (еще одно «может быть»), мы оба глубоко счастливы, но не способны это осознать, а тем более выразить словами.

А наша способность стремиться к новым приключениям, едва достигнув вершины, которую так долго ждали! Может быть, это вовсе не выражение неизлечимой ненасытности, которой нас иногда попрекают, а в конце концов именно квинтэссенция нашего наслаждения?

Давай, Бернар, пошли; впереди еще трудная дорога, и Панама нас ждет. Тело и разум действуют с одинаковой медлительностью. Собираем несколько камней в двух-трех метрах под вершиной и начинаем спуск.

Р. П. 23 мая 1971 г. в 16 часов 15 минут на вершине, потрясаяще!

Л. Б. Алло, Робер, я тебя слышал, хорошо слышал, ты прервал связь? Прием.

Р. П. Да, мне надоело нажимать на кнопку. Хочу взглянуть в бинокль. Не возражаешь? Секундочку... да-да, они оба наверху. Они фотографируют. Я только что их видел.

— Алло, говорит Робер, вызываю Базовый лагерь. Л. Б. Робер. Базовый лагерь тебя слышит на все сто. Прием. Р. П. Прекрасно! Оба на вершине. Без сомнения, это Яник Сеньёр и Бернар Мелле. Пари остался ниже, довольно далеко от вершины, но я его не вижу.

Они сейчас оба на вершине, наверное, снимают фото и кино. Если они счастливы, то я также. Я поклялся сбрить усы, если экспедиция будет успешной. Клянусь, сделаю это немедленно после спуска в Базовый лагерь. Никаких вопросов! Для меня это чудесный день, я очень доволен, что пришлось руководить этой командой. Между нами говоря, ведь они отхватили здоровенный кусище Гималаев. Не правда ли? Это потрясаяще!

Не нахожу слов, вот чудеса! Прошу меня извинить, я в трансе, я слишком взволнован, чтобы говорить. Ожидаю, что Яник попытается связаться со мной. Попробую еще раз.

— Алло, говорит Робер, вызываю Яника на вершине Макалу... Яника и Бернара, само собой! Алло, Яник, алло, Яник, вытащи рацию из рюкзака! Алло, пробую еще раз вызвать вершину. Алло, Яник, ты меня слышишь? Если твои батареи сели, нажми на кнопку, мы услышим гудение. Говори, Яник. Алло, я знаю, что тебе некогда, но все же попытайся связаться со мной! Я тебя вижу из лагеря II:

— Люсьен, он пока не отвечает, но все равно... это

потрясающе. Прием.

Л. Б. Хорошо. Я все слышал, Робер, это чудесно для нас и для всех. Прием.

Р. П. Ладно, Жан-Пьер, возьмите бинокль и взгляните, что они там делают, передаю бинокль Гийо.

(Долгое молчание, невнятные голоса шерпов.)

Л. Б. Алло, говорит Базовый лагерь. Ты меня слышишь? Если слышишь, отвечай.

— Говорит Базовый лагерь, говорит Люсьен., Ты меня слышишь?

Р. П. Алло, говорит Робер. Вызываю вершину Макалу, Сеньёра и Мелле...

— Алло, Люсьен в Базовом лагере, ты меня слышишь?

Л. Б. Я тебя слышу все время на все сто. Робер, я пытался вызвать Яника, он не ответил. Прием.

Р. П. Понял, ладно, слушай меня. Во всяком случае они наверняка без рюкзаков, они не взяли рюкзаки, они оставили их у подножия вершинной пирамиды... Это значит, что они, конечно, забыли взять рации, и не стоит мечтать о связи. Я сделаю еще попытку, и можно бросить. Но так или иначе... Это Западное ребро с этим взлетом, таким же высоким, как говорил Моска, как ребро Френей и не менее трудное, и это на 8000 метрах! Я думаю, что это самая крупная победа, одержанная до настоящего времени в Гималаях, и, не хвастаясь, думаю, что это правда. До сих пор в Гималаях поднимались на вершины, на трудные, без сомнения, побеждали восьмитысячники, но, чтобы посметь замахнуться на Западное ребро Макалу, нужно быть титаном... Прием.

Л. Б. Это колоссально для всех. Прием, О, я говорю с трудом, я слишком взволнован. Прием. (Длительная пауза. Голоса шерпов на заднем плане.)

Р. П. Я тоже не могу говорить...

— Алло, Люсьен в Базовом лагере ты меня слышишь? Прием.

Л. Б. Слышу. Прием.

Р. П. Отлично. Так вот, сейчас 4 часа 25 минут. Вот уже десять минут, как они на вершине, я еще не знаю, чем они заняты, наверное, снимают кино и фото, и я надеюсь, что снимки будут хорошими. Прием.

Л. Б. Понял, понял, Робер.

Р. П. Ладно, теперь надо, чтобы они спускались побыстрее, но, к сожалению, мне кажется, что им предстоит холодная ночевка... Это все же очень опасно... Выше 8000 метров и, вероятно, без кислорода, так как я не думаю, что взятых баллонов достаточно, чтобы обеспечить дорогу в оба конца. А кроме того,

есть все же Пари, который сидит в каком-то углу и ожидает. Я не думаю, что он теперь может спуститься один. Прием.

Л. Б. Я прекрасно понял, но я верю в них, не стоит тревожиться, а главное, если у Бернара затронуты руки, знаешь, я думаю, что они ускорят спуск, с тем чтобы вернуться в лагерь VI во что бы то ни стало. Прием.

Р. П. Это твое мнение, понятно, но не столько они решают этот вопрос, сколько время! Сейчас уже четыре с половиной часа, и времени в обрез. Вот уже четверть часа, как они на вершине. Оба по-прежнему стоят неподвижно. Не понимаю! По-видимому, они там кейфуют, и мне даже начинает казаться, что они сейчас расставят там палатку. Сногшибательно, не правда ли? Слушай, Люсьен, Ребро, которое ты называл невозможным, оно сделано. Ладно... Не могу больше говорить. Франсуа, скажи, они все еще на вершине? Да, они по-прежнему на вершине, сейчас без двадцати пяти пять, уже 20 минут, как они там, им там нравится! Но я все же очень бы хотел, чтобы они спускались, меня беспокоит спуск. Экспедиция закончится, когда я увижу здесь Бернара, Яника, Пари и Жакоба, которые все еще в верхних лагерях.

Л. Б. Я хорошо понял и тоже очень хочу, чтобы они были здесь. Прием.

Р. П. Хорошо. Пока что я надеюсь, что в Базовом лагере вы откупорили оставшиеся две-три бутылки? Оставьте немного для победителей. Прием.

Л. Б. Не беспокойся, шампанское еще не открывали. Сделаем это теперь... Весь народ здесь, вокруг рации, все страшно довольны. Прием.

Р. П. Представь себе, я тоже...

Голос Жоржа Пайо, следящего за разговором в Базовом лагере:

— Слушай, я думаю, они уже полчаса там, надо бы спускаться, а то это становится уж слишком! Что они там прохлаждаются?

Р. П. Ты знаешь, вот уже три месяца, как мы на этом Ребре. Они думают, по-видимому: «В конце концов можно же потратить несколько минут наверху. Ведь для этого мы сюда приехали».

Я думаю, что именно такой вопрос задает себе Яник.

— Алло, Яник, рация с тобой? Если она плохо работает, нажми на кнопку, чтобы показать, что ты слушаешь. Прием.

Р. П. Алло, говорит Робер в лагере II. Вызываю Базовый лагерь. Алло, Люсьен, говорит Робер... Алло, Люсьен, вызываю тебя...

Л. Б. Алло, говорит Базовый лагерь. Алло, Робер, тебя понял.

Прием.

Р. П. Ну куда ты опять пропал? Прием.

Л. Б. Мы вернулись в палатку, решили, что ты сделал паузу. Прием.

Р. П. Нет-нет, я продолжаю. Они все еще на вершине. Вот уже полчаса, как они там, и, по-видимому, не собираются спускаться. А вы, вы не видите вершины? Под нами целое море облаков. Как это... подтвердилось? Прием.

Л. Б. Нет, ничего не видно с середины дня. Прием.

Р. П. Ну что же... А? Они начинают спуск! Сейчас точно 16 часов 47 минут. Ты меня понял? Прием.

Л. Б. Понял хорошо, Робер, 16 часов 47 минут, они начинают спуск. Прием.

Р. П. Хорошо, теперь я могу только пожелать, чтобы спуск прошел нормально. Для меня экспедиция еще не закончена. Она кончится лишь тогда, когда все будут в Базовом лагере.

Л. Б. Вполне согласен с тобой...

Я. С. На обратном пути вновь встречаем Жан-Поля Пари. Сколь длинными должны были ему казаться эти часы и как обидно за него: ведь он был так близко от вершины! С веревкой, которую мы ему оставили, он устроил первый дюльфер в левой части взлета. У нас нет больше кислорода, и мы выбрасываем баллоны. Первый дюльфер, крюк, второй дюльфер... На этой почти отвесной стене, повисшие втроем, на одном крюке, с рюкзаками за спиной, выбирая размеренными движениями веревку, мы чувствуем себя неуклюжими, как новички. Спуск продолжается. Мы находим наше снаряжение у того места, где гребень Ребра сливается с юго-восточным гребнем. И там же рация, снова работающая. Как приятно слышать голос Робера: «Главное, будьте осторожны! Вы устали и скоро наступит темнота!»

Ночь нас застает точно в тот момент, когда мы добираемся до первой навешенной веревки. Мой налобный фонарь сломался, и мне придется спускаться, держа фонарь в зубах! Дай бог вам счастья, тебе, Жорж, и тебе, Галка, навесившим эти веревки три дня тому назад, когда выход из строя ваших кислородных аппаратов преградил вам путь к вершине! Без вас, без вашего беспримерного чувства товарищества (вот что такое Гималаи!), без вашей ариадниной нити что было бы с нами?

Наконец в 22 часа мы вновь в нашем лагере VI, кажущемся мирной гаванью. Мы его покинули двадцать часов тому назад!

В лагере II сверкает звезда. Шерпы разожгли гигантский костер, наверное чтобы отметить нашу победу.

Завтра мы будем в лагере V, где нас ждет Жакоб. Затем

лагерь II, где нас встретит Параго. И наконец, Базовый лагерь и все товарищи. Конец эпопеи.

В ОБЪЯТИЯХ РАДОСТИ И ГОРДОСТИ, В ТИСКАХ ТРЕВОГИ

Последние угли зажженного шерпами костра темнеют и потухают. Правильнее было бы сказать, что это был не костер радости, а конкретное выражение их облегчения. Они собрали для этого костра все бумажки, валявшиеся между палатками, все обломки ящиков; они чувствовали, что теперь все кончено, что они вновь вернутся к семьям, к своим селениям. Гийо, Маршаль и я, мы болтали без конца в общей палатке и наконец разошлись «по домам».

Спят ли мои два товарища? Не знаю. Что касается меня, я не сплю и знаю, что сон придет не скоро. Все мое «я» разрывается между законной радостью и гордостью этой победой (все другие экспедиции отступили) и тревогой, потому что экспедиция закончится по-настоящему лишь после возвращения всех в Базовый лагерь. Трое восходителей, двое с вершины и Жан-Поль Пари, еще наверху. Если бы какой-нибудь добрый гений мог бы завернуть их в вату и доставить сюда! Я не хочу теперь, чтобы они подвергались малейшему риску. Это снаряжение, лагеря на ребре, километры навешенных веревок-зачем их собирать? Зачем рисковать? Палатки, поврежденные ветром, веревки, истертые о гранит... Да будь они даже новыми, они не стоили бы опасностей, которые нам угрожают, если начнется непогода, и еще больше, если начнется спад психологического напряжения (после восхождения) С чем надо считаться — так это с человеческими жизнями.

Спать? Исключительное напряжение этого дня было для меня слишком большим испытанием. Одной лишь радости хватило бы для обеспечения бессонницы. Это как озарение. Я чувствую себя освобожденным, освобожденным от тисков, которые меня душили, лишали воли, давили до невообразимой степени. Только теперь я сознаю, насколько я был угнетен в течение всей экспедиции. Как будто внезапно открылся предохранительный клапан.

Хотелось бы мне знать, что каждый из моих товарищей в сущности думает? Испытывают ли они радость? Радость, подобную моей, или только облегчение? Счастливы ли они нашим успехом или разочарованы тем, что не были на вершине, что у них нет больше шансов попасть туда в последующие дни? Так как попытка связки Мелле — Сеньёр — это действительно последний патрон. Представляю себя на их месте. Однако по

сравнению с ними у меня некоторое преимущество. В то время как, за редким исключением, все альпинисты являются непримиримыми индивидуалистами, я хорошо сознаю именно потому, что я отвечаю за экспедицию, что наша победа-это командная победа. Это чувство коллективной победы схватывает меня значительно интенсивнее, чем во время любого восхождения, в котором я до сих пор принимал участие. Причем участие самое полное, так как каждый раз я достигал вершины. Но я не был начальником экспедиции.

Я не хочу, чтобы кто-либо из моих друзей чувствовал себя обойденным. Если завтра или позже кто-либо будет себя спрашивать: был ли я на своем месте? Все ли нужное я сделал, чтобы взойти на вершину?! Неужели я был менее достоин, чем Сеньёр или Мелле? Если я не добрался до вершины, не потому ли это, что я действительно был никуда не годен? — я скажу ему тогда, что он не прав, что он был на своем месте, что он великолепно выполнил свой долг.

Я не хочу, чтобы на некоторых лицах можно было прочесть чувства, обуревавшие меня при возвращении из той или иной экспедиции. Я не хочу вновь наблюдать такое возвращение в Орли: начальник, оторванный от своих людей, запертый в маленькой отдельной комнате с журналистами, с цветами, с речами; и товарищи, забытые, ничтожные, оказавшиеся в роли бедных родственников, говорящие: «Ладно, ну что ж, наши жены нас ждут, до свидания...»

Четыре, пять месяцев волнующих переживаний, чтобы прийти к такому унижению! Какой жалкий конец! Конечно, я скажу журналистам, что Яник и Бернар были на вершине, что Яник показал потрясающую мощь, что он был ударной силой нашей экспедиции; но его победа (он и сам отлично это знает), я скажу, я буду повторять без устали, была суммой усилий всех без исключения, тесно связанных со всеми ударами молотка, всеми приступами кашля, обморожениями, бессонницей, этих шагов, прибавленных к предыдущим шагам, гнева, отчаяния, голода, со всем, что было нашими буднями, с хлебом, солью, медом и желчью наших дней. Рука Пайо, когда он забивал крюк для навесной веревки над лагерем V, рука Бернара и Яника, держащая флаг на вершине, — это одна и та же рука. То же самое для Моска, то же самое для Пари, то же самое для всех.

Я хотел бы иметь возможность немедленно сообщить об этой коллективной победе всем тем, кто верил в нас. Конечно, моя благодарность не считается с иерархией: скорее сумбур царит в моем усталом мозгу. Но все же прежде всего я думаю о Люсьене Деви. Он всегда верил в наш успех, он жаждал этого успеха с

самого момента зарождения идеи, несмотря на всевозможные трудности, наибольшие из всех, какие пришлось ему преодолевать при организации экспедиций. Без его страстного упорства, без постоянной помощи Гималайского комитета в целом мы бы даже не выехали из Франции.

Смог бы я уехать, если бы меня не понимала моя жена Франсуаза? Ее вера абсолютна. Анды или Гималаи — во всех экспедициях она всегда была рядом со мной. Все так просто... Я буду отсутствовать некоторое время, а потом я добьюсь успеха, а потом я вернусь. Она знает достоинства Берардини, она довольна, что он со мной. Мы давно уже ходим вместе, ничего с нами случиться не может.

А Вы, терпеливая мадам Морган, неутомимый секретарь? Как мы злоупотребляли Вашей услужливостью, растягивая Ваши рабочие вечера до неурочных часов! Это экспедиция, которую Вы переживали с энтузиазмом, Вы ожидали ее исход с обычным Вашим спокойствием и все же боялись в душе неудачи, которую Вы переживали бы, как свою собственную. Так вот, будьте счастливы, мы добились успеха.

А ты, Сеги?! Покинув в очередной раз свою жену Франсуазу в Катманду, ты прилетишь в Базовый лагерь, ничего еще не зная; я так и вижу тебя, удобно устроившегося на сиденье, улыбающегося, с блестящими глазами, когда ты выключаешь турбину. Ребята решили устроить хохму, ни слова не говорить, но ты уже догадался. Здесь же находятся и журналисты, которых ты сегодня увозишь с собой. Они так же довольны, как и мы, успехом. Это немного и их успех. Они так интенсивно переживали последние дни Макалу! За месяц, проведенный с нами, они вжились в экспедицию. Эти ребята, которые, за исключением Жана Крейзе, прошедшего в Альпах несколько неплохих маршрутов, об альпинизме не знали ровно ничего, выбрали Гималаи для знакомства с горами! О, конечно, они прочли пару рассказов, составили себе кое-какое, представление. Но перенестись одним махом на 4900 м и прожить там месяц, надрываться до полусмерти, чтобы просто пройти сотню метров по морене вокруг лагеря, — это совсем другое дело.

Вы тоже будете довольны, парни из экспедиции 1955-го, с которыми мы виделись перед нашим отъездом: Франко, Маньон Бордэ, Виалат. Да, вы верили в меня, верили в нас, но в ваших глазах можно было прочесть то, о чем умалчивал ваш язык. Это Ребро, вы его видели, долго изучали. Невозможно, практически непреодолимо... они потерпят поражение. Вот что вы думали но были настолько тактичны, чтобы этого не говорить, и я вам признателен^[12].

В Катманду также должны с беспокойством ждать сведений об экспедиции. Все, кто нам помогал: новый посол Франции только что прибывший в Непал, консул Омнэ, секретари посольства, вся французская колония, врач Сула и его милая супруга Они наверняка думают о нашей команде, висящей где-то на этом Ребре, когда все другие экспедиции повернули вспять. Они знают, что мы очень близки к успеху, но ведь бывали экспедиции терпящие поражение менее чем в ста метрах от вершины.

Франция, Париж. Какая погода сейчас в Париже?! Я вновь увижу утренние и вечерние оживленные улицы, вновь буду совершать ежедневный пробег на мопеде на работу, увижу моих коллег, которые скорее просто друзья, а не коллеги; увижу своих боссов. Мне хотелось бы, чтобы все мои товарищи по работе в Париже узнали: 23 мая 1971 г. Мелле, Сеньёр, две крошечные красные точки, были на вершине Макалу, на 8481 м. Все слышали о нашем мероприятии, о его исключительном характере все переживают его вместе с нами. Что же касается моих начальников, генерального директора М. Мора, то они уже привыкли — я в шестой раз прошу отпуск! Как я признателен за их понимание! Они сумели за служащим разглядеть человека; они поняли глубокое значение этого необычного предприятия не только для меня, но и для всех наших сотрудников, начиная с самого скромного клерка до руководящих лиц. Этот Параго, он мог бы вполне удовлетвориться участием маленького спокойного бумагомарателя, ведущего спокойную жизнь среди других спокойных бумагомарателей, спокойно ожидая, чего? Мирных воскресений... продвижения по службе и пенсии?! Ничего не поделаешь. Они помогают мне быть человеком, и я благодарю их от всего мужского сердца.

Но как будто через полотнище палатки проникает неясный свет... Да, короткая ночь промчалась так, что я даже не заметил. Светает. Скорее, скорее, пуховую куртку, штормовку, рукавицы, и в ледяном свете зари я ищу наверху, в бинокль, три красных силуэта. Нет никого. Маршаль и Гийо тоже вылезли из палаток. Солнце поднимается из-за окаймленного холодным золотом гребня японцев; далее — глубины ледника Барун, еще покрытые синими тенями. На вершине Шамланг, затем на пике 4 появляются маленькие блестящие шапки. По-прежнему никого! Я же им говорил вчера: не задерживаться. Снова где-то в глубине зарождается тревога. А! Вот они! Как медленно они идут! Туда-сюда, честное слово, они прогуливаются! Спускайтесь же! Господи, не теряйте времени! Нет, они не прохладятся. Приглядевшись, я понимаю, что они работают фото- и

кинокамерами. Ребята, которые только что затратили такие колоссальные усилия, озабочены тем, чтобы принести максимум информации об этом восхождении!

Медленно проходит утро. Наступает полдень. Все вершины вокруг нас купаются в ослепительном сиянии. Еще час, два... И вот три силуэта вырисовываются на гребне первого Близнеца. Пойдем, Жак, им навстречу.

Я хотел бы бежать, подняться возможно выше, чтобы их встретить, преодолеть бегом маленький подъем, ведущий к подножию первого Близнеца. Но склон довольно крутой, мы на 6000 м. Дыхания не хватает, сердце бунтует, я останавливаюсь. Осунувшиеся лица со следами кислородной маски. Улыбка до ушей.

— Бернар, как твои руки?

— Нормально, никакой драмы.

— А ты, Яник?

— Руки в порядке, а вот с ногами хуже. Думаю, ничего серьезного, однако при ходьбе скажется!

Жан-Поль Пари хромает изрядно. Видно, ноги пострадали сильно.

— Сейчас посмотрим, — говорит док. — А как лицо, не болит?

Несмотря на торжественность момента, на охватившее нас волнение, мы не можем удержаться от смеха. «Ну, Панама, твое лицо — рекордсмен!» Треснувшая кожа, распухший нос, раздутые губы. Лицо удвоилось в объеме.

Они уселись на редкие выступающие из снега камни, чтобы снять кошки. Я смотрел на них, борясь изо всех сил с выступающими слезами. Черт возьми, не станешь же ты плакать! Да нет, кажется, я все же всплакнул.

Все вместе мы спустились к общей палатке. Они тяжело рухнули на сиденья. «Боже! Как хорошо сидеть», — сказал Сеньёр. Мы пили, ели. Яник не утратил своего феноменального аппетита. И мы говорили, говорили без конца, говорили бессвязно, переживая последние моменты счастливого дня 2.3 мая, когда так кстати вернулась хорошая погода.

— Вы понимаете, как вам зверски повезло?! Прошло уже два месяца, как мы пришли в лагерь II, и вам достался наилучший день!

— Да, и добавь: не было ветра.

— Что ты подумал, Яник, когда добрался до вершины?

— Был просто блеск. Роскошная погода, не холодно. Видны были все вершины, дышать было нетрудно, и мы сняли маски. Сделали много снимков; для кинокамеры я взял лишь одну

кассету.

— Гребень Франко видели?

— Последний крутой склончик не виден, а так... ишачья тропа^[13]! Большой ледник, идущий к Чомолонзо, затем снежный склон со скальными вкраплениями. Гребень японцев неплох. Шикарный перепад отмахали они в последний день!

— А ты, Бернар, твое первое впечатление? Бернар спокойным голосом:

— Никакой особенной радости. Я думал о фото и о кино.

— О нет! — Перебивает Сеньёр. — Это все же не так! Не безумная радость, конечно, потому что ты очень устал. И потом ставка была слишком высокой, мы не смогли ее правильно оценить.

— А ваше мнение теперь?

— Я нахожу, что все немного затянулось, — говорит Бернар, — Словом, когда вернусь домой, буду очень рад.

— Хорошее восхождение, — продолжает Яник, — комбинированное сперва, затем скальное, приятный маршрут по гребням. Я невольно привскакиваю.

— Для тебя это просто хорошее восхождение?

— Великолепное восхождение!

— Ты не отдаешь себе отчета, что это наверняка одно из крупнейших достижений в Гималаях!

— Э-э... это должно быть самое лучшее, самое трудное в мире восхождение.

— Ну, в этом не может быть сомнений. Я в этом уверен, и я знаю, о чем говорю! Несокрушимый Яник!

Я обращаю внимание моих трех друзей на то, что у них на лице написано, какую гигантскую работу они провели.

— Вершина все же вас пометила. Намного сильнее, чем за последние дни.

— Пожалуй,-соглашается Сеньёр,-мы здорово устали.

— Ай-ай-ай! Мсье Сеньёр (не могу отказать себе в удовольствии подразнить его). Мсье Сеньёр признает, что он устал. Впервые слышу такие слова за все время экспедиции!

Мы говорим о снаряжении, которое решили бросить, о палатках, о веревках, считаем и пересчитываем длину навешенных перил. Пять тысяч, шесть тысяч метров?

— Когда спускаешься сверху, — говорит Мелле,-этим веревкам конца нет. Спускаешься, спускаешься, спускаешься, километры! После всех расчетов точно 5890 метров.

Счет ведется также обморожениям и травмам. Жан-Поль Пари, разувшись, меланхоличным взором любит свои больными ногами.

— Ты чувствуешь большой палец?

— Чувствую, колет.

— Значит, живой. Но лучше Нам не задерживаться. С такими ногами вы еще завтра идти сможете, а дальше, поверьте... Поэтому возможно быстрее в Базовый лагерь! Вы сможете вволю отдохнуть, а у нас будет время подумать и принять решение. Пора отсюда уходить.

Таким образом, завтра, 25 мая, мы покинем этот лагерь II, где мы пережили так много напряженных, драматических, тревожных, радостных часов, и направимся в Базовый лагерь. Первый этап возвращения.

МИФ О ПРОМЕТЕЕ

Погода по-прежнему хорошая. Всюду солнце: на окружающих вершинах, на Ребре, вокруг нас, в нас. Мы спускаемся в Базовый лагерь медленно, не торопясь, потому что ноги Жан-Поля Пари причиняют ему тяжелые страдания. Потому что нам нравится такое расслабление, тотальное, моральное и физическое (даже боль в боку, которая так сильно меня мучила наверху, на гребне Близнецов, как будто утихает). Потому что мы счастливы и не хотим (более или менее сознательно) укорачивать эти драгоценные часы. Не то же ли невысказанное желание побуждает меня идти последним?

У языка ледника, на песчаном пляже перед палатками, нас ожидают: Берардини, конечно, с кинокамерой в руках, Крейзер и команда телевидения, Клеман, Янссен, Матюрен. Для них это великий день, конец длительного и трудного ожидания, которое с такой же вероятностью могло бы окончиться впустую. На их лицах также написана радость. И начинается немедленно церемониал интервью: вопросы, ответы, магнитофон, камеры... О! Мы весьма корректны, почти чопорны. Вся Франция нас увидит и услышит. А нам так бы хотелось дать волю разрядке, кричать, вопить от радости. Наконец вопросы окончены, запись ответов тщательно уложена в коробку для далеких слушателей, сняты последние портреты бородатых победителей, и мы можем отдаться эйфории. Пробки летят в потолок, и еще, и еще пробки... «За твоё здоровье, старик!.. За будущую!.. (уже планы)... Смотри, Робер, трава, зеленая трава!» Да, тут и там проглядывают травинки; птицы, много птиц летают вокруг лагеря; трава и птицы весны. Как будто природа, присоединяясь к нашей радости, дарит нам образы возрождения, нам, которые в течение долгих недель знали лишь снег, лед и голые камни. А затем мы пировали на банкете; в меню фигурировало свежее мясо, принесенное первыми носильщиками из Седоа; в приюте-кухне праздновали шерпы, и арака лилась рекой. Мы курили сигары, мы пили еще и говорили, говорили, говорили, так как алкоголь развязывает языки, а затем, так как он же со временем их и связывает, тонус понемногу снижался, глаза начали моргать. Мы разошлись и стали спать. Как сурки.

Блистательным утром мы возвращаемся к забытым действиям и удовольствиям: длительные умывания в холодных водах Барун Кхола, полуголые тела, с готовностью выставленные на солнце. Прилет вертолета отрывает нас от безделья. Приятно видеть радость Бернара Сеги. Еще приятнее шампанское, привезенное им

из Катманду. Предвидение? Подсознательное желание предотвратить злой рок форсированием обстоятельств? Смелое выражение веры в нас, разделяемой всеми нашими друзьями? Такой оптимизм трогает нас до глубины души.

Прежде чем он улетит и возьмет с собой команду журналистов, явно довольных возвращением к цивилизации, Пари и я вместе с Сеги составляем план эвакуации. Нашей первой заботой является избавление Мелле, Сеньёра и, главное, Пари, сильно страдающих от своих обморожений, от длительного, трехнедельного марша до Биратнагара. А впрочем, почему бы и другим не воспользоваться удачей? Хватит двух рейсов. Возвращение снаряжения не должно встретить непреодолимых препятствий.

Действительно, приходят новые группы носильщиков. Поскольку последней датой для нашей попытки мы установили 23 мая, я не стал дожидаться гипотетического успеха и послал шерпов для вербовки в районе Седоа всех имеющихся носильщиков для обратного пути. И вот они здесь в назначенный день, 26 мая. Управление ими мы доверяем нашему офицеру связи Тхапа, деловитость и трудолюбие которого мы хорошо знаем, и моему шерпу Анг Тембе, который проявил на Ребре поразительные качества скалолаза и организатора. Наш первый сирдар Нгаванга не справился с возложенными на него обязанностями и не пользовался авторитетом. Шерп Нгати, которому мы отдали роль, если не функции второго сирдара, был гораздо лучше, но он плохо переносил высоту и в процессе восхождения часто болел.

К счастью, у нас был Анг Темба. Простой «местный носильщик» в экспедиции 1955 г., скромный, услужливый, он в высотных лагерях открыл по-настоящему свои таланты. Лишь он и Пема, шерп Пайо, поднялись в лагерь VI. Его воля, его чувство ответственности на уровне его физических достоинств. И к тому же он говорит по-английски. Теперь слишком поздно, чтобы ему официально вручать звание сирдара, но я передам ему эти функции. Перед другими шерпами и офицером связи я торжественно поручаю ему обеспечение эвакуации снаряжения. Я знаю, что с этого момента его престиж в глазах товарищей прочно утверджен. И я уверен, что он не разочарует нас.

Итак, мы уславливаемся с Сеги, что он завтра возвратится за нами и за три рейса доставит до Луклы (это местечко с последней площадкой для легких самолетов расположено в долине Дудх Кози, к западу от долины Аруна и примерно в 150 км по прямой от Катманду). Не успел «жаворонок» улететь, как мы начинаем готовить багаж; выбираем между полезным и необходимым, так

как для проживания в Катманду можем взять с собой лишь строгий минимум. Нужно также подумать о грузах носильщиков, взвешивать их и нумеровать. Быстро проходят часы, затем ночь, затем еще целый день...

Сеги не прилетел. Здесь погода хорошая, а ниже? Муссон совсем близко, и с юга на горизонте виднеется фронт мрачных туч, захватывающих постепенно все небо Непала. Мы продолжаем собирать максимум снаряжения, думая о будущих гималайских экспедициях. Даже хижина, и та разобрана. Еще одна ночь, третья после нашего возвращения в Базовый лагерь. Нет, видно, Сеги не прилетит. Возвратимся пешком, как все прочие.

И вот 28-го утром, когда весь лагерь еще спит, раздаются знакомые звуки: «плаф-плаф!» Спящие выскакивают из палатки как ракеты. Скорее багаж, скорее посадка! Первая партия: Жаже, Гийо, Маршал, Мелле; затем вторая: Пари, Сеньёр и начальник экспедиции. Начальнику малость неловко, он предпочел бы отбыть последним.

— Итак, Жорж, обо всем договорились? Ты летишь с Бобом, Галкой и Люсьеном. Если случайно вертолет не сможет вернуться (кто его знает как с муссоном), ну тогда!.. Ждете здесь день, два, максимум три, и дальше ждать не стоит, мы уходим. Вас возьмут попозже в Биратнагаре. — Хорошо!

Я улетаю спокойно. В случае чего разберутся сами. В Лукле находим первую группу. Или, вернее, одного Маршала, так как Жаже, Гийо и Мелле успешно применили авиастоп и воспользовались самолетом, увозящим последних членов международной эверестской экспедиции. Это значит, что не прошло и четырех часов после бурного пробуждения в Базовом лагере, как они уже вкушают прелести Катманду.

Бернар, не задерживаясь, вылетает за третьей группой, а мы спокойно ожидаем на взлетной полосе в Лукла. «Жаворонок» возвращается. Он еще не сел, а мы уже видим, что пилот в одиночестве. Он не смог преодолеть облачную стену, замкнувшуюся за нами. Что делать? Уже поздно, и вряд ли можно рассчитывать на новый полет в Базовый лагерь. А главное — мало горючего. Итак, мы втискиваемся впятером в кабину. А через пару часов, не более, Сеги высаживает нас в Катманду, немного ошалевших от резкого перехода менее чем за три дня от битвы на Ребре к роскоши, комфорту и суеде столицы.

Приемы, фото, журналисты... Почта из Франции, телеграммы, посещение посольства. У нас еще будет время пресытиться городской жизнью в течение долгих трех недель, пока мы будем ожидать возвращения запоздавших друзей, ничего не зная об их судьбе и с каждым днем все более тревожась. Я не знаю,

действительно ли виновата эта тревога? Но груз обязанностей и принуждений, по мере того как проходят дни, сильнее сказывается на мне, чем удовольствие. И я не узнаю уже более города, где когда-то было так хорошо, Катманду золотого века.

Дорога доходит теперь до самого Катманду, а вместе с ней ее блага и неприятности, автомобиль и туризм. И непальцы теперь могут оценить все прелести красного сигнала светофора, автомобильных пробок, дыма грузовиков и очередей у бензоколонок, как во Франции в 1968 г., когда «события» закрыли краны. Здесь -это муссон, который сегодня закрыл дорогу, это оползни и вышедшие из берегов реки. В галстук из тергаля или в национальном головном уборе топи лишенный бензина автомобилист испытывает одинаково глубокое чувство обиды и проклинает все на свете.

Самолеты доставляют ежедневно в модернизированный аэропорт толпы пестро одетых и вечно куда-то спешащих туристов. Ибо все агентства обязательно включают в свои поездки вокруг света заезд в Катманду. Запрещенный Непал, храмы, священные коровы, дороги Катманду, марихуана и искусственный рай... Мощь рекламы... Как далеко то время, когда в отеле «Рояле», единственном в городе, принимали редких проезжих европейцев! Отели люкс предлагают теперь свои номера с кондиционированным воздухом, свои бассейны, своих метрдотелей в форме.

Прошло то время, когда мы с товарищами по Жанну скитались от храма к храму, по базару, любуясь наличниками окон и деревянными балконами, любовно украшенными резьбой поколений непальских умельцев. У нынешних путешественников нет времени. Быстро в такси, тур по храмам и лавчонкам, где торгуются (не очень, времени нет) из-за кукри^[14] или статуэтки сомнительной древности. Базар залит электрическим светом. Но покупатели, подгоняемые временем, видят ли они отвратительные бетонные мачты, которые несут провода и обезображивают великолепные фасады, видят ли они наступление бетона?

Ты помнишь, Келлер? С нашими друзьями по Жанну мы ходили в этих храмах, чтобы петь вместе с непальцами. Вечером приходили мужчины, одни только мужчины, с цитрами, усаживались на откосе, у входа в храм. Они играли, они пели мелодичные, приятные для слуха песни, а мы смешивались с ними и пели также, наши мелодии. Порой, когда репертуар был исчерпан, мы пели и флигельные песенки. Какая разница, они не понимали слов, а это было средство общения.

Они пели, и они курили. Запах дыма был какой-то странный,

и я, наивный человек, дожил до 1971 г., чтобы убедиться в том, что они курят не табак, а марихуану. Гашиш и марихуана свободно продаются в Непале, публично рекламируются красочными плакатами так же, как у нас какой-нибудь пищевой продукт массового потребления. И такая свободная продажа вполне может объяснить широкое развитие в Непале, и особенно в Катманду, явления хиппи! Если не развитие, то во всяком случае его зарождение, до того даже, как использовались кино и пресса, чтобы создать получивший такую громкую известность миф.

С хиппи я был знаком лишь по обильной посвященной им литературе. Мне не было никакого дела до их нарядов, лохмотьев, их расхлябанности, даже их нечистоплотности. Я им симпатизировал, потому что понимал их философию; в топ мере, в какой можно говорить о философии хиппи; скажем проще, я понимаю их мотивы. Я понимаю, что юноша в 20 лет восстает против непонимания взрослых, против рогаток общества, слишком хорошо устроенного, чтобы уделить ему место; я понимаю, что он хочет убежать и полностью насладиться своим освобождением. Но сколько людей смешивали и смешивают созерцание и лень! Кто среди всей этой молодежи, направившейся в Непал, вышел за город, добрался до затерянных селений у тибетской границы, у самого подножия гигантских гор, добрался до Гунза или Велуночунга, где приходится копать в земле целый год, чтобы собрать килограмм риса? Истинные, «чистокровные» хиппи существуют, но их не встретишь на улицах Катманду. Они в дальних ущельях посвящают свое время размышлениям и общей с крестьянами работе.

Я поражен, обнаружив, что в настоящее время хиппи в столице Непала стали немногочисленны. Выразив свое удивление в разговоре с непальским чиновником, я немедленно получил ответ: «Считаете ли вы нормальным в Европе, чтобы люди не признавали общество потребления, чтобы они жили за счет этого общества, ничего не производя? У нас слишком много забот для обеспечения жизни, а иногда даже просто выживания наших собственных граждан, чтобы содержать еще паразитов. Ни один иностранец не может теперь получить въездную визу в нашу страну, если не докажет, что он обладает достаточными средствами существования».

Вот почему племя хиппи в Катманду значительно поредело и практически на холме Сваямбху Натх собираются в основном американцы, имеющие счет в банке и получающие ежемесячно необходимые для существования средства.

Ленивые, наркоманы и вдобавок воры, когда банковского

счета не хватает. Уже давно антиквары и торговцы начали грабить храмы Непала, снабжая предметами искусства музеи, коллекции, любителей всех стран. Какой европеец, возвращаясь из путешествия или экспедиции в Гималаи, не захочет привезти в чемодане бронзовую безделицу, статуэтку, молитвенную мельницу, вышитую ткань? Я вспоминаю, что в 1959 и 1962 гг. я мог купить в официальных антикварных магазинах несколько подлинных изделий по разумной цене. Сегодня в этих магазинах вы найдете лишь плохие копии; подлинность уже не в цене, и ее остается лишь оплакивать. Если только какой-нибудь хиппи не явится к вам втихомолку: «Могу предложить кое-что, господин, прекрасная статуя, вот увидите, и недорого». Прекрасная, в самом деле, и недорого, но украдена в храме, если только не пришла из Тибета косвенными путями.

Ленивые, наркоманы и воры. И это все, что мы можем предложить непальцам в качестве примера? А мы сами, с нашими экспедициями, которые в конце концов являются особым выражением нашей цивилизации, что мы приносим им? Сущность этой цивилизации или только накупить ее? Деньги, конечно, много денег; возможность для некоторых, для шерпов например, продвинуться вверх по социальной лестнице. Медицинскую помощь больным в уединённых селениях. Но если подняться из плоскости простой экономики в плоскость морали? Новые потребности, которые они не в состоянии удовлетворить. Зачем нужны деньги, если на них нечего покупать?

Нет, я не против цивилизации. Я сам из цивилизованной страны. Я могу взвесить все «за» и «против», отличить добро от зла. Но то, что мы даем этим людям, не то ли это как раз, что мы хотели бы выбросить? И право умереть в снегу за десять рупий в день.

Да, по правде говоря, когда Прометей украл огонь у богов и дал его людям, он сделал последним неважный подарок!

Хватит философии, Робер. Хватит вопросов. Первый, который нам надо решить, касается не завтрашней судьбы Непала, а судьбы друзей, оставшихся в Базовом лагере и о которых мы по-прежнему ничего не знаем. Взвалив на одного из нас, Жан-Поля Пари, заботу, связанную с бесконечным ожиданием, мы посетили в течение молниеносной четырехдневной поездки некоторые индийские города: Бенарес, Кхажурахо, Агра, Дели. Возвратившись в Катманду, нашли ту же неизвестность, и моя тревога возрастает вдвое. Что с ними могла приключиться? Надо узнавать! И начинается нескончаемая игра в жмурки.

Все средства хороши, чтобы раскрыть тайну. В первую очередь, очевидно, вертолет. Сеньёр совершает с Сеги не менее

семи разведывательных полетов. Безуспешно. Теряя ежеминутно тропу, петляющую в лесах, ослепленные облаками, накопившимися с приходом муссонов на склонах гор, они ни разу не смогли отыскать караван. Лишь однажды они внезапно попали на открытом месте на идущую группу: носильщики под командой офицера связи. А где сагибы? Тхапа не знает. Он вышел из Базового лагеря во главе первого отряда. Условились, что вслед за ним по мере прибытия носильщиков из Седоа выйдет второй, затем третий отряд. С тех пор он ничего не знает и не имел никаких контактов с оставшимися.

Мы не можем бесконечно осуществлять эти полеты, стоящие очень дорого. Сеньёр и Маршалль слетали рейсовым самолетом в Биратнагар. Никого нет, ничего неизвестно.

Я снова улетаю с Сеньёром в Биратнагар, а оттуда добираемся до Дхаранбазара на машине. Мы находим там носильщиков, офицера связи, но никаких сагибов, а они должны быть здесь, раз вышли тремя днями позднее нас. Тайна становится все более загадочной, и мое беспокойство переходит в настоящую тревогу. В какую западню они попались?

Проходят два дня. Перед возвращением в Катманду я послал им навстречу шерпа, наказав ему снова повторить путь подходов. Он понес с собой деньги, бутылку виски и послание, где я писал... я не очень точно помню... но что-то вроде этого: «Слушайте, ребята, когда этот шерп вас разыщет, пошлите мне из первого поста радиосообщение в Катманду. Скажите, когда вы думаете туда добраться, мы выйдем вам навстречу».

О чем в послании не говорилось, так это об отчаянной тревоге, меня захватившей. Я начинаю думать, не является ли такая тревога неразлучной подругой начальника экспедиции от первой до последней минуты, как бы он ни верил в своих товарищей, в свои способности, в успех мероприятий. Столь тяжелая была эта тревога, что порой я обращался к товарищам, ожидавшим со мной в отеле Катманду. «Мне эта экспедиция начинает влезать в печенки! Когда она кончится? С ума можно сойти!»

И вот в один прекрасный день, 21 июня, через 23 суток после моего отъезда из Базового лагеря, рейсовый самолет высаживает в аэропорту четырех обросших, усталых и довольных ребят.

И мы постигаем наконец разгадку тайны. То ли я забыл сказать Жоржу Пайо, что он не должен ждать более трех дней, то ли мы друг друга плохо поняли. Так или иначе, но они ждали восемь дней с небольшим числом шерпов и носильщиков. На восьмой день, убедившись, что вертолет больше не прилетит, они. вышли в путь. Они не могли знать, что как раз в начале этой

недели неожиданное решение королевского двора по неизвестным нам причинам прервало все полеты зафрахтованных самолетов. Когда через несколько дней в результате таинственных дипломатических демаршей это решение было отменено, было уже слишком поздно: муссон бросил свои армии туч в атаку на горы. У ребят нечего было есть, никакого снаряжения, так как оно ушло в первую очередь; у некоторых не было даже обуви, и они переходили перевал Барун по снегу в теннисных туфлях! Удлиняя переходы, они беспрепятственно достигли Дхаранбазара за 12 дней от Базового лагеря вместо 17 и наняли грузовик до Биратнагара. И вот самолет Непальского королевского аэрофлота доставил их к нам целыми и невредимыми.

Вы можете себе представить, с какой радостью их встретили! Нужно ли говорить, что никто из нас не хотел задерживаться в Непале или в Индии сверх времени, строго необходимого для отдыха, оформления последних расчетов, прощания с друзьями? Но видимо, эта экспедиция никак не хотела заканчиваться. Забронированный самолет «Эр-Франс» потерпел аварию, и понадобилось еще два дня хлопот, переговоров, телеграфной связи с Парижем, чтобы найти другой самолет.

Наконец 25 июня. Аэропорт Орли. Посадочные полосы поднимаются навстречу «Боингу». И мне захотелось остановить неизбежную посадку, отложить на завтра, на будущее конец нашей истории. Колеса еще не прикоснулись к земле, а меня уже охватывает тоска по высоким горам и волнующим переживаниям. Как восхитительно избавление от повседневной рутины! Через несколько минут с глубоким волнением я встречаюсь с женой. Я увижу Деви, и мы бросимся в объятия друг другу. Но я потеряю своих товарищей. Мы жили вместе пять месяцев, никогда не расставаясь, если не считать нескольких дней, когда они организовывали последовательные лагеря. Я уже не буду делить свою палатку с Жоржем Пайо. Эти волнующие часы перед достижением вершины... Я не хотел бы их вновь переживать, и все же я сожалею о них, потому что они скрашивали жизнь, заставляли глубже чувствовать, что я существую.

Мои товарищи... Каждый скоро возвратится к своим обычным занятиям. Но тот, кто сам оставил свое место, найдет ли он вновь работу? Чтобы в полной мере насладиться любимым делом, он распрощался со своим работодателем, забывая добровольно о будущем и думая лишь о настоящем. Повседневная жизнь возьмет его теперь за горло. Слишком повседневная жизнь. Каждый день вставать в одно и то же время, в тот же час, чистить зубы, покидать дом, направляясь на ту же службу, к одной и той же

работе. Нелегко жить таким образом, когда знаешь... кое-что иное. Внизу перевертываемой страницы мелькнет слово «конец», и это меня ужасает. «После»-это только «после», это уже не «во время». Я вижу, как приближается конец, и сердце мое разрывается.

Автобус везет нас к аэровокзалу. Они здесь, все здесь, все дружеские лица. Президент Деви, как всегда подтянутый, моя семья, моя жена. Чудесное возвращение все-таки. Меня тащат налево, тащат направо, как мне быть, кому отдать предпочтение? То же происходит с каждым из членов экспедиции, захваченным своей семьей, своими друзьями. Стиснутые в этой толпе, мы еще вместе, но уже разделены.

Наши друзья из прессы также здесь. Крейзер, Япссен, Клейман, Матюрен. Они рады нас видеть и помирают со смеху при взгляде на мое гладко выбритое лицо. Конечно, нет у меня ни бороды, ни усов, и среди обросших товарищей я чувствую себя голым. В свое время я неосторожно поклялся Сеньёру, что, если Макалу будет взят, я позволю ему сбрить мои усы. Драгоценные усы, украшавшие меня со времени моей первой экспедиции на Аконкагуа в 1953 г. А борода без усов, сами понимаете...

Длинный, очень длинный день (мы вылетели из Дели очень рано, и надо учитывать разницу во времени) заканчивается у президента Деви, где мы обедаем вместе с нашими женами. Смотрим по телевизору фильм, снятый в Базовом лагере командой «киношников», который демонстрируется впервые именно сегодня. И все расходятся по домам: жители Шамони, провинциалы, направляются к родственникам, к друзьям или в гостиницу. Контакты не разорваны, нет, но что остается от человечности, которая на Ребре, в снегах Баруна, в каждую минуту нашей эпопеи спланивала 11 человек в единый коллектив?

И вот я дома, с женой. Завтра надо жить, и я вновь сяду за свой стол, поприветствую своих коллег и друзей, которые будут рады меня видеть и станут поздравлять. И все будет кончено.

Этот рассказ мы решили написать с Сеньёром вместе.

Мы хотим, чтобы он был одновременно свидетельством пережитого и песней надежды. С сожалением я вижу, что он подходит к концу. С сожалением потому, что, рассказывая, я вновь переживал нашу историю и снова получил долю чудесного, без которого жизнь не стоит того, чтобы быть прожитой. С облегчением потому, что, создавая эту книгу, я стал жертвой головокружения, никогда не испытанного в процессе всей моей карьеры восходителя, перед самыми глубокими пропастями и обширными горизонтами: головокружение чистой страницы, самого широкого пространства.

Испытывают ли, испытывали ли когда-нибудь профессиональные писатели подобное смятение? Эта книга — я ощущал ее в себе как повседневную необходимость.

Она давила на меня с каждым днем все более тяжелым грузом, ощущаемым как неизбежность. Надо было воссоздать нашу эпопею, рассказывая о ней, вновь вернуть к жизни время и людей, вновь выразить свою благодарность всем этим людям и вершине. Я не решался, однако, приступить к этой работе, чувствуя себя неподготовленным, предстояло преодолеть второе Ребро.

Когда настало время сделать выводы, сформулировать заключение, я задаю себе вопрос. Я хотел, чтобы этот рассказ (и это единственное оправдание его появления) показал с полной реальностью истинного Параго и через него моих товарищей. Человек всегда стремится постигнуть самого себя, и я уверен, что в компании с самим собой я проделал немалый путь. Но достиг ли я в действительности своей цели? Смог ли я обычными словами донести на кончике пера все то, что экспедиция дала мне и что так трудно выразить? Я так много прочитал рассказов, порой скучных, похожих друг на друга. Смог ли я выразить основное, не довольствуясь описанием событий, найти человека? Видеть его сущность иначе, чем извне? Выявить вещи и людей в их глубокой реальности, а не просто как видимость, как отражение? Столько вопросов, на которые я не могу дать ответа. Нужно было сказать так много и даже слишком много, так что я всегда размышлялся, не зная, что выбрать. Я хотел быть честным и не поддаваться инстинкту, заставляющему задерживать в памяти лишь красивые образы и приятные минуты. Не забывать, что память, этот чудесный механизм, умеющий так хорошо выбирать между хорошими и плохими воспоминаниями, затушевывать

горести и тени, рельефно выделяя лишь радости и свет, начиная свой отбор, не ожидая конца действия.

Сумел ли я сделать выбор? Еще сегодня, возвращаясь назад, я замечаю с некоторым удивлением, что в памяти всплывают часто не важные моменты, а самые малые, незаметные инциденты; такие, какие в то время имели, казалось, лишь относительное значение. Мост в Нуме, погребальный костер, Берардини и шерп Тенсинг, буря на Ребре, Даватхондуп, взывающий о помощи над лагерем IV, ожидание рассвета в лагере II. Та долгая ночь, когда я был бы рад молиться, если бы был верующим, операция Жакоба.

Еще другие воспоминания толпятся сейчас в голове, более мелкие наверняка, но имеющие каждое свое значение и на которых я охотно останавливаюсь. Потому что вспоминать-это тоже один из способов не выходить окончательно из игры, не правда ли?

Эти крошечные насекомые, бегающие по скалам выше 7000 м. Как могут эти букашки жить на такой высоте? Скудное пламя свечи в палатке. Каждый освещался по-своему. Некоторым нравится бутан. Что касается меня, я всегда предпочитал живое пламя, колеблющееся порой под порывами ветра, потому что оно будило в сердце воспоминания о далеком детстве и давало тепло рукам и сердцу. Я думаю о созвездиях, сверкающих здесь намного ярче, чем в нашем парижском небе, о спутниках, которыми мы любовались с порога палатки в лагере II, наблюдая, как они пересекали небо над цирком от края до края. Кто их увидит в Париже, в будничной суете? Я думаю о наших разговорах, когда буря держала нас взаперти в палатках. Все темы были хороши: женщины, пища, драма на Гранд-Жорас, о деталях которой нам сообщали полученные с почтой газетные вырезки. Беседы снова разгорались при вечернем чае, за которым мы собирались вечером в общей палатке, перед тем как забраться на ночь в пуховые мешки, сравнивая достоинства акробатических восхождений, совершенных в Альпах тем или иным из наших молодых, Франсуа Гийо или Жан-Клодом Моска.

Возникали иногда оживленные дебаты по поводу какого-нибудь литературного произведения. «Мустанг» Песселя, например, в котором я, хорошо знающий Непал, критиковал чрезмерную тенденцию к драматизации.

Кто из нас забудет ожесточенную картежную игру, турниры бриджа, шахмат в общей палатке, превращенной непогодой в холодильник. Мы играли в рукавицах, и газовые кухни гудели непрерывно, снабжая нас горячим питьем. Дивные кухни! По крайней мере те, которые шерпы, не очень аккуратные по природе и зачастую неловкие, не вывели окончательно из строя. Неловкие,

но какая силища!

Чтобы установить лагерь II, нужно было расчистить площадки и выворотить массу камней. С этой целью мы принесли туда две огромные землекопные кирки. Они были столь тяжелы, что каждый из нас после двух-трех ударов был вынужден останавливаться, переводя дух. Тогда эстафету принял Анг Тамба. Он схватил орудие и бил, бил, бил без перерыва. Он так здорово работал, что сломал обе кирки. На высоте 6900 м!

Должен ли я признаться в мечтах о комфорте, которые меня порой преследовали. Желание растянуться в кровати, настоящей удобной кровати, в то время как я заползал на четвереньках в спальник, соразмеряя каждое движение, чтобы не вывалиться сквозь стенку палатки в пропасть глубиной 2000 м. Желание быть чистым, очутиться в Базовом лагере, чтобы намылиться с ног до головы и вдоволь поливаться горячей водой. Легкая закуска, которую мы быстренько проглатывали, Маршалль и я, в общей палатке лагеря II, в те минуты, когда Сеньёр и Мелле подходили к вершине, было ли это в такой драматический момент признаком слабости?

Так много, так много я должен высказать! Еще один штрих, смахивающий на анекдот и наполняющий меня лукавой радостью, так как это краткий рассказ о беззлобном реванше.

Это было 13 мая, в тот день, когда Даватхондуп на лестнице над лагерем IV твердо решил, что пришел его последний час. Мелле, Сеньёр и я, возвращаясь от зазубрины 7750, пришли во время снегопада, сильного ветра и ужасного холода в тот же лагерь IV, окоченевшие, покрытые инеем, со льдинками в бородах; нам хотелось лишь одного-укрыться. Мы втиснулись втроем в палатку-хижину, чтобы поесть, затем разошлись на ночь: мы с Яником в одной палатке, Мелле в другой, шерпы в третьей. Я разулся, но так устал, что бросил свои покрытые льдом ботинки в угол, в кучу пушистого проникшего сквозь полотнище снега. Яник же потратил не меньше часа, оттирая с педантичным старанием свои ботинки, после чего уложил их с собой в спальный мешок, чтобы утром они были бы достаточно мягкими.

Церемония вставания протекала как обычно. Эти палатки столь узки, что каждый ждет своей очереди, чтобы двигаться. Яник одевается, обувается, снаряжается. В эту минуту я исполняю, хотя и невольно, свой маленький номер. Вытаскиваю из угла свои ботинки, полные снега, абсолютно замерзшие, твердые как сталь, и начинаю обуваться. Несмотря на адский холод, я снял рукавицы, чтобы лучше справиться со шнурками. И, стоя около палатки, меньше чем в метре от пропасти (и какой пропасти!), напрягая все свои силы, втискиваю свои ноги в

ледяные тиски. Выражение лица Сеньёра заменяет любые речи. Смесь удивления, недоверия и ужаса. «Но, Робер, это невозможно! Ты не сможешь это выдержать!» — «Да нет, выдержу. Через десять минут ногам в этом леднике станет удобно. «Старик» не мерзляк и во всех экспедициях ни разу не обморачивался. Пошли на спуск!»

«Ну как, Яник. неплохо я отомстил за тот обидный момент, когда я надрывал себе кишки, чтобы выиграть несколько метров, а ты перегнал меня, как метеор, с сигарой в зубах!»

Воспоминания, воспоминания... Неужели только воспоминания я принес о Макалу? Нет, конечно, это был бы слишком бедный результат, Я обогатил также свою индивидуальность, я познал новую... нет, чуть не сказал — философию, но слово может показаться претенциозным, скажем лучше — концепцию существования, и, обращаясь к перспективам более узкой области, области горовосхождений, я получил более ясное представление о будущем альпинизма в Гималаях. Поясню. Первый вывод, приходящий мне в голову, - это то, что смелость в конце концов себя оправдала. Не раз на Ребре, особенно когда тревога грозила взять верх над упорной надеждой, я думал о формуле, служащей заключением к книге Жервазути^[15].

«Дерзай, дерзай всегда, и ты будешь подобен богу». Я подобен богу? Я далек от подобного самомнения и не думаю, чтобы оно было присуще кому-нибудь из моих товарищей. Нет, не бог, а человек, сознающий пределы своих возможностей и стремящийся отодвинуть их возможно далее, если не превзойти.

Для человека такой опыт, какой мы пережили с точки зрения самопознания и познания других, не имеет цены. Вершина, трудная, большая вершина, а тем более гималайская вершина не имеет себе равных в качестве разоблачителя. На ней видишь себя обнаженным. Нигде, как там, не можешь себя правильно оценить, нигде не узнаешь, чего ты стоишь на самом деле. Без гор, по правде говоря, я никогда бы не смог себя найти; я умер бы, не зная, кто такой Робер Параго. Макалу наконец открыл мне, что я такое: ничто, абсолютно ничто. Осознать это-это уже важно, не правда ли? Или я начинаю быть чем-то с того момента, как я понял, что я ничто?

Парадокс или реальность?

Совершать восхождения-это значит не только бороться с препятствиями, это искать смысл жизни. То, что искали наши британские друзья, Крис Бонингтон и его команда, когда они впервые открыли на южной стене Аннапурны эру сверхсложных гималайских восхождений. Совпадение разительное. Наши экспедиции хронологически совершены в два последующих года,

но они зародились в одно и то же время с одинаковыми планами, так как наша экспедиция начала становиться реальностью уже с осени 1969 г., когда мы еще ничего не знали о намерениях Бонингтона. Разными были только объекты, причем наш, без сомнения, был следующей ступенью в области технической сложности.

И обе эти победы доказывают, если нужно доказательство, что наше восхождение по Западному ребру Макалу является не концом, а этапом, дверью, открытой в будущее. И я это настолько ясно осознал, что, едва вернувшись в Париж, сказал президенту Деви, что настало время совершать трудные выдающиеся восхождения и, в частности, когда-нибудь почему бы не попробовать южную стену Лхоцзе? Без кислорода, добавил Сеньёр, с кем я неоднократно обсуждал вопросы гималайских перспектив и кто мог бы подписаться под большинством высказываемых мной мыслей.

Французы, британцы, немцы, итальянцы, японцы, другие ищут в Гималаях еще более грандиозные объекты с более или менее признаваемой целью перекрыть достижение восходителей по Западному ребру. Соревновательный альпинизм! Без сомнения. Тот же, который привел к покорению ребра Валькера на Гранд-Жорас, затем северной и западной стен Пти-Дрю и, наконец, к одиночному восхождению Бонатти по ребру, носящему теперь его имя. Учитывая, конечно, разницу в масштабах и в окружении. Тот, кто первый назвал ребро Макалу гималайским Валькером, думал ли он только о чисто технических трудностях или предчувствовал уже психологические последствия такого сравнения?

Соревнование с людьми, соревнование с самим собой, ибо соревнование-важный рычаг человеческой деятельности. Соревнование без зрителей, если не считать солнце, звезды, облака и самого себя. Внешне по крайней мере, потому что пресса, телевидение все же изменили порядок вещей и опыт Криса Бонингтона показал, что зрители могут следить за восхождением на своем голубом экране через четыре дня после событий на месте. Какое это имеет значение, между прочим, с близкими или далекими зрителями, или без них? Что важно — это опыт, который человек один с самим собой обретает для себя в этой школе истины; оценка, которую он получает своей силы и своей слабости и возможность судить о себе.

Меня спрашивали иногда: не целесообразно ли, учитывая усовершенствование техники и талант молодого поколения восходителей, рассмотреть организацию на главные гималайские вершины легких экспедиций альпийского стиля, проводимых «под

барабанный бой» за несколько дней, считая биваки?

В свете как раз недавних экспедиций на Южную Аннапурну и на Ребро Макалу, ограничиваясь лишь этими примерами (а добротным может быть лишь пример, основанный на знании), я считаю нужным ответить: нет, категорически нет! Ответ основан на простом сравнении двух чисто математических величин: экспедиция Франко в 1955 г. навесила 400 метров веревочных перил, мы же навесили 6 километров. Сравнить Альпы с Гималаями-это значит совершать фундаментальную ошибку, ибо сравнивать можно только сравнимые вещи. Эта избитая истина нисколько не потеряла своего значения.

Сам по себе фактор высоты запрещает рассматривать такие гипотезы.

Для больших целей — большие средства. Нужны очень сильные команды, выдающиеся восходители, готовые страдать, как мы страдали, и даже готовые с полным сознанием подвергнуться еще более серьезному риску. Нужно будет значительное финансирование, тщательно разработанное снаряжение и, вероятно, систематическая помощь авиации, в частности вертолетов; это устранил проблемы транспорта и снабжения, а также подходов, последнее, между прочим, не является идеальным решением, ибо, как показал опыт, подходы — наилучший метод для членов экспедиции войти в форму, включая акклиматизацию.

В альпинизме происходит то же, что и во всех проявлениях человеческой деятельности как на работе, так и на отдыхе. Техника во всех ее видах завоевывает себе ведущее место, и именно на гигантских гималайских вершинах она находит полное применение. Следует ли поэтому радоваться или огорчаться? Эволюция во всяком случае кажется необратимой.

Не будем же закрывать глаза на реальность завтрашнего дня. Молодые, принимающие (с каким блеском!) эстафету у «стариков» моего поколения, будут одерживать другие победы на высочайших горах Земли. Им предстоит заполнить другие чистые страницы. Но пусть они помнят со всей скромностью, что в Гималаях, больше чем на каких бы то ни было вершинах, будущее на коленях у богов».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Оборудование, снаряжение, акклиматизация и снабжение

Французские экспедиции на Макалу в 1955 г. и на Жанну в 1962 г. позволили осуществить доработку снаряжения, которое, по мнению альпинистов, полностью соответствовало требованиям высотных восхождений и проявило себя с наилучшей стороны.

При подготовке экспедиции на Западное ребро Макалу эта задача возникла снова, но уже на новом уровне. Действительно, было немыслимо подниматься по Ребру в сапогах из оленьего меха. Палатки под названием Макалу, всегда удовлетворяющие всех потребителей, не могли, по-видимому, быть установленными на минимальных площадках, которые можно было надеяться найти на Ребре. Нужно было даже рассчитывать на отсутствие таких площадок и предусмотреть возможность создания искусственных платформ. Выдержат ли палатки колоссальную нагрузку от порывов ветра на Ребре?

Нужно было, таким образом, тщательно пересмотреть все детали высотного снаряжения. Были найдены решения, иногда удовлетворительные, но могущие, без сомнения, быть улучшенными.

Фактически тенденция к восхождениям высшей трудности в гималайских экспедициях должна вызвать к жизни ряд новых видов снаряжения. Конечно, развитие техники таково, что все становится возможным. Значит, этические соображения главным образом могут подсказать, когда следует остановиться.

Так, например, японская группа, покоровшая в 1971 г. гребень Манаслу, применила на высоте около 7000 м примерно 30 шлямбурных крючьев, в то время как обход к западу на сотню метров позволил бы ей избежать таких затруднений. Где истина при таких различных точках зрения? Совершенно очевидно, что субъективный характер проблемы слишком важен, чтобы можно было дать безапелляционный ответ.

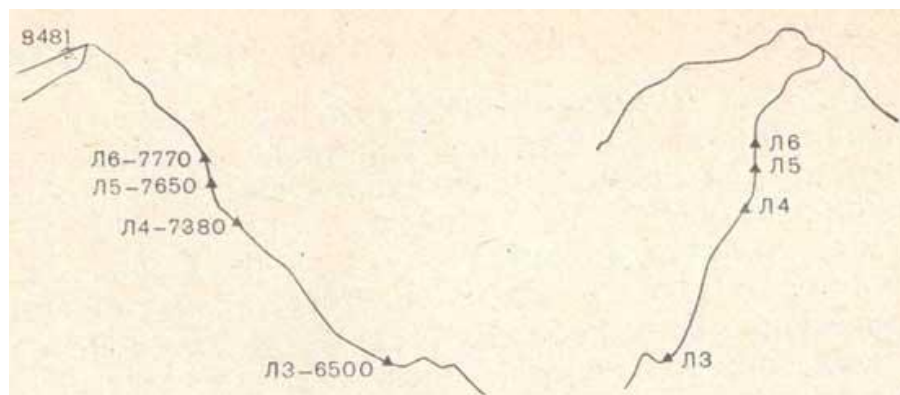
Индивидуальное высотное снаряжение

Вплоть до лагеря II традиционное обмундирование, используемое в Альпах, было вполне удовлетворительным. Лишь с высоты 5800 м мы начали применять специальную одежду, которая в общем защищала нас вполне надежно.

Что касается белья, то комплект состоит из длинных кальсон и рубашки «водолазки», из очень толстой, так называемой термоэлектрической ткани; рубашка была очень удобной, и мы надевали сверху лишь сорочку из джерси, очень толстый шерстяной пуловер и тонкую пуховую куртку типа «уаскаран». Пуховые брюки были из поплина, лучше пропускающие воздух, чем нейлон. Действительно, если верхнюю часть тела в случае жары (что часто имеет место в течение дня) можно легко проветрить, то не может быть и речи о том, чтобы снять брюки, не снимая ботинок (последнее связано с большими усилиями и потерей времени).

Сверху тонкой пуховой куртки можно было надеть значительно более толстую куртку, также пуховую, снабженную капюшоном. Было предусмотрено большое число внешних и внутренних карманов. Весь этот набор был, кроме того, защищен верхней одеждой из двух частей: штормовые брюки и штормовка. Эта одежда выполняла двойную роль: защищала от ветра и предохраняла пуховую куртку от возможных повреждений во время лазанья по скалам. Поскольку водонепроницаемость не играла существенной роли, мы выбрали ткань, похожую на поплин, но все же синтетическую — тапнил. Покрой этой одежды еще неидеальный, но к идеалу наконец приближается. Что же касается перчаток, каково бы ни было их число, толщина, качество, все равно при утреннем выходе выше лагеря IV руки мерзли отчаянно. В конце концов мы применяли главным образом шерстяные, шелковые и кожаные (так называемые садовничьи) перчатки. Толстые рукавицы не позволяют надежно работать с веревкой и с жюмарами, поэтому мы практически никогда их не использовали. В таких рукавицах, в частности шерстяных, большой и указательный пальцы должны быть свободными, тогда можно выполнять практически все манипуляции с веревкой. Ботинки, бесспорно, являлись ключевой проблемой личного снаряжения. Нужно было придумать такую обувь, которая сверх характеристик, требуемых на таких высотах, позволяла бы лазать если не красиво, то по крайней мере эффективно. За основу были приняты ботинки фирмы Галибье «Демезон северная стена», в которые были внесены некоторые

усовершенствования: мех внутреннего вкладыша гораздо толще, чем у нормальной модели; между внутренним и наружным слоями внешнего ботинка был вшит слой фетра; наконец, по периферии ранта была пришита кожаная лента, позволяющая надежно присоединять гетры, оставляя свободной подошву.

Сами гетры двойные: внутренняя часть из синтетических волокон, а внешняя, доходящая до колена, из очень плотной хлопчатобумажной ткани. Обе части соединяются внизу очень прочной импрегнированной полосой.

Наконец, для использования кошек были изготовлены вторые гетры, охватывающие весь ботинок и доходящие до колена. Они были сделаны из 6 мм неопрена, покрытого с обеих сторон нейлоновым джерси. Это тот же материал, который употребляется для костюмов подводного плавания.

Несмотря на все это, три альпиниста, поднявшиеся выше 8300 м, получили обморожения, не серьезные, правда, но причинившие при возвращении большие неудобства. И если добавить, что пара такой обуви с гетрами весит от 6 кг до 6 кг 800 г, вы сможете себе представить, с каким облегчением люди разувались!

Оборудование высотных лагерей

Две основные причины вынудили нас заняться созданием новой формы высотных палаток: во-первых, ограниченные размеры площадок и, во-вторых, ветер, воздействие которого вдоль гребня значительно сильнее.

Нужна была, следовательно, компактная палатка, могущая противостоять атакам ветра. Эти два на первый взгляд взаимоисключающие качества были соединены в так называемой палатке-хижине, каркас которой представляет собой трапецидальный шалаш, на который надевается полотно, полностью его закрывающее и натягиваемое с помощью шнуровки на «полу». Плоская крыша выполнена из водонепроницаемой пластической ткани, выдерживающей очень большую снеговую нагрузку. К тому же на крыше в течение дня может таять снег, в результате чего образуется «бассейн», весьма приятный для возвращающихся после долгой дневной работы. Внутри палатки имеется шелковый тент, присоединяемый к каркасу и снабженный многочисленными карманами.

Такая палатка-хижина более комфортабельна, чем палатка «Макалу»; она выдерживала порывы ветра скоростью более 100 км/час, и это в течение 13 дней, пока длилась буря. Вес ее равен 6 кг.

Эта модель может быть значительно улучшена (например, в этой палатке ткань полотнищ очень толстая, в результате этого конденсация внутри весьма неприятная). Можно также по примеру палатки «Макалу» сдвигать эти хижины, образуя комфортабельный приют для четырех человек. Достаточно для этого соединить две палатки рукавом с диаметром примерно в 1 м, присоединяемым к каждой палатке прочной «молнией».

Несколько слов о «молниях». Если они не высшего качества, иначе говоря, не из нейлона и не с крупным шагом, они становятся кошмаром для восходителя, касается ли это палаток, штормовок, спальных мешков или рюкзаков. Я ни разу не встречал достаточно надежных молний. Когда знаешь, что на высоте малейшее неудобство может принять катастрофические размеры, понимаешь, почему мы в максимальной степени отказались от «молний» в нашем снаряжении, а когда это оказывалось, невозможным, производили их выбор с особой тщательностью.

Спальные мешки были изготовлены из нейлона с пухом. Пух был наивысшего качества, и изготовитель не поскупился в количестве (1 кг на каждый спальник). Форма спальников

простейшая-прямоугольник. Без всякого капюшона, так как длина (2 м) позволяла самому длинному из нас закрываться с головой.

Скажем несколько слов об искусственных платформах, изготовленных на случай если не найдется на Ребре площадки для бивака (чего, к счастью, не произошло). На прямоугольную раму, образованную трубами из легкого сплава и соответствующую по размерам палатке-хижине, натягивается полотно импрегнированного полотна. Рама усилена такими же трубами, проходящими через середины сторон: наибольшая лежит в плоскости рамы, наименьшая согнута так, что она не мешает альпинистам, лежащим в двух образовавшихся таким путем колыбелях. Все вместе подвешивается к стене (крючья простые или шлямбурные) четырьмя стальными тросами. Система полностью разборная. В сложенном виде она образует тук в 1 м 50 см длиной и 80 см в диаметре, весом 17 кг.

В лагерном снаряжении одним из основных элементов, обеспечивающих возможность существования, является топливо. Фирма «Кемпинг-газ» осуществила для нас специальное наполнение патронов весом по 400 г с выбрасываемой тарой. Горючее представляло собой смесь бутан-пропан, где пропан занимает 30% по весу. Это соответствовало действующим правилам и оказалось совершенно идеальным для применения на больших высотах: на 8100 м при -20° С без защиты мы могли топить снег! Кроме кухонь мы имели в каждом лагере другие аппараты, использующие это горючее: печки, паяльники, лампы (последние вплоть до лагеря III),-и все эти устройства, заряжаемые одинаковыми патронами, работали замечательно.

Добавим, что в Базовом лагере при подготовке мы организовали «высотные комплекты на двух человек», в которые входили: мешок с палаткой, спальными мешками и надувными матрасами и ящик с кухонным хозяйством, освещением и топливом.

Эти комплекты хранились в лагере II, и достаточно было высотной группе сообщить свои желания, как не позже чем через два дня она получала такой комплект.

Альпинистское снаряжение и кислород

Все альпинистское снаряжение, применяемое нами, представляет собой классическое снаряжение высшего качества. Мы готовили это восхождение, сообразуясь по возможности с неписаными законами западного альпинизма, требующими в максимальной степени избегать применения искусственных средств продвижения. Если и было у нас несколько штук шлямбурных крючьев для возможной установки платформ, то в нашей «слесарне» совершенно не было расширяющихся клиньев, дрелей и т. п. В то же время мы располагали замечательным ассортиментом классических крючьев (540 штук), и это оказалось весьма разумным, так как практически все имеющиеся у нас типы были использованы. Ничего особенного нельзя сказать и о ледорубах, 12-ти зубых кошках, поясах и т. д.,-все классического типа. Что касается веревок, мы остановили свой выбор на веревках двух диаметров: 7 мм-для оснащения не очень крутых участков и 9 мм — для особенно крутых.

Напротив, применение кислорода в трудных условиях позволило нам прийти к совершенно определенному выводу. Существующая аппаратура совершенно для этого не приспособлена. Будь то баллон, будь то маска, они доставляли нам одни неприятности. С самого начала дефект монтажа вентиля на баллонах смог бы привести к трагическим последствиям, если бы не страстная жажда победы, воодушевлявшая нашу команду. Две трети баллонов текли и были непригодны, и мы были близки к панике. Кроме того, длина баллона очень велика: когда лезешь по вертикальной стене, вентили, вылезая из рюкзака, ударяются о скалу и часто открываются.

Что касается маски, то она такая громоздкая, что не позволяет видеть, куда ставишь ногу, что, согласитесь, более чем неприятно при лазанье. На деле все предыдущие экспедиции всегда применяли кислород, и никто не пытался совершать такие восхождения без него. Это объясняется тем, что переноска тяжестей на высоты не представляет собой проблемы, раз шерпы могут снабжать любые лагеря, как бы высоко они ни были.

Для нашей экспедиции мы придерживались такой же точки зрения (кстати, весьма накладной!). Но шерпы, за исключением двух, не поднимались выше лагеря V, и перед нами встала задача-переносить кислород и минимум снаряжения или переносить минимальное снаряжение, обеспечивающее безопасность выше лагеря V. Учитывая время и силы, которыми мы располагали, эти

две величины не были .одинаковыми, и мы вынуждены были выбрать второе решение.

Можно также поставить вопрос: не используется ли полностью выигрыш в энергии и жизнеспособности, приобретенный использованием кислорода на то, чтобы переносить аппаратуру, дающую этот выигрыш? Иными словами, можно сказать, что вес баллонов таков, что кроме них вряд ли можно еще что-нибудь положить в рюкзаки, и тогда, спрашивается, в чем выгода?

Конечно, следует рассматривать и физиологический вопрос: без кислорода человек значительно больше подвержен холоду, однако надо считать, что в конечном счете воля воодушевляет альпиниста и благодаря ей преодолеваются многие препятствия.

Для последующих экспедиций мы рекомендуем смешанное решение: использование кислорода ночью, с малым расходом, на высотах выше 7500 м и резерв в несколько баллонов для решающего штурма. Такое решение, по нашему мнению, целесообразно, так как сейчас появились новые аппараты. Газ в них не находится в сжатом состоянии в баллонах, а образуется в результате химической реакции. Выигрыш в весе несомненный, но, когда реакция началась, ее нельзя остановить и патрон следует использовать до конца. Что же касается маски, то улучшение ее требует исследований, но перспективы сбыта настолько ограничены, что трудно найти фирму, которая заинтересуется этим вопросом.

Акклиматизация

Выше я говорил о проблеме, перед которой мы оказались, и о решении, принятом нами с учетом нашего состояния. Важным фактором такого состояния является акклиматизация, и мы смогли проверить значение и пригодность методики «зубьев пилы».

Тяжелые условия и рельеф путей подхода, тактика, которой мы придерживались во время восхождения, дали нам такую акклиматизацию, что четверо из нас достигли высоты более 8000 м без кислорода, с рюкзаками весом в среднем по 20 кг, не испытывая особых страданий.

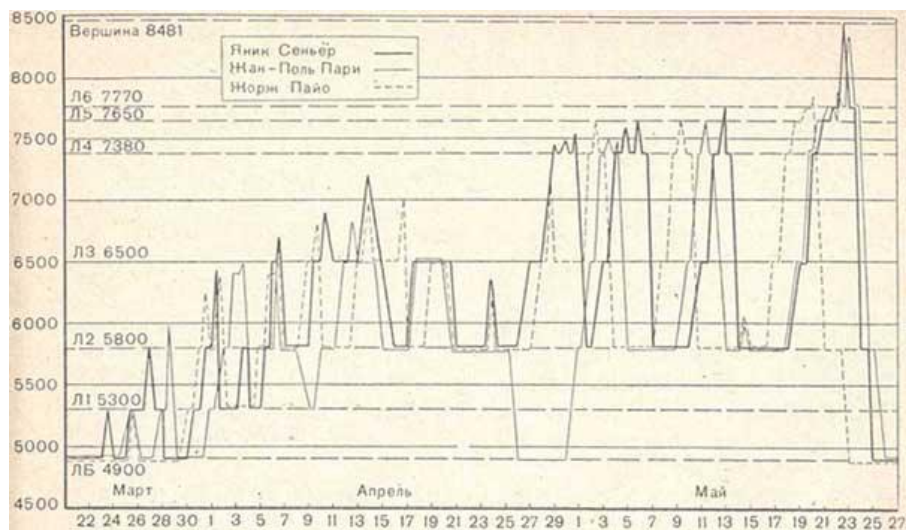
Двое восходителей, достигшие вершины, применяли кислород с расходом 1 л/мин., между лагерем VI (7770 м) и 8320 м и с расходом 4 л/мин, выше. Один из нас сопровождал их до 8320 м без кислорода, не замедляя их подъема.

Такой результат не может быть достигнутым, если не соблюдать некоторые правила, очевидность которых была уже доказана предыдущими экспедициями.

Их можно свести к двум основным требованиям:

- подняться на определенную высоту и вновь спуститься, затем подниматься последовательно все выше и выше и опускаться каждый раз до все более высокого уровня (правило «зубьев пилы»);

- использовать кислород ночью на высотах более 7500 м. Естественно, что эта акклиматизация не обошлась без некоторых болезненных явлений (головная боль, бессонница, боль в горле), но у всех был неизменно исключительный аппетит.

На этой диаграмме можно проследить хронологическое развертывание экспедиции, начиная с прибытия в Базовый лагерь. Кривые высота — и время для трех членов экспедиции, входящих в три разные связки. Следует отметить, в частности, последовательность нахождения каждой связки на пике; работу связок, не находящихся на пике; требования, которым удовлетворяли для достижения хорошей акклиматизации; отсутствие работы в периоды плохой погоды пики в трудных зонах.

Питание и снабжение

Зная, что моральное состояние своих подопечных будет прямо пропорционально тому, что они найдут в своих тарелках, Робер Параго соответственно планировал снабжение. Всего хватало, и все было хорошего качества.

Для Базового лагеря и лагерей II и III (передовая база) продукты не были нормированы, всего было множество, и все без упаковки.

Для высотных лагерей были составлены два типа дневных рационов: на 2 и на 4 человека.

Следует особо упомянуть о новых продуктах, предоставленных нам в качестве экспериментальных фирмой Нестле. Большое разнообразие, легкость, простота приготовления, великолепный вкус — таковы их качества. И с волнением некоторые из нас вспоминают о жаренных в сухарях дарах моря в лагере II или яичнице с травами, приготовленной в лагере V.

Большинство рационов было подготовлено во Франции и, как и остальной груз, было перевезено в обычно применяемых в торговле ящиках, прекрасно выдержавших транспорт, хотя их вес не превосходил 8% груза. Тюки по 30 кг были упакованы во Франции, что позволило непосредственно перевезти 12,5 т из Парижа в Катманду.

Каждая экспедиция сопровождается разработкой нового снаряжения. Наша экспедиция, в частности, показала, что многое из снаряжения могло быть улучшено. Тем не менее нельзя рассчитывать лишь на снаряжение, чтобы достигнуть вершины. К счастью, человек, его психологическая готовность и, главное, его воля к победе всегда находятся в основе любого предприятия.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Гималаи — это не только горный край и стадион мирового альпинизма. Гималаи-это совершенно новый мир, диктующий человеку свои законы жизни.

Гималаи — это третий полюс Земли. Здесь находятся высочайшие вершины планеты и среди них Джомолунгма (Эверест) — 8848 метров.

Уже с начала XX в. горовосходители многих стран ставили перед собой задачу покорить вершины, поднимающиеся за восемь тысяч метров!

Так, например, английские восходители сосредоточили свои усилия на покорение Эвереста.

Итальянские альпинисты поставили перед собой задачу покорить Чогори (K2) в Каракоруме.

Австрийские и немецкие альпинисты решили победить Нангапарбат. Не сразу сдавались грозные вершины восходителям. Очень многие попытки покорить высочайшие вершины стоили жизни альпинистам и их верным помощникам-шерпам, на долю которых выпадали самые тяжелые обязанности: переносить грузы, организовывать лагеря и т. д.

Однако первой победы над восьмитысячником, а именно над Аннапурной — 8078 метров, удалось добиться не ветеранам Гималаев из Англии или Италии, а впервые появившимся здесь молодым французским восходителям — М. Эрцогу и Л. Ляшеналю.

Этим трагичным, но полным героизма восхождением они открыли бурное десятилетие побед над высочайшими вершинами Земли. Французские альпинисты показали всему миру, что они являются не только сильнейшими в Альпах на технически сложных маршрутах, но и в большом альпинизме в Гималаях.

Этой победой, как бы была прервана завеса неприступности гималайских гигантов.

В 1953 г. участники английской экспедиции поднялись на Эверест, а участники немецко-австрийской — на Нангапарбат, в 1954 г. итальянские восходители покорили Чогори в Каракоруме, в том же году австрийцы поднялись на Чо-Ойю, в 1955 г. французские восходители покорили Макалу, а английские — Канченджангу, в 1956 г. японские альпинисты взойшли на Манаслу, в том же году швейцарцы поднялись на Лхоцзе, а австрийцы-на Гашербрум, в 1957 г. австрийские восходители взойшли на Броуд-пик, в 1958 г. американцы покорили Хидден-пик, в 1960 г. швейцарские альпинисты победили Дхаулагири. В

1964 г. был покорен самый низкий восьмитысячник Шиша Пангма — 8013 метров-альпинистами из КНР.

И опять в этом ряду побед французские восходители показали свою незаурядность, особенность своего альпинистского почерка. В то время как во всех экспедициях на вершину поднимались два-три, максимум четыре человека, на вершину Макалу в 1955 г. поднялись все 9 восходителей французской экспедиции и руководитель шерпов Гиальцен.

Новый рекорд смелости, мастерства и мужества французские альпинисты показали в 1971 г., успешно решив проблему Западного ребра Макалу. Об этом замечательном восхождении интересно и откровенно рассказывают Р. Параго и Я. Сеньёр. Причем рассказывают они без всяких прикрас и лирических отступлений, без всякой романтики, и тем не менее рассказ их настолько яркий и точный, что ты невольно как бы становишься членом их коллектива и вместе с ними переживаешь все тревоги, неудачи и радости побед.

То, что эта общая победа всего дружного коллектива экспедиции воплощена в подъеме на вершину Я. Сеньёра и Б. Мелле, вполне логично; конечно, было бы замечательно, если бы на вершине побывали и другие, вполне достойные этого, восходители.

Хотя руководитель экспедиции Р. Параго иногда и излишне много говорит о личных переживаниях, но его решающая роль в обеспечении успеха экспедиции не подлежит сомнению.

Конечно, всякое восхождение, и особенно восхождение в условиях больших высот, где комплекс высокогорного климата, и в первую очередь недостаток кислорода, изменяет психику, подавляет волю, резко снижает работоспособность человека, связано с риском. Но вряд ли правильно возводить риск в ранг доблести и пропагандировать приемы спуска с зажатой в двух руках и охватывающей спину веревкой, когда единственной гарантией от срыва является крепость сжатых пальцев? А если из-за упавшего сверху камня или по какой-либо другой причине человек па мгновение потеряет самообладание и разожмет пальцы, выпустив веревку — эту единственную связь с жизнью? Неужели выигрыш во времени может оправдать такой риск?

Гималаи — труднодоступные горы, они еще мало изучены и исследованы. Настоящих научных экспедиций в Гималаях, можно сказать, не было. Ученые-географы, геологи, геоморфологи, гляциологи, этнографы — обычно участвуют в альпинистских экспедициях, где и проводят свои исследования. Поэтому можно сказать, что каждая экспедиция, организованная в Гималаи, обязательно дает новый материал для высокогорной географии.

В книге «Макалу» Р. Параго и Я. Сеньёра на первый взгляд ничего нового нет для науки. Но люди впервые поднялись по такому сложному пути на восьмитысячник, и они первые дали описание этого маршрута, особенности снегового покрова, метеорологических условий, физиологического состояния человека на таких высотах и т. д.

Очень приятно было узнать из книги, что лучшие французские альпинисты к своему труднейшему маршруту пришли с тактикой восхождения, основанной на принципе активной акклиматизации, предусматривающей последовательные подъемы на всевозрастающие высоты и спуски в нижерасположенные лагеря для отдыха.

Этот способ высотной акклиматизации, который Я. Сеньёр называет «зубьями пилы», у нас в стране начал применяться в 30-е годы и завоевал себе признание в 50-х годах, в ходе дискуссии о восхождении. Хорошее состояние и успех французских восходителей на Западном ребре Макалу — веское подтверждение действенности принципов акклиматизации.

Советские горовосходители уже с конца двадцатых годов XX в. вплотную подошли к рубежам семитысячных высот. Достаточно вспомнить памирские походы Н. В. Крыленко и Д. И. Щербакова.

Уже в 1937 г. в нашей стране было самое большое число восходителей, поднявшихся на семитысячники, а сейчас их еще больше. У наших восходителей выработана хорошо продуманная тактика высотных восхождений, ведущим принципом которой является обеспечение безопасности альпиниста. Но у нас нет восьмитысячных вершин, и советские восходители не имели возможности помериться с ними силами.

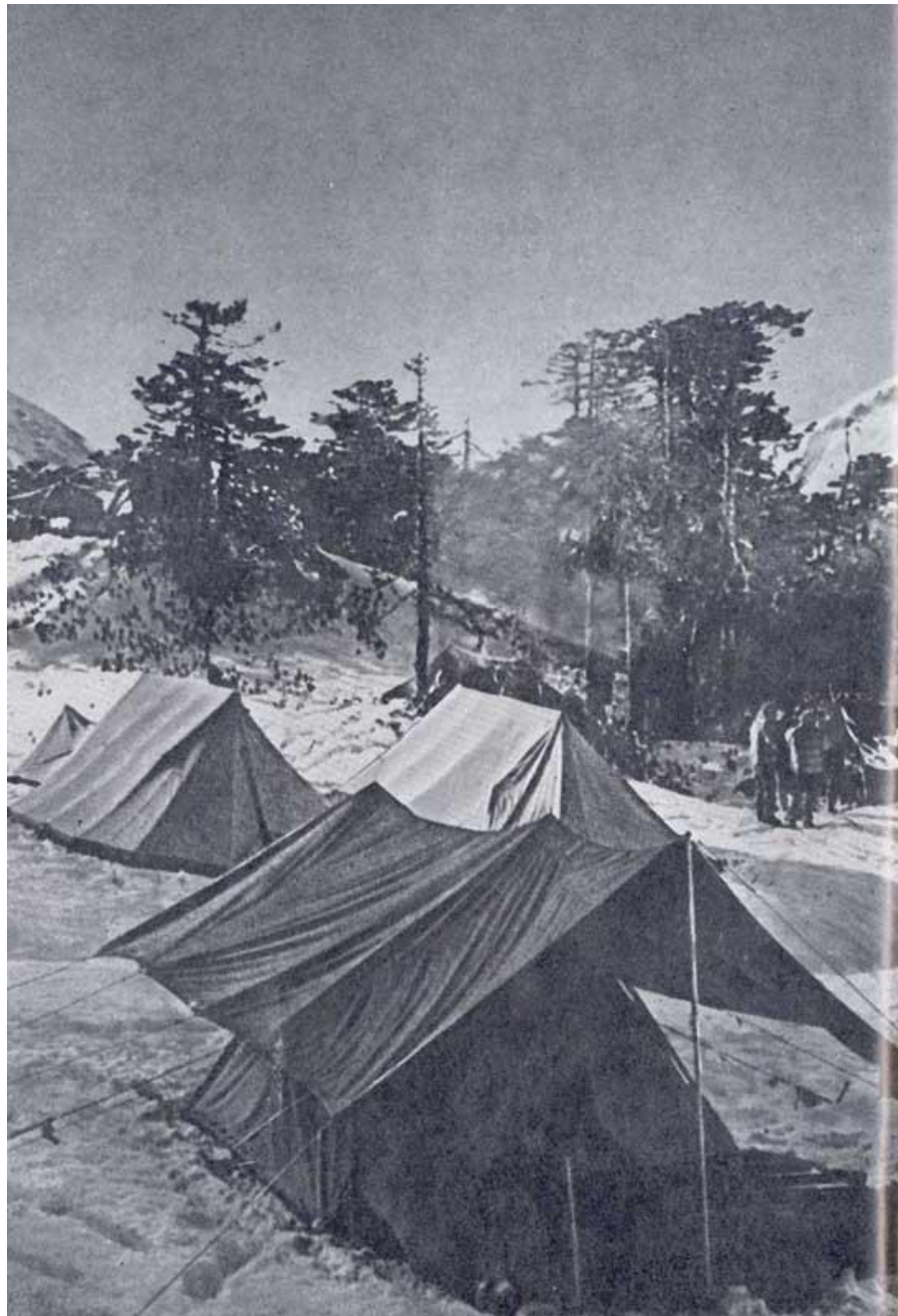
В заключение я хотел сказать, что, вписав в летопись Гималаев Западное ребро Макалу, причем в таких ужасных погодных условиях, когда все гималайские экспедиции отказались от восхождений, французские горовосходители подтвердили свое несомненное право называться сильнейшими.

К. К. КУЗЬМИН, председатель Федерации альпинизма СССР

Фотографии

Прямое как струна

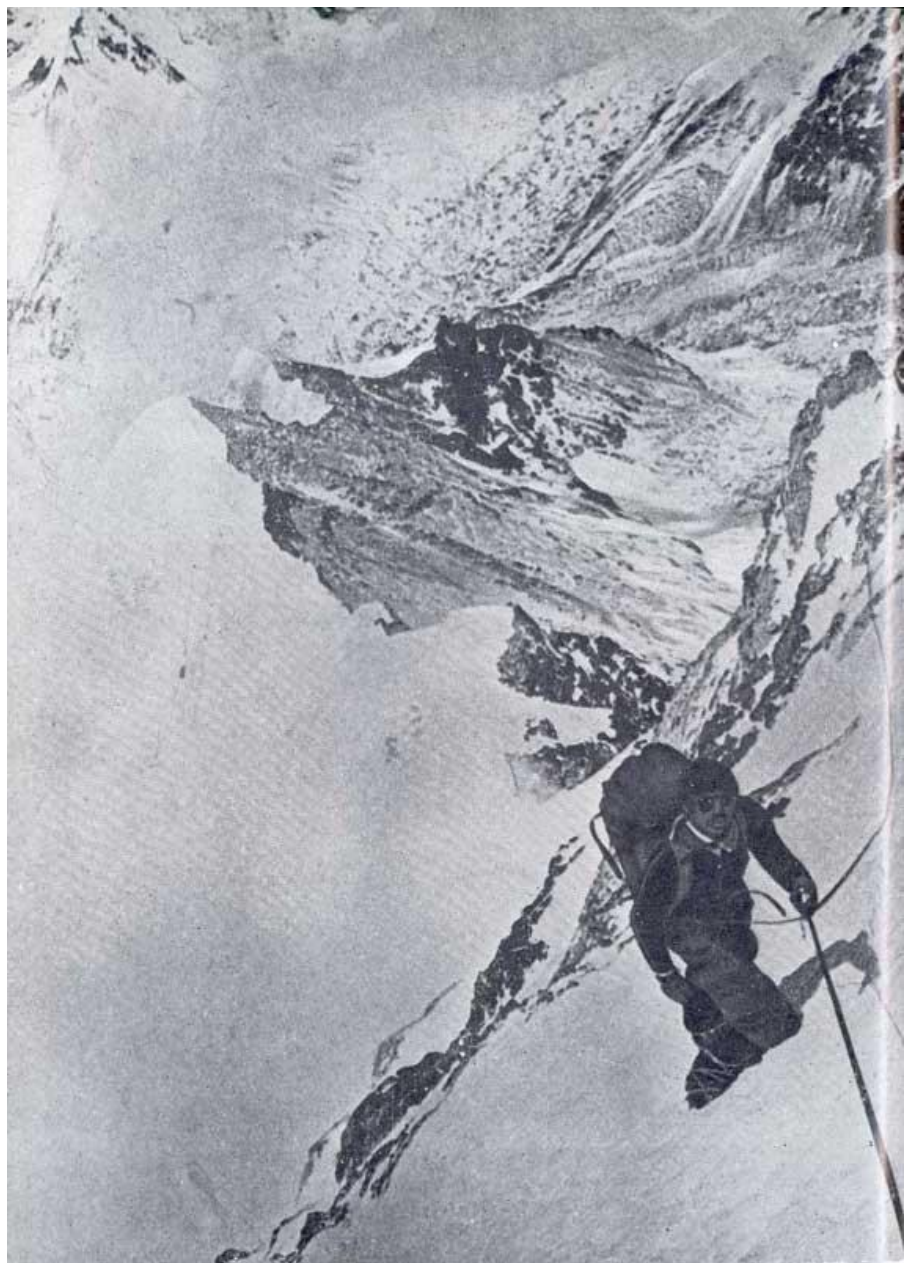
Лагеръ Пематан на берегу реки Барун

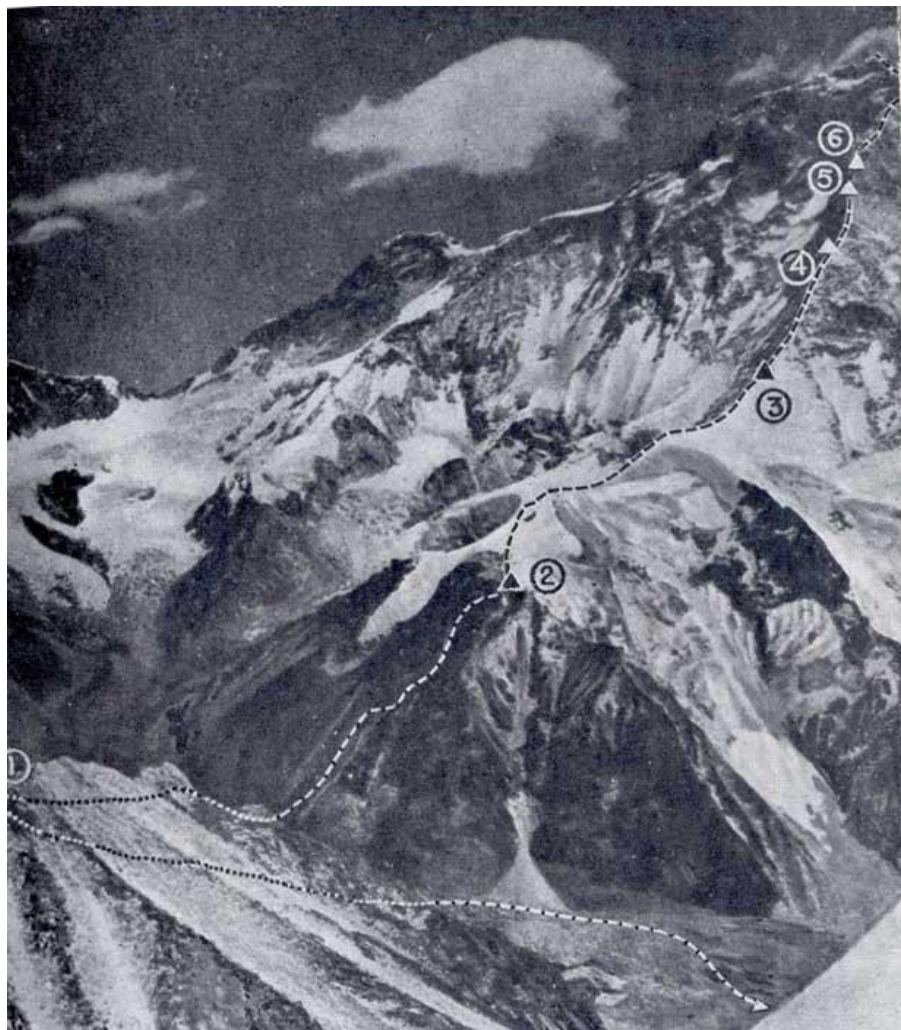
Новобрачная на мосту Нум

Остановка носильщиков у Дара

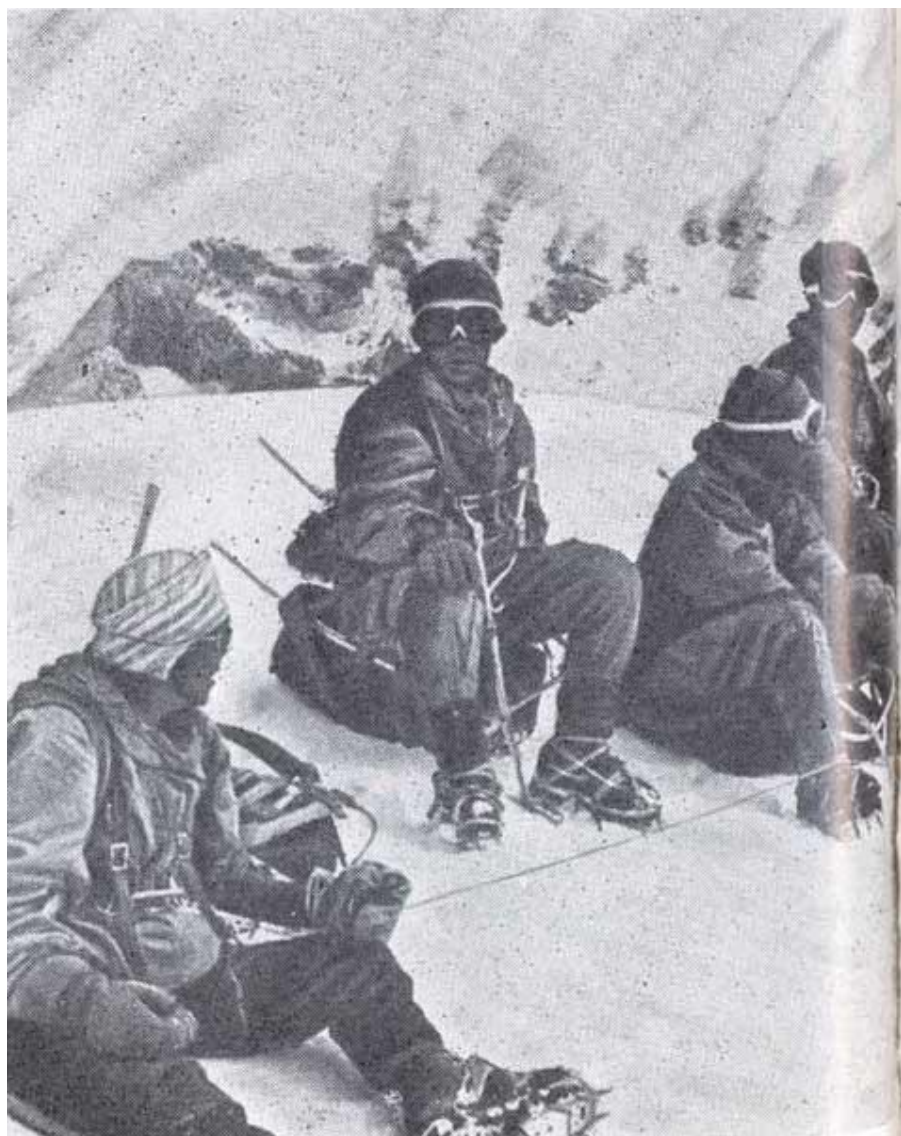

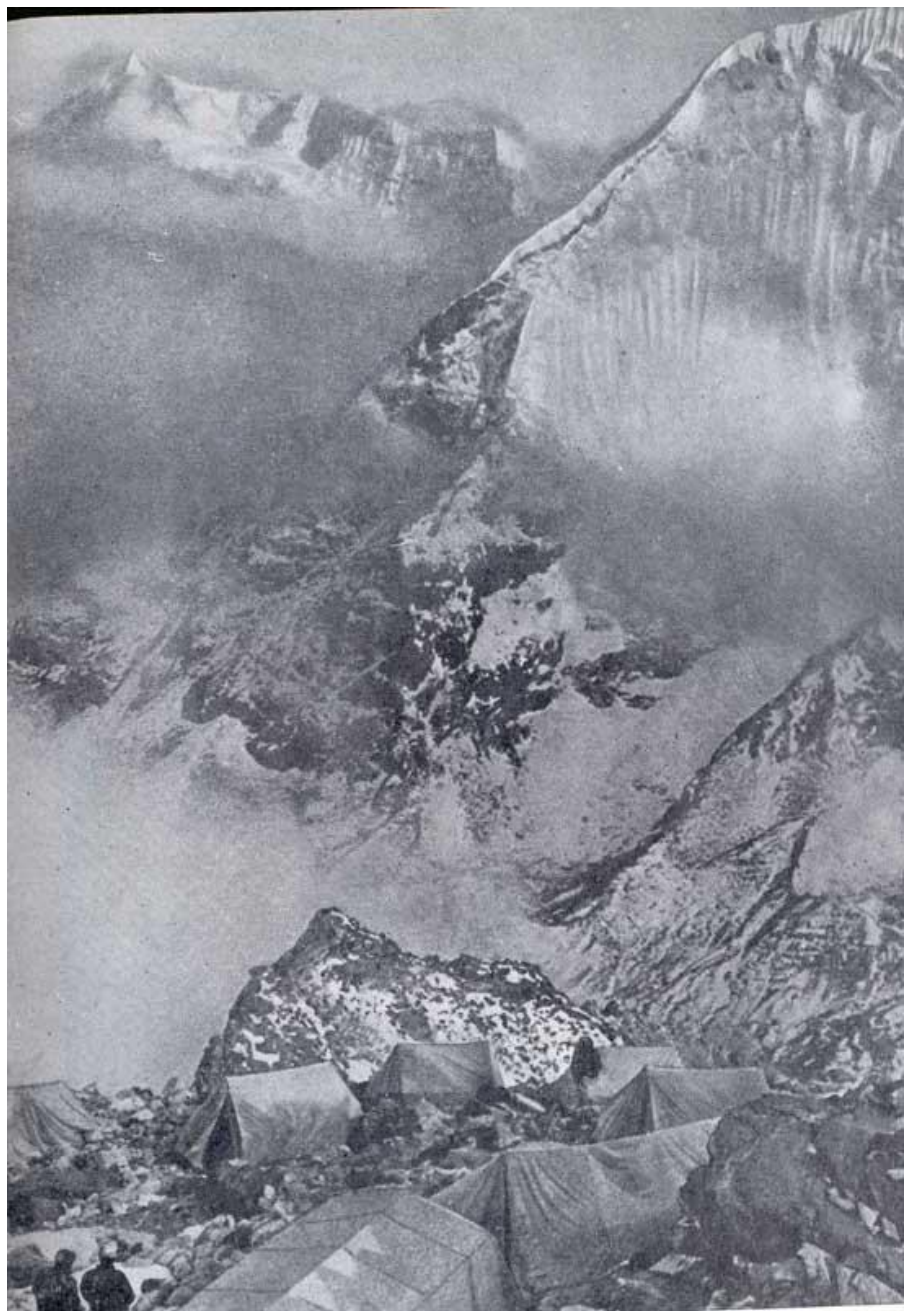
В направлении Лагеря IV, большой траверс

*Западный и южный склоны Макалу. Путь восхождения и
размещение лагерей*

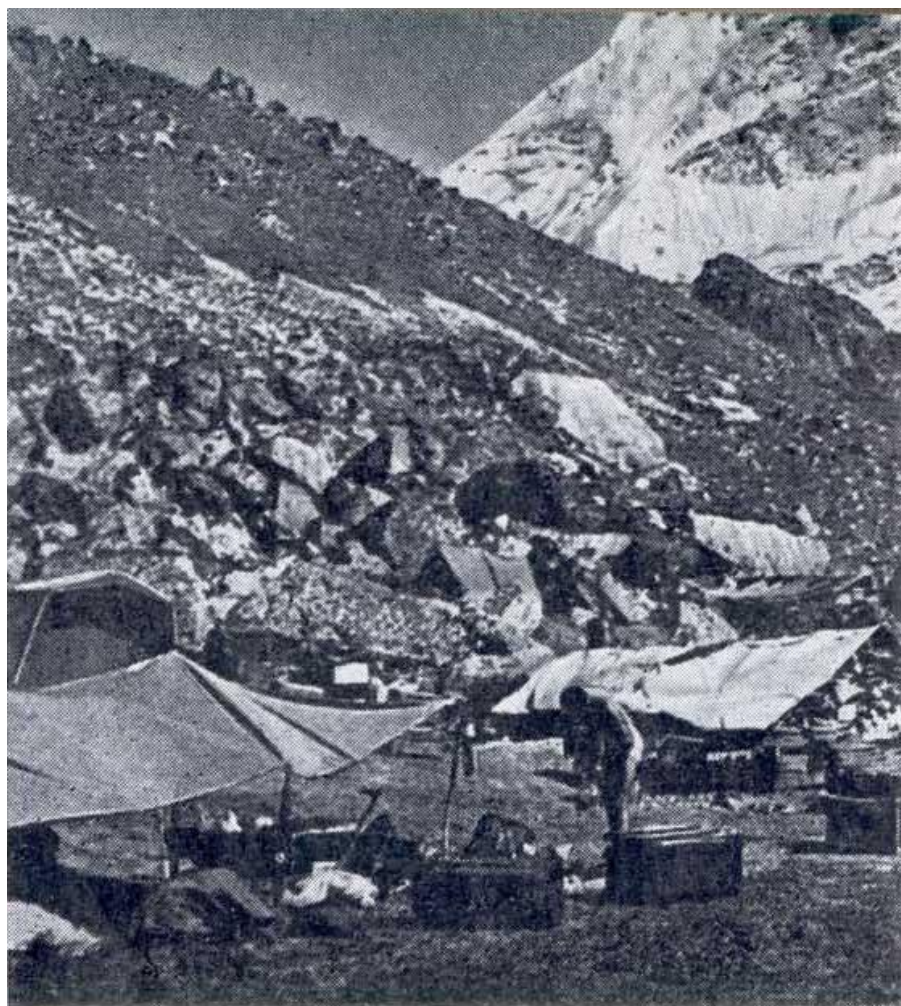

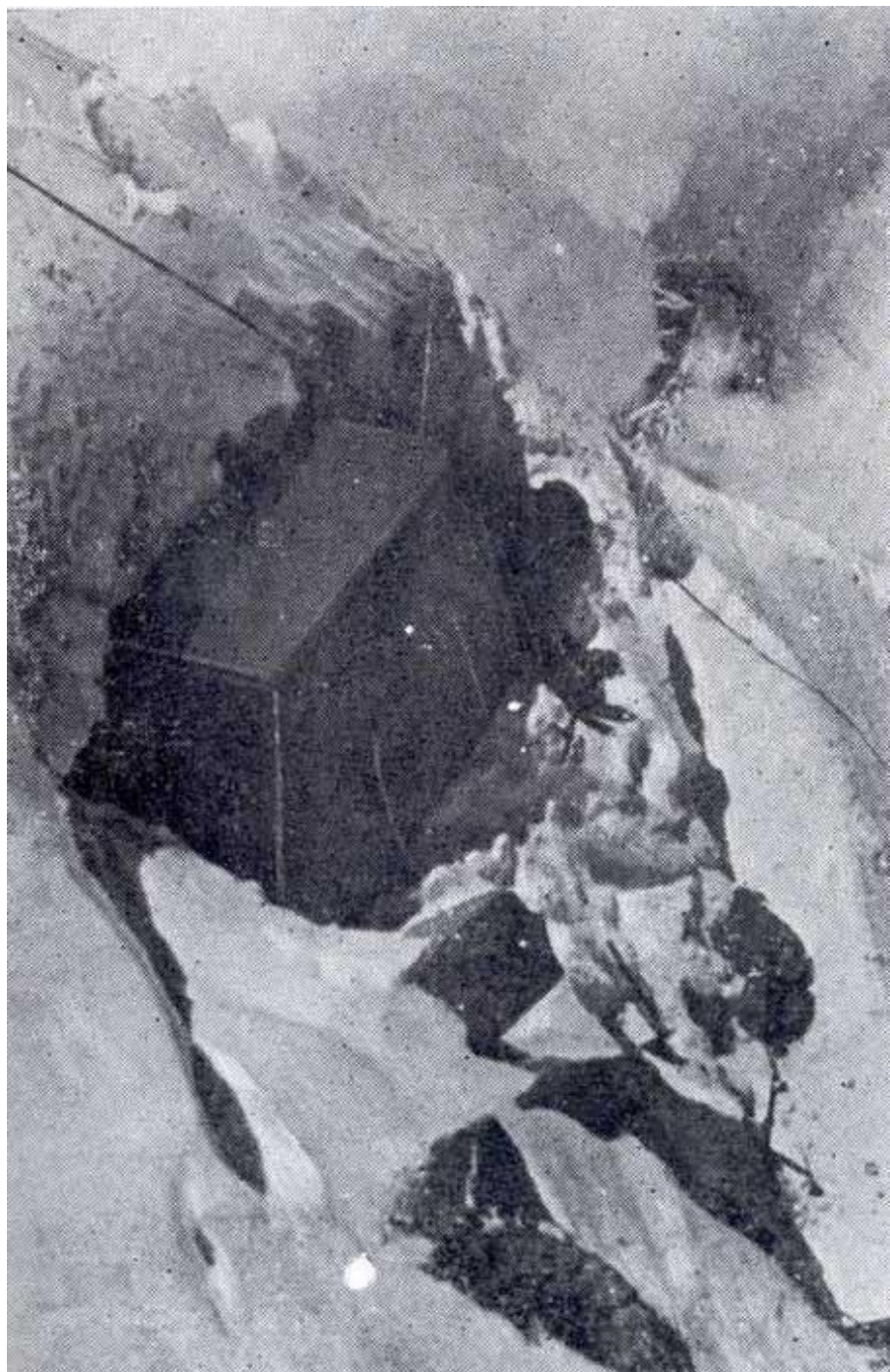
Лагерь II. На заднем плане - пик 6, или Туцзе

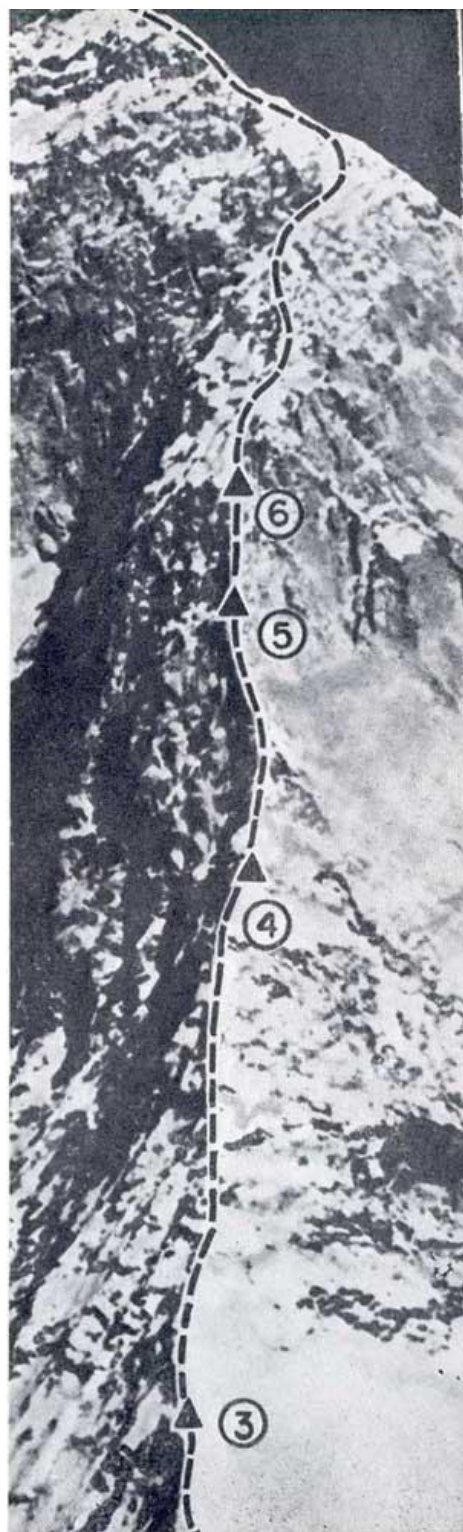

Вид с гребня у начала взлета, на Лхоцзе и Эверест

Лагерь IV. Палатка-хижина

Редбро: междо лагерями IV и VI, взлет

С гребня Близнецов, вид на юго-запад

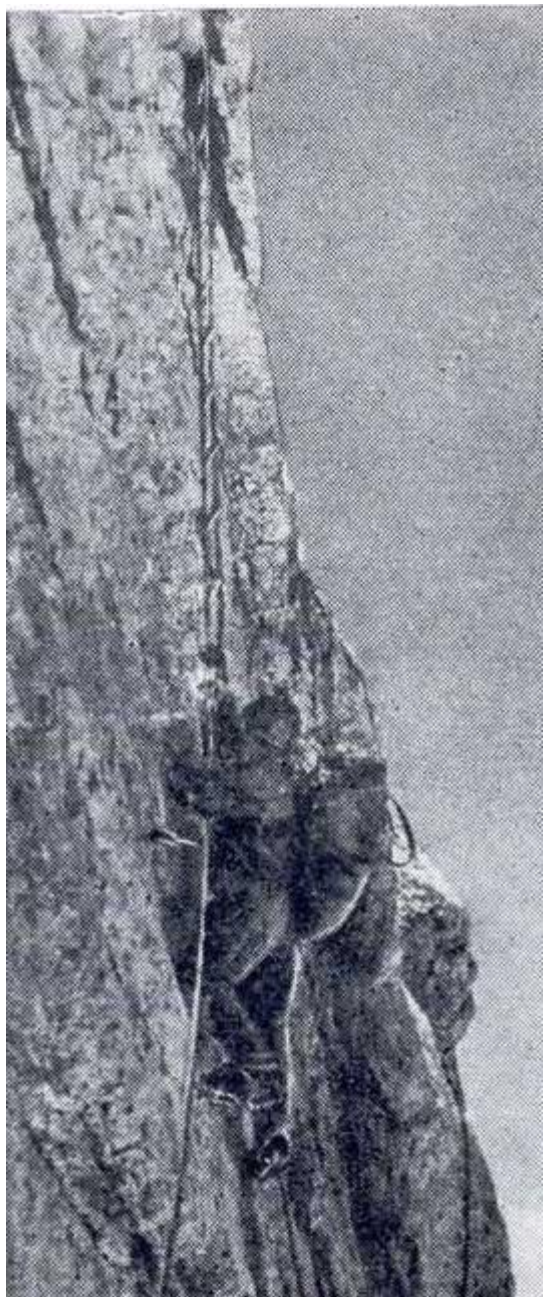

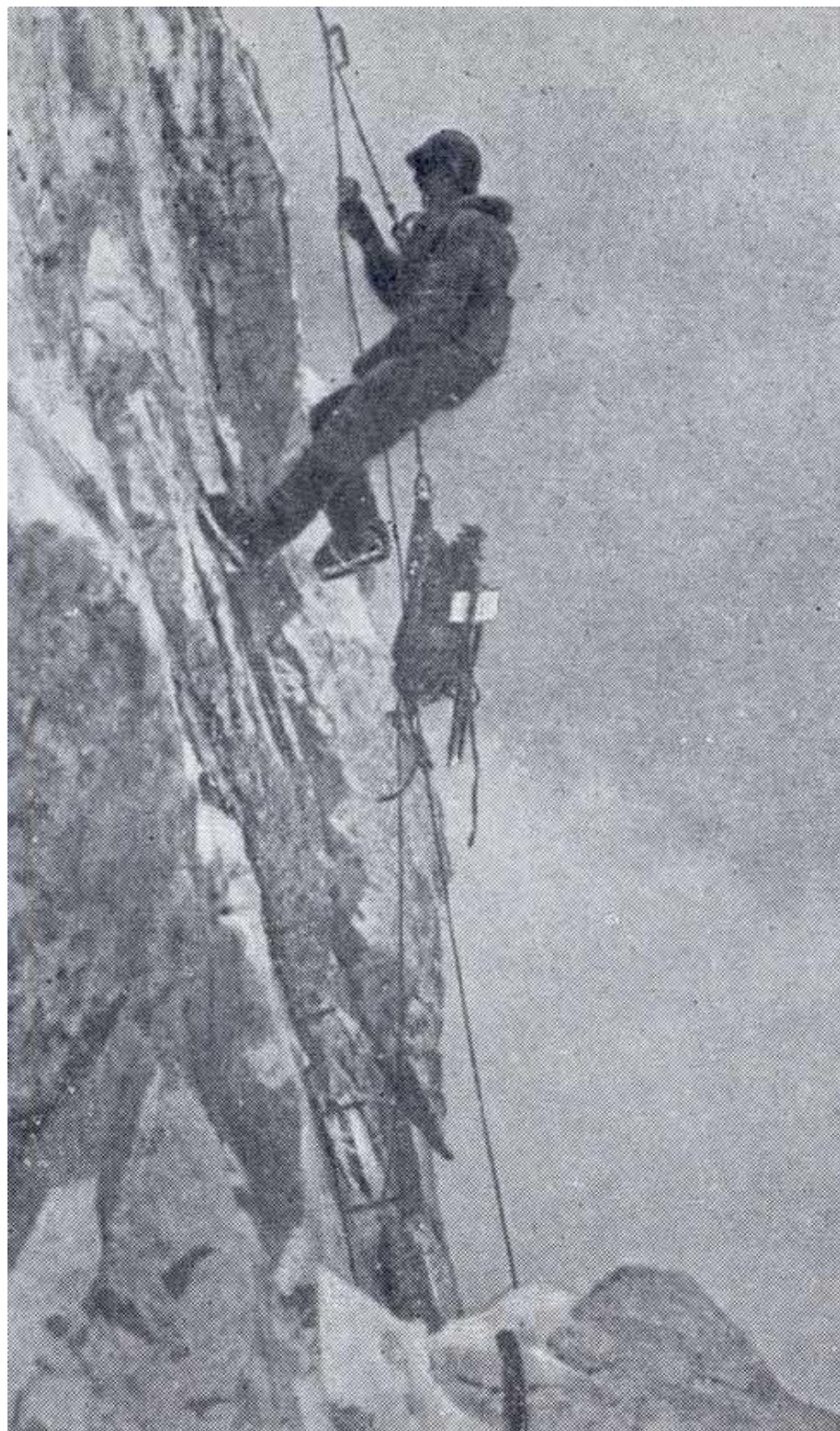

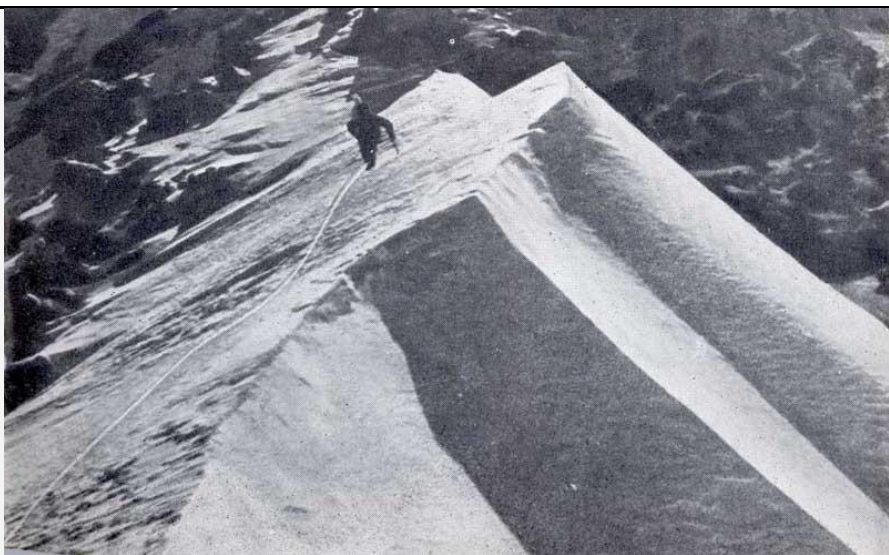
Члены экспедиции. Слева направо: 1-й ряд - Жаже, Сеньер, Пайо, Берардини, Мелле; 2-й ряд - Гийо, Пари, Параго, Моска, Жакоб, Маршал

Над Свечой, нависающие участки

Над лагерем VI, в направлении к вершине

Над лагерем V, штурм нависающего участка

На вершине

Участники экспедиции

Л. Берардини

Ф. Гийо

Р. Жакоб

Кл. Жаже

Ж. Маршаль

Б. Мелле

Ж.-К. Моска

Ж. Пајо

Ж.-П. Пари

Р. Параго

Я. Сеньёр

notes

Примечания

Ребро Валькера — труднейший альпинистский маршрут по северной стене вершины Гранд-Жорас.

Известный французский альпинист, руководитель многих экспедиций, друг Советского Союза, погиб в автомобильной катастрофе. — Прим. пер.

Первый Близнец — 6180 м, второй Близнец — 6420 м.

Опыт покажет позднее, что этот красный гранит на самом деле доходит почти до самой вершины. Последние двадцать метров образованы гнейсом, соответствующим, возможно, знаменитой «желтой полосе» на Эвересте.

См. в приложении кривую высоты по времени для трех членов экспедиции.

Сильные люди (англ., Strong men).

Сирдар был выбран по рекомендации французов, живущих в Катманду, несмотря на отрицательную характеристику Гималайского общества.

Если этот шнур слишком длинен, рюкзак может неприятно раскачиваться, если короткий, то будет мешать работе ног.

См. приложение.

Бинокль, пожалуйста (англ.).

Была побеждена в 1975 г. британскими альпинистами Хэстоном и Скоттом (Прим. перев.)

Эта книга была написана, когда Жана Франко уже не было среди нас, он погиб в автомобильной катастрофе, прибавив свое имя к длинному списку ушедших друзей. После нашего возвращения мы встретились в Шамони. Улыбаясь, как всегда, он сказал мне просто: «Браво, Робер!» Ничего не прибавив. Я оценил...

Обычное выражение очень сильных альпинистов. Однако первый путь на Макалу, тем не менее, является, без сомнения, труднейшим путем из первовосхождений на вершины более 8000 м.

Кинжал.

Ж. Жервазути. Горы, моя жизнь. Гренобль. 1949.